

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОБЩЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА

РАССКАЗЫ О ГЕОРГИИ ДИМИТРОВЕ

РАССКАЗЫ О ГЕОРГИИ ДИМИТРОВЕ

17 kon.

Историко-Революционная
Б И Б Л И О Т Е К А

РАССКАЗЫ О ГЕОРГИИ ДИМИТРОВЕ

Издательство
• ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА •
Москва · 1970

Эта книга о юности и возмужании, жизни и борьбе Георгия Михайловича Димитрова — одного из самых замечательных людей нашей эпохи. Его помнит мир как трибуна и вождя болгарского народа, как выдающегося деятеля международного рабочего и коммунистического движения.

Г. М. Димитров одним из первых выступил против фашизма, дав ему бой на знаменитом Лейпцигском процессе 1933 года.

Дважды Димитрову выносили смертный приговор, держали в каменных подземельях, но не сломили мужественного революционера.

Г. М. Димитров создал Народный Отечественный фронт Болгарии и стоял у истоков ее социалистического развития.

В этой книге собраны рассказы болгарских и советских авторов, воспоминания тех, кому довелось встречаться или вместе работать с Г. М. Димитровым.

Отдельные рассказы и воспоминания печатаются с некоторыми сокращениями.

СОСТАВИТЕЛЬ А. КОРЕНЬКОВ

Оформление Ю. Копылова

Мы многому научились у этого великого человека: научились вере в наши принципы, логичности и точности мышления, самоотверженности в борьбе, целеустремленности, народолюбию, безграничной преданности делу пролетарской социалистической революции...

Пальмиро Тольятти

Он был нашим лучшим товарищем. Он был нашим старшим братом. Он излучал доброту, искренность, беспредельную веру в творческие способности рабочего класса, веру в то, что будущее принадлежит коммунизму.

Морис Торез

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ МУЖЕСТВА

В этой книге собраны свидетельства самого времени о человеке, именем которого зовется мужество.

Говорят, мужество — это совесть, поборовшая смерть.

Жизнь и борьба Георгия Димитрова являются такой совестью, одолевшей в жестоком единоборстве угрозу смерти.

Одолевшей эту угрозу во имя счастья человека, во имя его вечной мечты о свободе и равенстве.

Кем же был для нас этот человек и какой была его дорога к сердцу человечества?

Хочу вызвать в своем сознании образ Георгия Михайловича и вижу маленькую женщину в темном, повдоль повязанном платке, как повязывали платки на Востоке, стянутом надо лбом, чтобы была видна седая прядь...

Мать

В софийском доме Димитровых стоит ткацкий станок. Маленький, крестьянский, подобный тем, на которых ткut сегодня в южноболгарских деревнях. Наверно, этому станку, верному помощнику и другу, старая Парашкева поверяла изо дня в день историю своей жизни.

Был дом, как все рабочие дома, небогатый, но радостно-шумный. Когда большая семья собиралась к завтраку, в полуподвале Димитровых, освещенном неярким светом раннего утра, не было свободного угла: кто расположился на коврике у стола, подобрал под

себя ноги, кто взобрался на топчан, кто подпер плечом, неожиданно сильным, юношеским, притолоку. Как же скуден завтрак, но радостен: семья, большая семья... Закончена небогатая трапеза, и дети покидают дом — торжествен и печально-прекрасен этот обряд расставания с матерью.

— Ты опять собрался в деревню, Тодорчо? Работу можно найти и в Софии!..

— Дай я тебя поцелую, мама...

— Соседи сказали: твой Георгий, как апостол Павел... Столяр Атанас слушал, как ты держал речь перед рабочими. Ой, Георгий, Георгий... Апостола Павла за его речи побили камнями...

— Дай и я тебя поцелую, мама...

— И кто это тебя надоумил, Никола, ехать за тридцать земель? Переплетному делу можно обучиться и в Болгарии...

— Ты у меня умница, мама... Разреши поцеловать тебя, дорогая...

Большая семья: четыре сына, три дочери... Кажется, никогда не опустеет димитровский очаг на софийской улице Ополченской — трудно сказать, будет ли в нем достаток, но радости, доброй сыновней и дочерней радости в нем будет вдоволь...

И вот точно жестоким ветром выветрило гнездо: пусто в доме Димитровых на Ополченской.

Только, может быть, поскрипывает ткацкий станок, сшивая нескончаемые нитки материцкой тоски.

Кажется, все злые силы, свирепствующие в этом мире, объединились, чтобы покарать старую болгарку с улицы Ополченской.

Зерна добра, что щедро разбросали по болгарской земле ее дети, упали на ее старую голову градом...

Костандин сложил голову на Балканской войне.

Никола нашел свой конец в далекой Сибири.

Тодор замучен в софийской тюрьме.

Когда один за другим уходят из жизни три сына, тебя начинает преследовать страх, что беда идет и по следам четвертого. Идет неотступно, стараясь улучшить миг, чтобы свести с ним счеты. Иногда кажется, что он сам вызывает опасность, ставя себя в положение, из которого только чудо может спасти.

А как быть матери?.. Как быть ее нелегкой думе?.. Как быть бедному сердцу, горящему в ночи? Как быть ее одиночеству, ее тоске, ее слабому дыханию, ее надежде протянуть руку к сыну, которая хочет быть рукой всесильной?..

И я вижу, как бедная женщина стучится в ворота тюрем, как она идет по горячим камням вслед за этапом, как смотрит в стеклянные глаза следователей и смотрителей, самым сердцем отражая это «Нет! Нет! Нет!», как идет по ущельям-коридорам навстречу окошку, врезанному в железо, за которым собралось для нее все солнце мира, — там сын...

Кажется, в нерасторжимости матери и сына жива мать и жив сын. В нерасторжимости, которая сильнее бессмертия.

Сын

В жизни каждого человека есть событие, которым отмечено его возмужание. Возмужание ума, опыта, самой способности торить жизненные тропы, без которой юноше трудно стать и воином, и мужем, и гражданином. Для моих сверстников (да только ли для них?) таким событием явилось... Помню осень тридцать третьего года в моем родном Армавире, на Кубани, поздний вечер со звездным небом, сотни людей, стоящих на площади, и голос Москвы, одновременно и тревожно-суровый, и — так мне казалось — торжественный.

«Я допускаю, что я говорю языком резким и суровым, — сказал Димитров в Лейпциге. — Моя борьба и моя жизнь тоже были резкими и суровыми. Но мой язык — язык откровенный и искренний. Я имею обыкновение называть вещи своими именами».

...Нет, это было похоже на чудо: храбрый человек, которого еще в прошлом году никто не знал из нас даже по имени, вошел и в твою жизнь — не было тревоги большей, чем тревога за его судьбу.

«Я не адвокат, который по обязанности защищает здесь своего подзащитного, — гремит радио над городом. — Я защищаю себя самого как обвиняемый комму-

нист. Я защищаю свою собственную коммунистическую революционную честь. Я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения. Я защищаю смысл и содержание своей жизни. Поэтому каждое произнесенное мною перед судом слово — это, так сказать, *кровь от крови и плоть от плоти моей*.

Никогда не забыть этого ощущения: в каменных палатах имперского суда в Лейпциге судили друга и единомышленника, и он могуче отбивал удары и наступал, наступал яростно, пренебрегая неравенством сил, больше того — победив это неравенство.

И я не мог не спросить себя:

Что лежало у самых истоков этого человека?

Извечное братство русского и болгарского? То непреходящее, что несла с собой совместно пролитая кровь — на свете нет цемента сильнее. А может, то грозное, что родилось в конце века, — братство коммунистов, ленинское братство?..

Шли годы, и осень тридцать третьего, казалось, должна была отодвинуться в глубь лет, стать историей, а она жила. Она жила в суровые годы нашего единоборства с фашизмом и под Мадридом, и позже, у стен Севастополя и Ржева... Помню ржевские леса, побитые артиллерийским огнем, точно железной оспой, и колокольню ржевской церкви над снежным полем. Она, эта белая ржевская колоколенка, в эту зиму сорок второго — сорок третьего была для нашей Двадцатой армии и ориентиром и вожделенной целью в ее трудных, стоящих немалой крови попытках взять Ржев.

Однажды ночью тропа вывела меня к лесной сторожке, в которой нашла приют редакция «Красного кавалериста»... да, того знаменитого, что возник в год буденовского рейда на Запад. Быть может, я прошел бы мимо сторожки, если бы не характерный шум печатной машины «американки». У машины стоял офицер, как я установил потом, один из редакторов «Кавалериста», и печатал газету. Не помню, был ли то номер, взятый с машины, или какой-то другой номер, но хорошо помню, что держал газету со статьей о подвиге Димитрова. То, что я прочел в статье, было и прежде известно, но статья заставила с новой силой пережить подвиг Димитрова — очевидно, из ржевского леса виде-

лось больше. В победе Димитрова над фашизмом, в победе его веры и духа мы старались провидеть и нашу грядущую победу.

«Сколько буду жить, буду помнить подвиг брата-коммуниста,— хотелось повторять вслед за автором статьи.— Сколько буду жить...»

Память человека непобедима, ничего с нею не поделаешь и сегодня. Для меня старинный и добрый Лейпциг еще и город, с которым волею судеб связано печальной памяти событие 1933 года. Может, поэтому в первый же день по приезде в Лейпциг я встал с зарей в надежде взглянуть на каменную громаду большого дома, известного тем, что здесь Димитров судил фашизм.

Не просто рассказать, как я стоял в это утро перед полированными камнями этого дома, как открыл тяжелую дверь и по пустынным залам проник на второй этаж, как упрасивал сторожа (час ранний!) показать мне зал, где происходил процесс, как на пороге этого зала встретил Петру Раденкову, болгарскую коммунистку, посвятившую себя изучению жизни и борьбы своего великого соотечественника, и как два часа слушал ее рассказ о жизни Димитрова. В этом рассказе были и мысль, и страсть, и то вдохновение, без которого нельзя рассказать о жизни человека. Мы уже заканчивали осмотр экспозиции, когда перед нами вновь возникла фотография трех болгарских коммунистов, слушающих приговор.

— Танев погиб в начале войны?— спросил я мою собеседницу.

— Да, в сорок первом,— ответила она.— В составе группы парашютистов он высадился где-то в Болгарии и в неравной схватке был сражен...— Она помолчала.— В схватке неравной.

— Попов жив?— спросил я, не сводя глаз с фотографии.

Рослый и крепкоплечий Попов смотрел на меня открыто и прямо.

— Да, единственный из троих.

Уже расставаясь с Петрой Раденковой, я спросил, приходилось ли ей читать юридическую историю процесса.

— Что говорят юристы о ходе процесса и о его исходе? — пояснил я свой вопрос. — Ведь Димитров и его товарищи сражались с людьми, весьма искушенными в премудростях права...

Моя собеседница заметила, что ей на этот вопрос ответить нелегко, однако в Лейпциге находится человек, лучше которого эту проблему сегодня никто не знает.

— Вы хотите сказать, что в Лейпциге... Денис Ноэлл Притт?

У меня были основания для такого вопроса: Притт был председателем знаменитого контрпроцесса, который в те дни проходил в Лондоне и во многом способствовал спасению Димитрова и его товарищей.

Час спустя я уже говорил с Приттом. Мне была интересна встреча с ним тем более, что я немного знал англичанина — летом этого года я виделся с ним в Лондоне.

— У меня такое впечатление, что наша лондонская беседа и не прерывалась, — смеется Притт и сосредоточенно потирает лоб, собираясь с мыслями. — Вы знаете, что процесс в Лейпциге сложился так, что Димитров и его товарищи должны были единоборствовать с составом суда, обвинением, свидетелями и защитой, — убереги меня, господи, от такой защиты, а я уж сам как-нибудь спасусь!.. В этих условиях спасение было не только в мужестве, жизненном опыте, преданности высоким идеалам — в этом нельзя было отказать обвиняемым, — но и в знаниях, общих и, пожалуй, юридических, помноженных на знание языка, что в тех условиях было обстоятельством наиважнейшим. И здесь Димитров явил все свои данные, построив защиту так логично, как может сделать это только профессиональный юрист. Когда мы говорили о Димитрове, мы говорили о подвиге мужества, и это верно: солдат революции, он явил стойкость духа легендарную. Но, очевидно, надо говорить и о подвиге знаний, подвиге культуры. Прочтите речи Димитрова: он сражался с немецкими судьями, опираясь и на Шиллера... А о том, в какой мере это было действенным, спросите Попова!

Мне показалось, что я ослышался.

— Вы сказали: «Спросите Попова»? Вы имеете в

виду сотоварища Димитрова по процессу — Благоя Попова?

— Да, разумеется... Он в Лейпциге и с минуты на минуту должен быть здесь.

Судьбе, видно, было угодно вознаградить меня!

Я подхожу к каменным перилам галереи — отсюда хорошо видны и вестибюль, и парадная дверь. Человек, которого я жду, должен прийти оттуда. В огромном здании все еще по-утреннему тихо. Где-то бьют часы, бьют с придыханием, и их удары, отраженные в металле и мраморе, казалось, сотрясают здание.

Но что я знаю о человеке, которого предстоит мне сейчас увидеть? Из троих болгар он самый молодой. Вожак болгарского комсомола, секретарь ЦК. Кажется, он земляк Димитрова — из одной околии. Впрочем, истинным землячеством для них явилось единомыслие и союз, который это единомыслие утверждал. В двадцать третьем (Болгария в огне восстания) он был вместе с Димитровым против фашистов болгарских, десять лет спустя — немецких.

Парадная дверь открылась, и я услышал шаги человека. Человек поднимался по лестнице, и сейчас я видел только его седую голову. Поднимался нелегко, будто нес на своей сутулой спине все эти годы. Может, тридцать, а может, все шестьдесят три. Он поднялся и, казалось, пошел мне навстречу, пошел медленно — между нами было шагов десять, и ему явно не хватало этого расстояния, чтобы унять растревоженное сердце.

— Не думал, что вновь побываю здесь... Однако чем черт не шутит! — произносит он и незаметно касается ладонью груди. — Да, сердце... чуть-чуть, — говорит он негромко.

Мы идем из комнаты в комнату этого большого дома, и уже во второй раз в это утро передо мной возникает лейпцигская эпопея, теперь рассказанная одним из ее участников.

В одной из комнат Попов задерживается чуть дольше. Перед нами точная копия одиночной камеры: койка, подобие стола, прикрепленного к стене, кандалы.

— Все человеку под силу, но вот кандалы... Не дай бог надсмотрщику плохого настроения: так скрутит вот это железо, что руки занеめют! Хочешь уснуть и

не можешь; особенно худо ночью, все муки — в кандалах!..

Длинный ряд комнат точно пресекался. Возникли высокие темного дерева двери.

— Зал суда?

Легкая белизна трогает и без того бледное лицо Попова.

— Да.

Сторож гремит увесистой связкой ключей, и морщины на лбу моего спутника становятся жестче.

Повернулся ключ, дверь открылась почти бесшумно.

Какую-то секунду мой спутник стоит перед распахнутой дверью, потом не без усилия входит в зал.

Тишина и сумерки, заметно коричневые, — это от дерева, в него одет зал.

Такое впечатление, что я уже был здесь. Может, поэтому пустой зал для меня населен: матово поблескивают круглые шлемы охраны, где-то позади нетерпеливо шелестит бумага — корреспонденты, председатель не выпускает из рук колокольчика: «Подсудимый Димитров! Вы дошли до крайнего предела!»

Мой спутник переводит взгляд на ряды стульев. Он подходит ко второму ряду, останавливается у четвертого стула слева, как-то по-особому, осторожно, кладет руки на спинку:

— Димитров сидел здесь.

На какой-то миг молчание моего спутника сомкнулось с молчанием зала.

— Говорят, что мир узнал Димитрова после Лейпцига. Быть может, это и верно, если говорить о внешнем мире, — Болгария знала его всегда. В ту пору не было события, которое бы так всколыхнуло и потрясло Болгарию, как восстание двадцать третьего года, — Димитров был одним из его вожаков... — Попов умолкает и обводит строгими глазами зал. — Сейчас же после ареста нас изолировали и разделили намертво: в тюрьме — каменные стены, на процессе — часовые, они сидели между нами... Деятельностью суда и следствием руководил Геринг. В одном лице — и палач и свидетель. Допрос Геринга был кульминацией процесса. Вчера я слушал здесь магнитофонную запись этого допроса. Редкое, необычное чувство — вот так через

тридцать с лишним лет приехать сюда, войти в этот зал и вдруг услышать...

Сторож вновь загремел ключами, раздалось шипение включенного репродуктора, и два голоса, накаленных добела, вторглись в зал: Димитров — Геринг. Да, я услышал тот знаменитый диалог, когда узник, рискуя быть четвертованным (я не оговорился: четвертованным!), воздал своему палачу полную меру презрения. (Я воспроизвел здесь этот диалог, как он записан в стенограмме.)

ГЕРИНГ. С моей точки зрения, это было политическое преступление, и я точно так же был убежден, что преступников надо искать в вашей (*обращаясь к Димитрову*) партии. (*Потрясая кулаками в сторону Димитрова, кричит.*) Ваша партия — это партия преступников, которую надо уничтожить! И если на следственные органы и было оказано влияние в этом направлении, то они были направлены по верным следам.

ДИМИТРОВ. Известно ли господину премьер-министру, что эта партия, которую «надо уничтожить», является правящей на шестой части земного шара, а именно в Советском Союзе, и что Советский Союз поддерживает с Германией дипломатические, политические и экономические отношения, что его заказы приносят пользу сотням тысяч германских рабочих?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*к Димитрову*). Я запрещаю вам вести здесь коммунистическую пропаганду!

ДИМИТРОВ. Господин Геринг ведет здесь национал-социалистскую пропаганду! (*Затем обращаясь к Герингу.*) Это коммунистическое мировоззрение господствует в Советском Союзе, в величайшей и лучшей стране мира, и имеет здесь, в Германии, миллионы приверженцев в лице лучших сынов германского народа. Известно ли это...

Я слушаю Димитрова и не могу не думать: какой верностью надо быть верным Родине социализма, какой любовью любить ее, чтобы вот так, поистине без страха и упрека, выступить в ее защиту!

А поединок, казалось, достиг предела.

ГЕРИНГ (*громко крича*). Я вам скажу, что известно германскому народу... Германскому народу известно, что здесь вы бессовестно себя ведете, что вы

явились сюда, чтобы поджечь рейхстаг. Но я здесь не для того, чтобы позволить вам себя допрашивать, как судье, и бросать мне упреки! Вы в моих глазах мошенник, которого надо просто повесить...

ДИМИТРОВ. Я очень доволен ответом господина премьер-министра... У меня есть еще вопрос, относящийся к делу...

ГЕРИНГ (*кричит*). Вон, подлец!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*обращаясь к полицейским*). Выведите его!

ДИМИТРОВ (*которого полицейские выводят из зала*). Вы, наверно, боитесь моих вопросов, господин премьер-министр?

ГЕРИНГ (*кричит вслед Димитрову*). Смотрите берегитесь, я с вами расправлюсь, как вы только выйдете из суда!..

Микрофон выключен, и, казалось, вновь в зал вошла тишина, а в сознании еще звучит реплика Димитрова: «Вы, наверно, боитесь моих вопросов, господин премьер-министр?»

— В это утро Геринг сжег себя, а заодно и процесс, который он с таким трудом сооружал, — произносит Попов. — Теперь, как отметила одна газета, мир по крайней мере знал, что являла собой так называемая тайна о поджоге рейхстага...

Двумя днями позже я был в Берлине. По людной Унтер-ден-Линден я дошел до Бранденбургских ворот и справа, за стеной, разделяющей город надвое, увидел характерный выступ рейхстага со знаменем Федеративной Германии на флагштоке. Я смотрел на здание рейхстага и медленно развевающееся знамя и думал о том, что в природе нет ничего тверже памяти, нет и, пожалуй, не должно быть... Я смотрел на это знамя, застланное городскими дымами, и думал о Ржеве с его белой колоколенкой, о ржевском лесе, выкрошенном артиллерийским огнем, и о статье в армейской газете, которую прочел в этом лесу однажды ночью.

«Сколько буду жить, буду помнить подвиг брата-коммуниста, — вдруг встали в памяти слова той ночи. — Сколько буду жить...»

Что же все-таки лежало у истоков этого человека?

Нигде этот вопрос не звучал для меня так насущно, как в Болгарии.

Что лежало у истоков человека?

Извечное братство русского и болгарского?

Я был на орлиной скале Шипки, где сшиблись русские и турки в своей решимости овладеть перевалом. Объехал крепостные редуты Плевны, бывшие дальними и ближними рубежами осажденного города. Пересек Казанлыкскую долину, знаменитую долину роз, на которой сам отсвет цветов воспринял свечение пролитой здесь русской крови.

Если говорить об истоках, определивших жизнь человека, наверняка это были и Шипка, и Плевна, и Казанлык — боевое братство болгар и русских. Наверняка, но не только это.

Во время поездки по Болгарии я был в Варне, точнее — в порту Варны. Портовики-ветераны, грузчики и матросы, повели меня в дальний конец большого, мощенного булыжником двора, где, по их рассказам, начинался старый варнинский порт. «Здесь стоял тот самый корабль, который вез оружие в Россию, — дорога в Одессу легла так...» Человек, говоривший со мной, рассек ладонью море.

Если говорить об истоках, определивших жизнь человека, наверняка это была и Варна, революционное братство болгар и русских. Наверняка, но не только это.

В Софии мне сказали, что цел родительский дом Димитрова на Ополченской, дом, в котором Георгий Михайлович прожил более тридцати лет... Признаюсь, что, когда в пролете окраинной софийской улицы возник этот дом с тремя окнами, расположенными по фасаду как-то вразброс, я испытал нечто такое, что суждено испытать человеку, когда он становится неожиданным свидетелем чуда. Вспомнился тот вечер на площади степного кубанского города и громоподобное димитровское слово на процессе. И неожиданная встреча в ржевском лесу. И накаленный добела диалог двух — Димитрова и Геринга — в каменных палатах имперского суда в Лейпциге. Вспомнилось все это, и действительно было ощущение чуда: вон в какой трепет поверг каменную лейпцигскую громаду скромный дом на Ополченской!..

Что-то в облике этого дома на софийской улице Ополченской показалось мне поначалу родным, южно-русским. Сразу и не скажешь, что именно: беленные синеватой известью стены или черепичная крыша, ярко-белые наличники окон или высокое крыльцо, обеденный стол под тенистым деревом или низкий красный перец, развешанные по карнизу... Но только поначалу: на самом деле это был болгарский дом. Вот ты переступил порог дома и по крутым ступеням спустился вниз: Димитровы жили вначале в полуподвале. Здесь все болгарское. И круглый столик на низких ножках, вокруг которого семья усаживалась прямо на полу, подложив под себя ковровые подушки. И массивные бревна-матицы, поддерживающие потолок. И икона на притолоке характерного византийского письма. И вот эта прялка, у которой сидела старая Парашкева, мудрая хранительница очага Димитровых, мать трех дочерей и четырех сыновей, да, четырех, один из которых погиб на войне Балканской, другой умер в царской неволе, третий казнен болгарскими опричниками, а четвертому дано воздать за всех четырех, да еще за горе горькое страдалицы матери...

Я иду по дому вместе с женщиной, в чьи гладко зачесанные волосы точно вплелась синеватая седина — она легла в волосах прядями. В облике женщины есть что-то фамильное, димитровское: в особой округлости подбородка, в вырезе рта, очень четкого, в самом взгляде чистых и ярких глаз, в открытости взгляда. Это младшая сестра Димитрова. Время от времени она протягивает руку, обводит часть комнаты:

— Видите умывальник?.. Здесь Георгий прятал листовки...

Наверно, и сейчас это произнести не просто: брат прятал листовки. Гонимый брат, дважды заочно приговоренный к смерти.

И мне хочется задать ей вопрос, который я пронес через все годы:

— Что лежало у истоков человека?.. У самых истоков?

Она задумывается:

— У истоков? — Ее густые брови тревожно вздрогнули. — У истоков? Вот этот дом, каким видите его

вы!.. Дом и еще... вот это.— Она указала на полки с книгами.

Едва войдя сюда, я обратил внимание на эти полки. На них нельзя не обратить внимание. Три тысячи томов как-то трудно соотнести с более чем скромными размерами дома. Да, все сокровища здесь, на этих книжных полках. Протягиваю руку, раскрываю первую книгу. Ленин.

Теперь я вижу: здесь начинались истоки человека. Здесь.

Виук

Говорят: все отцы желают своим сыновьям того, что не удалось им самим. Однако иногда необыкновенно радостно увидеть в жизненном пути сына твой собственный путь. Увидишь и подумаешь: в жизни есть своя неодолимость, своя преемственность — если сын пошел дорогой отца, значит, отец прожил свою жизнь не даром.

У Георгия Михайловича не осталось сына, хотя мощное древо димитровского рода разветвилось могуче... Вот, например, сын старшей сестры: Любчо. Говорят, у него характер дяди: неодолимо вольнолюбивый и настойчивый. Георгий Михайлович никогда не видел Любчо. Однако в том-то и сила идеи, которой посвятили они себя, что, не зная друг друга, они избрали один путь.

Когда Георгий Михайлович был брошен в каменные казематы Моабита, Любчо переступил порог болгарского заточения. Нет, Любчо был не Димитров, а Барымов. Больше того, его отец был человеком, чье имя не ставилось властями под сомнение: он был хозяином маленькой типографии, которая печатала канцелярские бланки и афиши заезжих артистов. Однако, как ни честен был старый Барымов, добродетельный городок Самоков видел в его сыне не Барымова, а Димитрова. Да, бесстрашного Димитрова, кто с лейпцигской трибуны громил сейчас фашизм. И Любчо не отверг в себе димитровского первородства. Наоборот, воспринял его всей своей жизнью, хотя отца он любил.

Да, отец у Любчо был человеком доброго и честного сердца — он сберег доверие сына. Письма Любчо к отцу искренни, в них и любовь и вера.

Вот отрывок из них:

«...Эх, отец, если бы ты мог хоть немножко пожить в той среде, в которой я живу, ты бы увидел так много неизвестных вещей, что коренным образом переменялся бы. Какой идеализм, какая преданность движению, какая смелость! Эти качества я стремлюсь приобрести и как можно лучше укрепить в себе. И, как мне кажется, я в этом успеваю. Верно, что ты не будешь стыдиться такого сына...»

«...Раньше жизнь повертывалась ко мне бурной неизвестностью. Прежде чем я сюда попал, я смотрел на жизнь испуганными глазами, как бы считая, что все в жизни темно и страшно. И вдруг я вошел в жизнь, увидел ее прямо в лицо. Самое важное — я узнал ее, понял ее. Сейчас я вхожу в нее глубже и глубже с ясным представлением о будущем, имея перед собой разрешенный вопрос: «зачем я живу на этом свете», «что нужно делать и куда идти»...»

И еще два отрывка из писем, относящихся уже к более позднему периоду, когда в Лейпциге начался суд над Георгием:

«...То, что вы пишете о бабушке, говорит о многом и исключительно интересном. Но не удивительно. Что другое можно ожидать? И то, что она была готова сделать, — велико, за это она заслуживает пролетарские приветы, поздравление от целой взволнованной земли... Было бы отлично, если бы вы могли поехать в Лейпциг, но проклятая бедность! Но ничего, вы можете сделать достаточно и отсюда. Не знаю, почему вы еще молчите, ты и отец. Неужели бабушка должна вас превзойти? Эх, ужасно мне тяжело, что я за решеткой именно в этот важный, решающий момент... Я прошу вас приобретать и хранить все документы по делу — все, до которых вы можете добраться. Они мне будут очень нужны...»

«...Отец, из предыдущего письма я понял, что ты страшно тревожишься за меня. Это, конечно, естественно, но лучше, чтобы этого не было. Ведь верно, что борьба с нашей человеческой природой бывает очень

полезна. Я был бы гораздо спокойнее и терпеливее, если бы узнал, что ты победил ту страшную муку, которая сквозит в твоём предыдущем письме. Действительно, сегодня человек не может быть совсем спокоен. Особенно же в твоём положении. Но ты знаешь, что сильно выигрывают те, кто победил жизнь, кто вопреки всему бодр, смел и стремительно идет вперед.

...Очень мало ты мне говоришь о процессе дяди, хотя знаешь, как сильно меня это интересует...

Отец, снова прошу — не волнуйся... А твой сын не только я. Хелл, Михаил и все мои другие близкие друзья — все как сыновья тебе...

Целую твою руку... Твой Любчо».

Слово Любчо победило расстояние и камень — эти лейпцигские темницы Димитрова.

В этой переписке двух Димитровых, старшего и младшего, оказавшихся в одно и то же время в фашистских застенках, есть нечто победно-значительное.

И, наверно, своеобразным апофеозом этой истории о матери, сыне и внуке является письмо, которое Георгий Михайлович Димитров послал матери Любчо из тюрьмы.

«Он должен взять пример с меня. Несмотря на то что мне 51 год и для меня создан в тюрьме чрезвычайно тяжелый режим, я использую малейшую возможность для того, чтобы учиться и учиться. Ты должна передать ему это от моего имени. Передай ему также мой сердечный привет. И смелость, смелость и еще раз смелость! Я как лев в клетке, как птица, которая имеет крылья, но не может летать!..»

Любчо прожил жизнь, достойную революционера, — он сложил голову, сражаясь против фашизма.

Там, где был его отцовский дом, стоит дом новый, в светлых гранях которого видится Болгария, какой она выглядит сегодня.

На доме — мраморный прямоугольник мемориальной доски. Строки предельно скупы, однако в них вся история жизни и смерти Любчо:

«Здесь жил Любек Барымов, родился в 1914 году, член ЦК комсомола, партизанский политкомиссар третьего батальона. Убит фашистскими палачами 13 мая 1944 года на краю села Стреземировцы».

* * *

Мне хотелось рассказать о подвиге Димитрова, поведав и о подвиге матушки Парашкевы и молодого Любчо.

Мне кажется, что в этой преемственности поколений и родословная димитровского подвига, и его истинное бессмертие — великий боец против фашизма живет в поступках юных.

Сива Дангулов

ДЕТСТВО
И ЮНОСТЬ
ГЕОРГИЯ
ДИМИТРОВА

Здесь родился Димитров Село Ковачевцы

Оно расположено в Западной Болгарии, на берегу быстрой речки Светля. Вокруг него шумят яблоневые сады и волнуются пшеничные нивы. В маленькой хатке, придавленной тяжелой черепичной крышей, 18 июня 1882 года родился Георгий Димитров.

Каждому болгарину — и вихрастому малышу, и древнему старцу — бесконечно близко и дорого название этого села, где начало биться пламенное сердце великого революционера, бесстрашного борца за свободу и счастье народа.

Теперь в Ковачевцах стоит величественный дом-памятник Георгию Димитрову. Здание сооружено в староболгарском стиле — с высокими колоннами и облицовано сталактитом. Плафоны и стены его залов и помещений оформлены талантливыми национальными мастерами гипсовой лепки и фигурной железнойковки. Жители Ковачевцев — члены Земледельческого кооператива имени Георгия Димитрова.

...Вскоре после рождения сына-первенца отец Димитрова покинул Ковачевцы и в поисках заработка переехал со своей семьей в город Радомир, а затем в Софию,

Родной дом Димитрова

Его поставил отец Димитрова на пустынной окраине Софии в 1890 году. Тогда Георгию едва исполнилось восемь лет. Дом был небольшой — несколько комнат, кухня, коридор. Вокруг был пустырь, рядом протекала студеная река. Вскоре здесь стали расти, словно грибы после дождя, другие такие же домики. В них жили друзья маленького Георгия. Начала складываться улица, с тротуарами, мостовой. Ее назвали Ополченской, а квартал, в который она вошла, Ючбунар. Потом он стал центром третьего пролетарского района Софии.

В этом квартале жили мелкие торговцы, главным образом македонцы, еврей-ремесленники, цыгане — чистильщики обуви, болгарский рабочий люд, — словом, бедняки. Здесь провел тридцать два года своей жизни Георгий Михайлович Димитров. Здесь был его дом вплоть до эмиграции после Сентябрьского восстания 1923 года. Здесь он рос под ласковой заботой своей матери — бабушки Парашкевы, и впервые познал, что такое дружба, любовь, прочитал первые книги, написал свою первую статью.

В этом доме жили дети бабки Парашкевы. Старший сын, Никола, умер в сибирской ссылке, Костандин погиб в Балканскую войну, Тодор был расстрелян царской охранкой в 1923 году. Сейчас в этом доме Музей Георгия Димитрова.

Низкий фасад, выходящий на улицу, и свисающая к самым окнам черепичная крыша. За оградой — тихий дворик, поросший густой травой. В середине двора растут два тутовых дерева, на вершины которых не раз взбирался Георгий. А перед входом во двор широко разросся виноград. В его тени Димитров читал свои любимые книги, там несли дозорную вахту друзья, когда в доме происходила какая-нибудь важная встреча.

А вот и комната Димитрова. Письменный стол, полки с книгами. Их очень много. Они по всей степе. Всё книги и книги. Толстой и Чернышевский, Вазов и Ботев, ком-

плекты различных толстых журналов, произведения Герцена, Белинского, Тургенева, Горького. Многие из этих книг Димитров читал в оригинале — на русском языке. Тома Маркса и Энгельса, Ленина и Благодеева, Гёте и Гюго, Шиллера и Байрона, Шекспира и Пушкина. Книги, прочитанные по многу раз.

Димитров любил этот дом. Он поспешил туда в первый же день по возвращении на родину в 1946 году. Его автомобиль часто останавливался у этого дома, когда уже он был премьер-министром Болгарии. Димитров обычно садился на скамейке во дворе, чтобы подышать воздухом родного очага. Теперь этот дом — драгоценная реликвия болгарского народа.

Камен Калчев

Ученик¹

Наступило время учения. Еще до записи в школу Георгий хвалился:

— Я ученик первого отделения!

Все заботы о новом ученике легли на мать. Первого дня занятий в школе она ожидала с не меньшим волнением, чем сын. Сшила сыну куртку, брюки и сумку для книг.

Долгожданный день наступал медленно. Утро только занималось, когда Георгий проснулся. Сбросив одеяло, он соскочил с кровати и кинулся умываться.

— Очень рано, сын, — заметила мать. — Люди еще спят, училище закрыто.

— Не рано. Пока дойдем, как раз и будет время.

Мать не возразила и стала собираться. Проснулась и дочь, поднялся отец, встал на ноги весь дом. Надо спешить, чтобы приготовить и отправить ученика.

¹ Рассказы Камена Калчева взяты из книги автора «Сын рабочего класса».

А Георгий был уже у ворот. Сумка с книгами висела за его спиной.

Какой чудесный день! Роса еще блестела на траве, туман поднимался от реки, и в кустарнике кричали воробьи. Георгий приподнялся на цыпочки и поглядел на улицу. Людей еще не было. Только собака переходила улицу, таща длинный мохнатый хвост. Но сегодня у Георгия мысли были заняты другим, как и у всех учеников первого класса. Он только крикнул:

— Пойдем, мама!

— Иду, иду...

И на пороге появилась мать вместе с дочкой. Следом вышел отец. Позвал сына, положил ему руки на плечи и сказал:

— В добрый час, сынок. Слушайся учителя, учись.

Георгий даже покраснел от волнения.

Отец проводил их за ворота и долго глядел вслед. Парашкева держала дочку за руку, а Георгий шел впереди. Сумка с книгами прыгала у него на спине.

Училище св. Климента Охридского находилось далеко, и все же Димитровы пришли туда раньше всех.

Спустя немного времени двор заполнился детьми. Стало шумно и весело. Все направились в учительскую записываться. Вошел туда и Георгий с матерью.

В учительской комнате все было так интересно! У окна висела большая географическая карта, на столе стоял большой раскрашенный шар, который так и блестел на солнце. У дверей качался маятник старинных часов. Георгий стоял как зачарованный — такого он еще никогда не видел. На столе перед учителем Георгий заметил блестящий металлический звонок. Учитель нажал на звонок, и по комнате разлились веселые звуки. Дверь открылась, и вошел служитель:

— Слушаю, господин учитель!

— Всех учеников построить по два и ввести в учительскую. Да скажи им, что это не постоянный двор, а училище.

— Я уже им объяснял, да они не слушают... — стал было оправдываться служитель.

Но учитель подал знак удалиться. Поглядев поверх очков, учитель спросил:

— Твоя очередь, мальчик?

Георгий вздрогнул. За него ответила мать:

— Да, его.

— Документы! — сказал учитель.

Мать подала метрическое свидетельство. Учитель взял, оглядел его внимательно и, окунув в чернила перо, начал писать: «Георгий Димитров Михайлов...»

Рука учителя дрожала; была она сухая, желтая, разрисованная вспухшими синими жилами. Он писал медленно, выписывая каждую букву. Пожелтевшие от табака усы его закрывали рот. Лицо во всех направлениях было прорезано морщинами. Георгий пристально рассматривал учителя. Рядом с большим журналом, в который учитель записывал имена учеников, лежала тонкая палка с заостренным концом. Учитель поднял голову и сказал коротко:

— Готово! Следующий!

Парашкева схватила сына и потащила к выходу. Учитель окликнул их:

— Останьтесь на молебен!

— Останемся, учитель, останемся, — ответила мать, выводя сына во двор.

— Для чего эта палка, мама?

— Какая палка?

— На столе учителя.

— Чтобы бить плохих учеников.

— А что значит — плохие ученики?

— Которые не слушаются...

Молебен начался через час. Ученики и родители собрались во дворе, под старым высоким вязом. Здесь они и выслушали молитву.

После молебна Георгий и мать отправились в ближайшую лавку купить грифель и грифельную доску. И вот грифель и доска в сумке. Всю дорогу Георгий шел молча и только время от времени трогал сумку — на месте ли дорогие его сердцу предметы.

К обеду вернулись домой. Георгий первым делом повесил над своей кроватью грифельную доску, повесил так высоко, чтобы ее не достала сестренка. В этот день ему не игралось, он помнил, что теперь он ученик первого класса.

Начало трудовой жизни

Семья Димитрова росла. Родились Никола и Любомир. Двор наполнился шумом и криком. Парашкева едва успевала вести хозяйство: чинить одежду, готовить пищу, ткать. И все же никто и никогда не слышал от нее жалобы. Всегда она была опрятной, с засученными рукавами, гладко зачесанными волосами.

Как самый старший, Георгий помогал матери по хозяйству. Исполнял он все беспрекословно. Находил время поработать и на грядках во дворе. Кроме цветов, теперь появились лук, картофель, петрушка...

Счастливая мать!

Дети слушались ее, помогали ей. Старшие нянчили младших, старались заменить им мать, в чем только могли. Георгий опекал сестру и меньших братьев, защищал их на улице от драчунов. Одним словом, он скоро почувствовал себя взрослым. Но иногда случалась и беда... Метил камнем в собаку, а попал в соседское окно; возвращаясь из пекарни, уронил наземь противень с пирогом — и только потому, что хотел нести его на голове; влепил как-то в прохожего мячом... Да что только не случается с мальчишками! Разве не за это взрослые треплют их за уши? Георгий не скрывал своей вины и принимал наказание как заслуженное, и это нравилось строгому отцу. А мать, нежно глядя на сына, восклицала:

— Очень уж ты непоседливый, сын! Неужели и повзрослев таким же останешься?

Георгий молчал. Как он мог сказать, каким станет, когда вырастет?

А семья все прибывала. Кроме Георгия, Магдолины, Николы и Любомира, появился еще и Костандин. На правах члена семьи поселился у старого Димитра и ученик его Теофил. Это был застенчивый, скромный юноша из села Пирдоп. Подружившись с Георгием, он много рассказывал о жизни в родном селе. Георгий любил с ним разговаривать. Часто, уходя в мастерскую отца и усевшись там на скамейке, заводил с Теофилом долгие беседы. Порой Теофил говорил грустно:

— Хорошо тебе, Гого, ты выучишься, станешь учителем, а наше дело — умереть здесь над иглой...

— Почему, Теофил?

— Потому что мы бедняки... Что может сделать бедный человек? Хотел я учиться, но отец погнал меня на заработки. Кто за него будет платить долги?

— А ты хочешь учиться?

— Хочу.

— Я тебе дам книги... Любишь ли ты историю?

— Что такое история?

— Она рассказывает о греках, римлянах, филистимлянах...

— Принеси.

Георгий на другой день принес книгу. Теофил ее развернул, поглядел картинки, пообещал прочесть от корки до корки, но дальше обещания дело не пошло, он едва прочел две страницы.

— Нет времени, Гого,— оправдывался Теофил,— целый день с иглой. Когда читать? Вечером глаза болят... Так и ослепнуть можно. Да и наша песенка спета, хотя бы ты ученым стал.

И Теофил умолкал, замыкаясь в себе и как бы смиряясь с тяжелой судьбой. Георгию это не нравилось.

— Ты очень пугливый, Теофил.

— Верно,— признавался тот,— я трусливый, потому что бедняк. Бедняка каждый может обидеть...

Это сердило Георгия. Как не стыдно признаваться, что ты труслив!

Как-то вечером читали историю прославленного Ивайлы — пастуха, ставшего народным вождем. Рассказ разволновал Теофила.

— Да, и среди простого народа в старину были большие люди, но теперь их нет... То было другое время...

— А Ботев, Левский, Бенковский! — взорвался Георгий. — Слышал ли ты что о них?

— Нет,— опустил голову Теофил,— не слышал.

Дружба с Теофилом продолжалась недолго. Однажды прибыл его отец и увез сына в Пирдоп. Уехал Теофил — и как в воду канул, словно ростовщик продал его за недоимки вместе с отцом и всеми их пожитками...

Летели годы. Георгию надо было уже идти во второй класс. Врач посоветовал родителям пропустить один год:

мальчик был слаб здоровьем, страдал золотухой. Так и сделали. Георгий тяжело перенес разлуку с училищем, но продолжал заниматься дома с надеждой, что на следующий год он вернется. Однако и на следующий год учиться ему не пришлось, только по другой причине: у отца не было денег.

Детей было много. Надо было еще кому-то из семьи начать работать. Самым взрослым был Георгий. Это значило, что теперь пора и ему закатать рукава и впрячься в работу.

Димитр не хотел обучать сына своему ремеслу. Кому сейчас нужны старомодные меховые шапки? На этом деле с голоду можно умереть... Лучше подумать о чем-то другом. Советовался с разными людьми, но никто не мог придумать ничего надежного.

Георгий сам выбрал себе занятие.

— Отец,— сказал он,— я решил стать печатником. Наборщиком.

Отец не возразил, только спросил:

— Кто тебя этому обучит?

— Сам научусь... Я говорил уже с Йорданом Караивановым, переплетчиком... Замечательное ремесло! Да и книги можно читать всласть...

— Хорошо,— согласился отец,— хочешь стать печатником — становись. Это ремесло не для простых людей... Ум пужен для него.

В сентябре 1894 года Георгий Димитров поступил учеником наборщика в типографию Николя Пиперова. Вначале мел он в типографии полы, носил воду, как и все ученики, а потом встал за кассу набирать тексты.

Камен Калчев

Редактор-разоблачитель

Одним из близких друзей Георгия Димитрова в то время был переплетчик Йордан Караиванов, социалист, смелый, задорный молодой человек,

Переpletная мастерская, где работал Караиванов, находилась рядом с типографией. Каждый вечер после работы Йордан открывал двери типографии и звал приятеля на прогулку. Любили они побродить по городу, побеседовать, пошутить.

Однажды в летний вечер два друга отправились в городской сад. Как все здесь, в центре столицы, не похоже на рабочий квартал Ючбунар! Яркие фонари, нарядные женщины, рестораны, полные веселящихся господ.

А в городском саду — своя прелесть. Вечерний воздух, напоенный ароматом цветов, казалось, звенел от шума листвы. Слышался плеск фонтана — из поднятой руки высокой мраморной богини вырывались вывы струи воды. Вокруг фонтана гуляли влюбленные.

Неподалеку от фонтана на деревянной скамье устроились Георгий с Йорданом. Сидели молча, наслаждаясь летним вечером. Йордан вспомнил о книгах, которые он недавно прочел, и стал рассказывать о них. Временами он увлекался и говорил так горячо, так вдохновенно, будто слушали его тысячи людей, а не один человек.

— Согласно учению Карла Маркса, — говорил Йордан, — будущее принадлежит рабочему классу, а не господину Пиперову, хозяину типографии. Четвертое сословие выметет в мусорную яму третье сословие, и после того начнется строительство новой жизни... Значит, предстоит борьба. А борьба требует знаний. Значит, надо читать.

Георгий слушал задумчиво.

— Конечно, — продолжал Йордан, — мы с тобой не можем закончить училище, но есть школа получше самого высшего учебного заведения — это жизнь... Читал ли ты «Что такое социализм?»¹ Не читал. А «Наемный труд и капитал» Карла Маркса? Тоже нет. А надо читать, брат. Надо читать. Понятно?

Георгий смущенно молчал. Йордан пригласил его к себе домой, предложил книги.

— Пойдем, увидишь, в каких палатах я живу. — Йордан схватил Георгия за руку и увлек за собой.

«Палаты» Караиванова находились на чердаке. Было там темно, душно, пахло чесноком. Йордан зажег кероси-

¹ Книга Д. Благодеева «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?»

новую лампу и открыл окно. Бледный свет осветил низкую деревянную кровать, на которой лежал подмастерье, земляк Караиванова. У кровати стоял покосившийся стол, на котором виднелись остатки ужина — чесночная кожура, соль и кусочек пожелтевшего сыра. Иордан накрыл спящего сползшим было одеялом и тихо сказал Георгию:

— И мы думаем, что живем. Да пропади она, такая жизнь!

Через открытое окно потянул свежий ветерок и зашелестел листом газеты, которой был накрыт стол. Где-то далеко прозвенел звонок запоздавшего фэтона, послышался конский топот, и опять все замерло. Только похрапывал спящий подмастерье.

— Иногда мне хочется, — заговорил снова Караиванов, — сесть и описать всю вот эту нашу жизнь... Описать, как живет рабочий... И как живут богачи...

Он подпер голову рукой, взлохматив свои пышные волосы. Ветерок играл упавшими на лицо прядями. Караиванов задумчиво глядел в окно, за которым виднелся кусок звездного неба.

— Знаешь, Георгий, какой чудный рассказ можно написать... «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Здорово!

— Да, Караиванов, — ответил Георгий, — ты и раньше рассказывал о своих планах, но ничего что-то из них не выходит...

— Прав ты, нужны дела! Я быстро загораюсь, брат, и быстро гасну.

Караиванов повернулся к полке, на которой лежало несколько книг, взял одну и сказал:

— Видишь, что здесь написано?

Георгий поглядел через плечо Караиванова, а тот начал читать:

— «Пускай нам говорит изменчивая мода, что тема старая — страдания народа и что поэзия забыть ее должна. Не верьте, юноши! Не стареет она. О, если бы ее могли состарить годы! Процвел бы божий мир...»

Взволнованный Георгий встал. Караиванов, все больше воодушевляясь, продолжал читать:

— «Я лиру посвятил народу своему. Быть может, я умру, неведомый ему, но я ему служил — и сердцем я спокоен».

Караиванов читал еще долго, а потом, потрясая кулаком, сказал:

— Вот это называется писатель!

— Кто он?

— Некрасов, русский писатель. Но есть и другой, такой же, как он, — Чернышевский.

— А у тебя есть что-нибудь написанное? — спросил Георгий.

— Нет, я еще ничего не написал, но все у меня в голове. В любой момент могу сесть и написать.

— Интересно! Напиши...

— Нет смысла, Гьоре: кто напечатает?

— Найдем! Можем издать газету, я ее наберу. Я уже давно взял на прицел нашего попа.

— Я тебе дам поговорки, хочешь? «У попа просить хлеба — что у мертвеца слез». «Из попа святого, из реди-ски соления, из монаха соседа не сделаешь». Ну как, подходит?

— Чудесно! Остается придумать название для газеты.

— Сейчас же этим и займемся, — подхватил Караиванов. — Я тебя не отпущу, пока не придумаем.

— Уже придумал. Боюсь только, не смешно ли будет.

— Говори.

— Назовем, к примеру, «Кукареку».

— Чудесно!

Увлеченные своей выдумкой, друзья тут же начали составлять макет будущей газеты. Поскольку Георгий имел уже опыт, он указывал место для передовой статьи, фельетона. Караиванов, потирая руки, только восклицал:

— Чудесно! Чудесно!

Через неделю газета «Кукареку» вышла в свет. Редактор хоть и претерпел много мук и злоключений, но слово сдержал — газету выпустил в срок. Понятно, что тираж был ограниченным — только для самой отборной публики: для рабочих типографии и переплетной мастерской, а также для соседей по кварталу Ючбунар.

Все читали с большим интересом. Караиванов сиял, радовался и Георгий. Но радость была непродолжительной. Неизвестно какими путями «Кукареку» попала в руки священника, осмеянного в ней. Неприятности посыпались на голову редактора. Священник пожаловался отцу. Сначала Димитр не обратил внимания, считая, что это

просто мальчишеская забава, но, когда узнал, что священник хочет обратиться в суд, строго спросил сына:

— Нет у тебя другого дела, Георгий?

— Я ничего не выдумал, отец, я написал только правду.

— Какую правду?

— Он напился, отец! Пьет вино...

— Доктор ему прописал... Пьет за царя...

— Покажи рецепт.

— Хватит! Едва уговорил его не подавать в суд. Иди занимайся своим делом и в другой раз не задирай людей. Ты их не исправишь.

— Мы еще увидим, кто их исправит...

Георгий вышел из мастерской отца с твердым решением выпустить второй номер «Кукареку». Но этому не суждено было осуществиться. Караиванов ушел из переплетной мастерской, уехал в село и в город уже не вернулся. Еще долго после этого друзья переписывались.

Письма приходили все реже, пока совсем не перестали. Но любовь к книге, страсть к литературе, тяга выйти из стоячего болота мещанского быта и сделать что-то большое во имя жизни — все это, завещанное беспокойным переплетчиком Йорданом Караивановым, осталось навсегда у молодого Димитрова.

Димитров продолжал работать наборщиком, но уже не был тем неопытным парнишкой и учеником, каким еще недавно сюда поступил. Теперь старые рабочие смотрели на него с уважением и слушали его внимательно. Он часто вступал в их оживленные беседы.

Профессор Илия Янулов

Таким он мне запомнился

В 1899 году в Софии было основано Общество печатников. Одним из его организаторов был семнадцатилетний Георгий Димитров. А уже через год он вошел в состав руководства нового профессионального союза печатников.

На первом же заседании руководства Димитров сам попросил, чтобы его назначили библиотекарем союза.

— Я очень люблю книги,— говорил он товарищам,— и хочу быть как можно ближе к ним.

Первое, что он сделал,— это опубликовал в профсоюзной газете «Вести» обращение ко всем печатникам, чтобы они присылали в библиотеку по одному экземпляру выпускаемых ими книг. Таким образом Георгий Димитров создал первую профсоюзную библиотеку в Болгарии.

Через газету «Весть» мне довелось провести в 1901 году вместе с Димитровым широкий опрос наборщиков об условиях их труда и жизни. Подводя его итоги, мы тогда писали в своем профсоюзном органе: «Правда состоит в том, что наши типографии более всего пригодны для того, чтобы работающие в них люди погубили свое здоровье».

В те годы Димитров много занимался самообразованием. Он посещал вечернюю школу при рабочем клубе. Там преподавали Георгий Кирков, Димитр Благоев и другие видные деятели революционного движения в Болгарии. Будучи студентом физико-математического факультета, я занимался с учащимися математикой, геометрией и астрономией. Хорошо помню, как увлекался этими предметами Георгий Димитров.

Ангел Каралийчев

С красным знаменем на Люлин¹

Рабочий класс рос день за днем, а вместе с ним и он.

Божидар Божилев

В ясное майское утро потоки солнечного света заливали Княжевское шоссе, склоны Витоши, зеленые поля Бояны, сады Овча-Купели. Было воскресенье, и по безлюдной

¹ Рассказы Ангела Каралийчева о Георгии Димитрове взяты из книги автора «Наковальня или молот».

дороге лишь изредка проезжали, тарахтя колесами, двуколки, груженные молочными бидонами. Вздущаяся после ночного ливня Владайская река стремительно сбегала с гор на равнину, грозя затопить огороды, малинники, вишневые рощицы. На деревянном мосту, перекинутом через реку, остановились двое юношей, раскрасневшихся от быстрой ходьбы. Перегнувшись через перила моста, они поглядели вниз, на мутную, клокочущую воду.

— Ну и дождичек был ночью! — сказал один.

— Да, — согласился другой. — Я сквозь сон услышал раскаты грома и вскочил. Спать больше не хотелось, я зажег лампу, взял книгу и долго читал. А когда задул лампу, на дворе было светло, взошел месяц.

— Я тебя, наверно, рано разбудил?

— Нисколько. Признаться, вставать не хотелось. Зато утро какое чудесное! А ведь я, пожалуй, Люлин почти не знаю. Мне только на Витоше приходилось бывать, у Золотых Мостов.

— А я и туда не ходил. Не любил лазить по горам. У нас, во Фракии, совсем не так, как здесь. Она вся ровная из конца в конец. Идешь, идешь, а вокруг одни только поля и виноградники да кое-где курганы торчат. А если бы ты видел Марицу во время половодья! Ну чистое море! — И, помолчав, юноша добавил: — Здесь будем ждать наших или пойдем прямо к монастырю?

— Лучше там подождем, Петко, — ответил его спутник. — По дороге поговорим, помечтаем.

Он снял шляпу и, запрокинув голову, устремил взор на покрытые снегом, ослепительно сверкающие вершины Витоши. Утренний ветерок шевелил его темные кудрявые волосы, приятно ласкал разгоряченное смуглое лицо. Расстегнув ворот рубашки, он с наслаждением вдохнул чистый, прохладный воздух.

Друзья зашагали по неровной дороге туда, где виднелись замшелые крыши деревенских домов. На траве, на цветущих ветвях яблонь еще блестели капли дождя. Навстречу им попало стадо ягнят. Они жалобно блеяли, будто понимали, что их гонят на бойню. От этих звуков сжималось сердце. Друзья посторонились, давая дорогу стаду, потом зашагали дальше.

— Так что же ты читал ночью? — спросил один из них.

— «Что делать?»

— Ты обещал мне эту книгу, не забудь.

— Знаешь, читаю и не могу оторваться. Чернышевский — гений! Представляешь, как много мы потеряли бы, если бы роман исчез!

— Как это — исчез?

— Ты разве не знаешь, что рукопись была потеряна?

— А кто ее потерял?

— Сейчас расскажу. Это произошло в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году. Чернышевский, находясь в заключении в Петропавловской крепости, написал там роман. Окончив первые главы, он передал их Некрасову, редактору журнала «Современник». Некрасов сам повез рукопись в типографию, но по дороге потерял ее. На следующий день в газете «Санкт-Петербургские ведомости» появилось объявление: кто найдет и принесет рукопись, тот получит 50 рублей. К счастью, рукопись нашел на Литейном один бедный чиновник и вернул ее Некрасову. Так уцелела эта бесценная книга. Если бы ее нашел какой-нибудь неграмотный человек и пустил на растопку, Рахметов сгорел бы...

— Какой Рахметов?

— Герой романа. Ах, какой это человек, какой человек! Он считал, что может быть счастливым только тогда, когда все люди станут счастливыми. Он презирал роскошь, восставал против эксплуатации человека человеком. Сильный и мужественный человек, твердо веривший в будущее. Представляешь, Петко, аристократ он, порвавший со своей средой и работавший плотником, перевозчиком, бурлаком. Тянул баржи по Волге. Видел картину Репина «Бурлаки»? Вот таким был и Рахметов. И делал он все, чтобы заслужить уважение и любовь простых людей. Все свои деньги отдал на дело революции. Но Чернышевский говорит, что таких людей, как Рахметов, еще не много. Велика масса честных и добрых людей, а таких людей мало. Но они в ней — таян в чаю, это двигатели двигателей. Меня смущает только одно. Чернышевский считает, что мир можно изменить с помощью крестьянской социалистической революции, а Маркс и Энгельс в «Коммунистическом Манифесте» выводят на передний план рабочих. А вообще-то Чернышевский здорово изобразил борьбу новых людей против допотопного крепостнического общества, темноты и невежества...

Они вошли в село и направились к источнику с горячей минеральной водой, стекавшей в замшелые колоды, над которыми поднимался пар. Вымыли руки, плеснули несколько пригоршней воды в лицо и, сняв пиджаки и перекинув их через плечо, зашагали по сельским улицам, тонущим в сонной утренней дреме праздничного дня.

— А знаешь, что случилось у нас дома прошлой ночью? — снова принялся рассказывать один из них. — Когда ко мне попала эта книга, я совсем голову потерял. Не могу оторваться, да и только. Таскаю ее с собой в типографию, читаю во время обеденного перерыва. Однажды отец спрашивает:

«И что это ты, Георгий, все читаешь?»

«Книгу, — говорю, — читаю».

«Я и без тебя вижу, что это книга, а не кирпич»,

«Роман», — говорю я с гордостью.

«Роман?»

Дома у нас и слова такого не слыхали. Все посмотрели на меня с удивлением, а ребятишки — те просто опешили... Ну так вот. Я, как ты знаешь, сплю внизу. Очень люблю свою комнатку. У меня там деревянная кровать, столик и керосиновая лампа. После ужина я пошел к себе, мама постелила мне, задержала занавеску и пожелала спокойной ночи. Я сразу же ухватился за книгу. Читаю. И чем дальше читаю, тем больше она мне нравится. Потом глаза у меня стали слипаться, и я, чтобы прогнать дремоту, принялся ходить по комнате и читать вслух:

«Я был с вами откровеннее, чем с другими; вы видите, что такие люди, как я, не имеют права связывать чью-нибудь судьбу со своею»...

И вдруг слышу за дверью шепот. Распахнул дверь и вижу: стоят отец с матерью, сонные, дрожащие, испуганные. Отец держит в руке старинный пистолет.

«Что случилось?» — говорю.

«Кто у тебя?» — строгим голосом спрашивает отец, оглядывая комнату.

«Никого».

«А с кем ты разговаривал?»

Они волнуются, а меня смех разбивает.

«А ну-ка, — прикрикнул старик, — признавайся, куда ты спрятал того, с кем ты разговаривал!» — и заглянул под кровать,

Еле-еле их успокоил...

Пологие склоны Люлина уходили вверх. Вокруг шумели молодой листвой буковые леса, пахло свежей, умытой дождем зеленью. Друзья жадно любовались весенней красотой земли. Они шли, не чувствуя усталости.

— Я, Петко, буду, как Рахметов, защитником народа. Знаю, у меня хватит на это сил. Одного лишь мне не хватает — времени. Весь день топчусь у наборной кассы, складаваю из литер мертвые истины, увековечивая мысли тупоголовых государственных деятелей и продажных писак. Как мне все это опротивело! И как хочется набирать такие слова, от которых в сердцах рабочих разгорится пламя! Дядя Гаврил мне частенько советует побольше читать. И я читаю. Ночами. Усилием воли прогоняю сон, но иногда чувствую слабость, кружится голова.

— Устал ты. Нужно спать побольше.

— Так лучшие годы проспять недолго. Когда же учиться?

Юноши углубились в лес. Ветви буков шатром сомкнулись у них над головой. Долго шли молча, поглощенные своими мыслями. Неожиданно перед ними выросли монастырь и кособокие хозяйственные постройки, выбеленные известью. Из открытой двери монастырской церкви шел запах ладана, слышалось протяжное пение, заглушаемое журчанием источника. Друзья, разгоряченные долгой ходьбой, напились воды, осмотрелись.

— Еще никого. Мы первые. Пойдем их встречать, — предложил Петко. Они повернули обратно, вновь пересекли лес и, выйдя на поляну, стали ждать. Завидев наконец группу рабочих-печатников, поднимавшихся по склону Люлина, они радостно закричали и принялись подкидывать вверх шапки. Товарищи ответили им тем же. Следом за ними ехали две телеги, нагруженные разной следью и одеждой. На одной из телег сидел фотограф с допотопным фотоаппаратом.

Шумная компания устремилась в лес. Внезапно Георгий остановился, поднял руку и крикнул:

— Что это мы так бредем? А ну, стройся в колонну!

Все построились. Впереди шел знаменосец с красным знаменем, за ним — председатель профсоюза печатников и другие руководители профсоюза, женщины, дети, рабочие. Так и прибыли в монастырь,

Монахи с удивлением смотрели на алый стяг и шумную колонну экскурсантов. Вновь прибывшие дружно разгрузили телеги, собрали сухие сучья, разожгли костер. Женщины занялись приготовлением обеда. Мужчины заглянули в монастырские кельи, побродили по двору, то и дело нетерпеливо поглядывая в сторону костра.

— Господи прости и помилуй! — доносились из церкви унылые голоса монахов.

Обедали на зеленой лужайке. Женщины разостлали белые скатерти, разложили ломти хлеба, а Георгий и Петко начали разносить тарелки.

— А ну, Георгий, давай сюда!

— Помилуй мя, Петко-о-о! — протяжно затянул шутник и весельчак Стоян Кечеджиев, у которого на жилетке висела цепочка от часов. — Я, братцы, в церковь сейчас ходил и господу богу молился: ниспошли, о господи, рабу твоему Стояну часы марки «Зенит». Увы, моя просьба осталась без ответа. Ты хоть, Петко, смилуйся надо мной, дай мне кусок мяса побольше!

В ответ зазвенел дружный смех. Обедали долго. Но вот стук ножей и вилок умолк. Некоторые принялись искать местечко под деревьями — траву помягче и кружевную тень. А человек двадцать рабочих отправились дальше в горы. Шествие замыкал фотограф. Вскрабкались на вершину, с которой открывались поросшие лесом западные склоны Витоши, далекие холмы Перника. Тысячи рабочих добывали там уголь.

— Здесь и сфотографируемся, — сказал председатель.

Все стали готовиться. Стоян Кечеджиев занял место в первом ряду, Георгий и Петко скромно стали позади. Фотограф, накрывшись с головой черным покрывалом, долго возился со своим аппаратом. Наконец он крикнул:

— Внимание!

Все застыли с серьезными лицами, устремив взгляд вдаль. Тишину нарушил Стоян.

— Послушай, — обратился он к фотографу, — я не хочу, чтобы на фотографии было видно, что у меня нет часов!

Раздался дружный смех.

— Стоян, ты чуть не испортил историческую фотографию! — шутливо заметил ему Георгий Димитров.

Постепенно смех затих. Фотограф щелкнул затвором, грациозно раскланялся:

— Мерси!

Весь день звенели над Люлином песни. Рабочие бродили по полянам, собирали цветы или просто отдыхали в тени деревьев за дружеской беседой.

К вечеру колонна с красным знаменем впереди тронулась в обратный путь. Внизу лежала София, мерцающая огнями в фиолетовых сумерках.

Став в 1894 году учеником наборщика в типографии, Георгий Димитров попадает в среду печатников, которые уже благодаря своей профессии находятся в курсе всех злободневных событий. Именно печатники образовали в Болгарии один из первых профессиональных союзов. К этому времени в Болгарии уже есть социал-демократическая партия и выходит книга Д. Благоева «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?». С ней-то и знакомится Георгий Димитров.

В 1897 году софийская газета «Типографский рабочий» публикует первую статью Г. Димитрова о борьбе болгарских печатников за лучшие условия труда.

А в 1898 году, шестнадцатилетним юношей, Димитров впервые участвует в первомайской демонстрации в Софии. Так Георгий Димитров начинает свой путь профессионального революционера.

В 1900 году, в восемнадцать лет, его избирают секретарем софийского профсоюза печатников, одной из самых боевых пролетарских организаций столицы. Эти годы для него — годы напряженной учебы. Учебы путем самообразования. Он изучает историю болгарского национально-освободительного движения. В его записях этого времени встречаются имена Горького и Гёте, Золя и Толстого, Достоевского, Некрасова, Белинского. Штудировал «Историю цивилизации Англии» Бокля и «Эрфуртскую программу» Каутского.

И с самым пристальным вниманием изучает «Манифест Коммунистической партии» Ф. Энгельса и К. Маркса и «Капитал» К. Маркса.

Читал Георгий Димитров и попадавшие в Болгарию номера ленинской «Искры», и не только читал, но и активно участвовал в переправке ее в Россию. А несколько позже он знакомится с трудами В. И. Ленина.

О тесных связях русских и болгарских революционеров говорит и такой интересный факт, который имел место в начале 900-х годов.

Однажды Георгий Димитров отдал свой паспорт одному из большевиков, бежавшему от царской охраны в Болгарию. Этот русский революционер, сменив в паспорте фотографию, под именем Георгия Димитрова объездил ряд стран Европы, выполняя задания партии.

С гордостью вспоминая об этом, Георгий Михайлович много лет спустя подчеркивал, что у болгарских революционеров были не только близкие связи с большевиками, но и общий враг — русский царизм.

Своей работой в организации печатников молодой Димитров обратил на себя внимание двух выдающихся деятелей болгарского рабочего движения того времени — Димитра Благоева и Георгия Киркова.

Летом 1902 года на многолюдном собрании в рабочем клубе Софии Георгий Димитров был принят в члены Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП).

Вступая в марксистскую партию, Димитров сказал:

— Я хочу быть членом партии, ибо глубоко убежден, что рабочий класс может освободиться от эксплуатации не путем классового компромисса, а путем революции.

О широте полученных им знаний свидетельствует и его первый публичный диспут с евангелистским проповедником в Самокове, куда переезжает Георгий Димитров работать в типографии американского училища,

В Самокове

Димитров сидел рядом с возницей и восхищенно глядел по сторонам. Густой сосновый воздух глубоко проникал в грудь, разливался по всему телу, пьянил. Георгий не мог нарадоваться темному лесу и горам. Снежные вершины ослепительно блестели. Возница занимал спутника рассказами о примечательных местах маленького городка:

— Вон там американское училище. Чуть подальше — болгарское.

Димитров не отвечал и не расспрашивал. Он был пленен красотой природы и горной свежестью...

Солнце уходило за лес, розоватый свет заливал лицо путника. По деревянному мосту повозка въехала в город. Димитров разглядывал улицу с маленькими лавчонками и радовался, что наконец прибыл на место.

Самоков был в то время опрятным, чистым городком, с новыми крашеными домами, большой церковью, которая виднелась издалека, и с чудесной каменной чешмой на главной улице — облицованным камнем источником. Серебристые струи горной воды бежали из двух ее кранов. За городом простирались поля конопли и картофеля, а выше начинался сосновый лес, темный и загадочный.

Остановились неподалеку от американского училища, у небольшого дома, где была снята квартира. Все здесь, в этом горном городке, было для Димитрова ново, интересно. В первый же вечер он записал в дневнике, что обстановка, которая его окружает, действует на него, как бальзам.

В ту первую ночь долго не спалось, одолевали беспокойные юношеские думы. Что ждет впереди? Пока что планы, надежды, волнения... Представилось, будто целую ночь бродит он по лесу, читает и поет любимые им песни Ботева, просто радуется лесу и звездам, слушает, как шумят вершины деревьев...

Открыв окно, Георгий прислушался к темноте. Дул прохладный ветерок, падали крупные светлые звезды, лес

окутала тишина. Городок спал, все огоньки погасли. Вдруг в безмолвии летней ночи зазвучала далекая песня, сначала медленно и неуверенно, а потом все отчетливее и смелее. Димитров прислушался. Песня была близкой, знакомой; хотелось вслед за нежным женским голосом, лившимся в ночи, подхватить ее:

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно;
Дни и ночи часовые
Стерегут мое окно...

Вспомнились София, прогулки с друзьями, вечеринки. Всюду молодые люди пели эту песню. Им слышался в этой песне людей «дна» призыв к красивой жизни, воле и счастью, стремление выбраться из темноты, сделать что-то необыкновенное, большое.

Песнь утонула где-то в лесу, но в душе осталась ее грустная мелодия.

Утром Димитров направился в типографию американского колледжа, работать в которой был назначен. Вновь он окунулся в привычное типографское дело, но обстановка, в которой он теперь жил, в корне отличалась от софийской. Сосновый воздух, солнце, прогулки в горах — все это и впрямь благотворно влияло на его здоровье. Как и в Софии, он продолжал заниматься самообразованием. Каждый вечер после работы много читал, делал выписки из прочитанного, выписывал незнакомые слова, неясные, трудные для понимания мысли. За разъяснениями шел к местному социалисту Борису Хаджисотирову. Вместе с ним создал кружок по изучению марксизма из учеников школы металлистов.

В тетрадах Димитрова тех дней появились такие слова, как: детерминизм, индуктивный метод, прибавочная стоимость, цена, диалектика, гегельянство, класс в себе, класс для себя... В его дневнике встречались имена: Горький, Некрасов, Чернышевский, Чехов, Белинский, Золя, Толстой, Достоевский, Гёте...

Дни в Самокове шли бурно.

Наступила осень. Пансион американского колледжа вновь заполнили ученики. Вместе с учебным годом начались беседы в воскресной школе. Каждый воскресный день

пастор читал правоучительные проповеди полемического характера — против «новейших материалистических течений».

Беседы в воскресной школе посещались плохо; лекторы читали проповеди монотонно, однообразно; ученикам они опротивели.

Пришел раз и Димитров послушать. В тот день должен был выступать лучший лектор, славившийся в городе своими ораторскими способностями. Зал был как никогда переполнен. Проповедник, худой, с голой, блестящей головой и тщательно выбритым лицом, говорил, стоя на кафедре. Голос его звучал громко, время от времени он угрожающе поднимал руки и оглушал изумленных слушателей цитатами. Всем своим поведением он как бы хотел показать, что материалистические теории для него игрушки. Он расправлялся с ними одним махом, отпуская остроты, над которыми сам же и смеялся. Глядя на распаленного и разгневанного проповедника, некоторые по наивности думали, что у него личная вражда с Карлом Марксом и Чарлзом Дарвином.

— Сейчас я процитирую вам Чарлза Дарвина, — сказал он. — Что, собственно, говорит Чарлз Дарвин, с которым мы уже имели удовольствие полемизировать? Чарлз Дарвин говорит...

Прикрыв глаза, проповедник наизусть цитировал целые абзацы. Публика глядела на него затаив дыхание.

Чарлз Дарвин был уничтожен. Наступил час Карла Маркса.

— А что, собственно, говорит создатель коммунистического евангелия, автор «Капитала» Карл Маркс? Он говорит, что бытие определяет сознание, а не наоборот. А что говорим мы? В главе второй Книги Бытия сказано: «И создал господь бог человека из горсти земли, и вдохнул в чело его дыхание жизни, и стал человек живой душой». И дальше в той же главе сказано: «И говорит господь бог: «Нехорошо человеку оставаться одному, сотворим ему помощника, ему подобного...» И дал господь бог человеку глубокий сон, и, когда он заснул, взял у него ребро и вповь заполнил то место плотью. И создал господь бог из ребра, взятого у человека, женщину и привел ее к человеку. И сказал человек: «Это кость от кости моей и плоть

от плоти моей, она названа женой, потому что принадлежит мужу своему».

Публика напряженно слушала каждое слово проповедника.

— Что, собственно, говорит Чарлз Дарвин и как обосновывает свою материалистическую теорию Карл Маркс? «Человек,— говорит Дарвин,— произошел от обезьяны». «Материя,— добавляет Карл Маркс,— начало и конец жизни». А что говорим мы?

Проповедник снова прикрыл глаза, скрестил руки на груди и продолжал:

— Бог создал человека по образу и подобию своему... Дух есть начало и конец Вселенной...

В комнате стало душно. Открыли окно. Проповедник увлекся. Время от времени он вынимал из кармана платок и вытирал губы. Но вот он сказал «аминь» и сошел с кафедры. Теперь в беседу могли вступить слушатели. Обычно они, смущаясь, задавали мало вопросов. Некоторые предпочитали уйти и погулять на чистом воздухе. Но в этот день в воскресной школе произошло нечто необычное. Молодой управитель типографии, сидевший в последних рядах, поднялся и спросил:

— Слышал ли лектор о последних открытиях науки в области геологии и знает ли что-нибудь о неандертальском человеке? Это первое. И второе: какие социальные выводы можно сделать из библейской легенды, которая ставит женщину в зависимое от мужчины положение? И может ли это быть оправдано с точки зрения современного общества, которое борется за равноправие женщин во всех областях жизни? Третье: почему лектор ничего не упомянул об эмбриональной теории Эрнста Геккеля, которая также является неопровержимым доказательством теории Дарвина о происхождении видов, в особенности о происхождении человека? Почему лектор ничего не упомянул о борьбе видов за существование и как можно текстом Библии что-либо доказать, когда сами эти библейские тексты нуждаются в доказательстве?

Слушатели невольно повернулись к молодому печатнику.

— Откуда взялся такой? — спрашивали они.

Лектор нервно записывал вопросы, надменно усмехаясь.

— Закончили вы свои вопросы? — спросил он Димитрова.

— Закончил.

— Может быть, еще есть у кого вопросы?

— Нет, — ответил кто-то из зала, — хватит и этих.

— Вопросы господина Димитрова не новы для нас. Не впервые мы встречаемся с ними... Впрочем, начнем.

Проповедник взошел на кафедру, раскрыл Библию и начал:

— В разделе тридцать восьмом «Деяния апостолов» сказано...

— Ну как же можно доказывать свои тезисы чем-то таким, что само подлежит доказательству? — прервал его Димитров. — Перед вами целая наука с огромным, многовековым опытом, а вы хотите словами, написанными неизвестно кем, побороть эту науку...

— Господин Димитров, — повысил голос проповедник, — для нас божественное откровение — это догмы, которые нам доказывают все. Тут вы абсолютно несостоятельны, и я считаю ваш аргумент провокационным. Я просто не понимаю, как наша управа допускает такие богохульные вопросы в присутствии учеников! Прошу вас, господин Димитров, задавать вопросы без издевки над священным писанием. Если вопрос о том, чтобы цитировать труды ученых и философов, то я мог бы процитировать такого философа, как Беркли. Но я считаю излишним отклоняться от нашей прямой задачи. Итак!

Проповедник снова прикрыл глаза, и из уст его вновь полились цитаты из Библии. Наконец, считая свое дело законченным, он закрыл Библию и объявил собрание закрытым. Когда слушатели ушли, проповедник отправился к ректору училища и вел с ним продолжительный разговор об опасном оппоненте.

Весь городок заговорил о беседе в воскресной школе. С того дня интерес к лекциям стал заметно повышаться. Зал едва вмещал желающих. Возникали оживленные диспуты. Управа несколько раз просила Димитрова не выступать, но, не добившись своего, наконец объявила, что для него нет места в типографии,

И они тоже социалисты...

В Доме-музее Георгия Димитрова по улице Ополченской, 66, каждый день бывают гости. Приходят и стар и млад, приезжают из сел и городов, из разных уголков страны и из-за границы. В небольшом дворике под виноградной лозой и густой шелковицей поставлены скамейки. Когда-то, много лет назад, здесь, под старой лозой, сживала бабка Парашкева с многочисленным своим семейством и взретенном в руках. А дети мотали в клубки пряжу или слушали напевный и чистый голос брата своего Георгия, читавшего им забавные и увлекательные книжки.

Когда-то много лет назад...

Лоза по-прежнему шумит листвою. И по-прежнему не стихает говор под ней. Будто опять уселась здесь одна большая семья, семья Георгия Димитрова, дети всей Болгарии. А между ними и мы — один старый коммунист, товарищ Димитрова в годы его молодости Генчо Колачев, и я. Нас пригласили поделиться воспоминаниями о Георгии Димитрове.

Почтеннейший Генчо проводил уже восьмой десяток, но память его не померкла, она по-прежнему свежа. Он чуть-чуть щурит глаза и вспоминает прошлое, 1903 год.

— В то время, — начинает рассказ бывший ученик Самоковского железнодорожного училища, — Георгий жил в Самокове. Жил в бедняцком квартале. Он был руководителем нашего марксистского кружка, и мы часто собирались у него на квартире. Квартира была скромной — маленькая комната с выходившим на улицу небольшим окном. Стояли там кровать, небольшой стол и два стула. Кровать была деревянная. Матрац, стеганое одеяло и подушка были сшиты из одинаковой ткани в черно-красную с белым клетку. Столик без скатерти всегда был застлан чистым листом бумаги. На нем — несколько книг, среди которых были сочинения Гоголя в русском издании. Простая, бедная комната! Это впечатление особенно усиливалось, когда взгляд останавливался на ее потолке. Через

открытое отверстие зиял злобещей пустотой чердак с обшарпанными стенами и деревянным балконом без двери и парапета... Такой была квартира Димитрова в те годы...

— А не можете ли вы нам рассказать какой-нибудь интересный случай из его жизни в Самокове? — спросил один из пионеров.

— Могу, почему же нет.

— Расскажите нам, расскажите, пожалуйста! — зашумели дети.

— Димитров был назначен заведующим типографии в американском колледже. Тогда он и организовал два тайных кружка по изучению марксизма — один в мужской, другой в женской гимназиях. По средам, обычно в послеобеденное время, гимназистки под руководством своих классных наставниц упражнялись в чтении рефератов на научные и этические темы. Однажды реферат должна была прочесть девушка, которая занималась в марксистском кружке и была сестрой нашего товарища-социалиста. Тема была самая что ни на есть подходящая: «Является ли социализм наукой и могут ли социалисты быть морально устойчивыми людьми?» Гимназистка обратилась за помощью к Димитрову, и они вместе написали реферат. Послушав его, классная дама пришла в ужас. Она обрушилась с бранью на гимназистку, утверждая, что та подпала под влияние безбожников и не знает жизни, что сама она, наставница, бывала на Западе, видела и встречала там многих социалистов и что все они были морально опустившимися людьми.

В ответ гимназистка ей спокойно сказала:

«Я не была на Западе, не представляю, с какими социалистами вы там встречались, но я знаю здесь одного социалиста, он живет в нашем городе, рядом с нами, и в моральном отношении, по скромности в личной жизни, ничуть не уступит ни нашим учителям, ни проповедникам».

Эти слова произвели в американском колледже впечатление взорвавшейся бомбы. Начались расспросы и допытывания. Наконец узнали, что социалист, о котором так пылко говорила гимназистка, не кто иной, как заведующий типографией колледжа.

Директор тут же вызвал Георгия Димитрова к себе в кабинет и сурово спросил:

«Это верно, что вы социалист?»

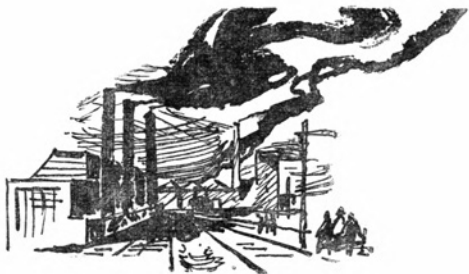
«Да, верно», — с достоинством ответил Димитров.

«Тогда, — процедил директор, — вам не место здесь. Вы не можете больше оставаться на работе в колледже. Отныне вы уволены».

Димитров прямо смотрел в глаза директору. Тот несколько смутился, замигал и более мягким тоном добавил:

«Должен сказать, что мы были весьма довольны вашей работой в типографии. Вы интеллигентный, порядочный и трудолюбивый человек, хороший работник, но... социалист. Жаль, очень жаль! — развел он руками и, не дожидаясь, что ответит ему Димитров, спросил: — А не могли бы вы нам помочь найти другого такого же толкового и честного работника, как вы? Может, знаете кого? Мы тут же назначим его на ваше место».

«Нет, ничем не могу вам помочь. Я знаю многих интеллигентных, порядочных и трудолюбивых людей, но и они тоже социалисты», — сухо ответил Димитров и покинул кабинет директора.

ВСТУПЛЕНИЕ В РЕВОЛЮЦИЮ

Начало 900-х годов в Болгарии знаменуется жесточайшей внутрипартийной борьбой между революционным и оппортунистическим крылом в болгарской социал-демократической партии. Официальный раскол происходит на X съезде в июле 1903 года. Но уже за пять месяцев до официального раскола Георгий Димитров на одном из партийных собраний открыто порывает с оппортунистами и создает в Софии новую партийную организацию, первым секретарем которой он становится.

В 1904 году его уже избирают секретарем Всеобщего рабочего профессионального союза. Его организаторский талант начинает проявляться в полную силу. Он ведет переписку с руководителями профсоюзов в провинции, разъезжает по стране, оказывая активную помощь стачечным комитетам. В Болгарии к этому времени вспыхивает стачка за стачкой. И среди них особенно выделяется своей продолжительностью и силой 35-дневная стачка шахтеров города Перника.

Знаменитая перникская стачка шахтеров началась 18 июня 1906 года (по случайному совпадению, это был день рождения Димитрова) и проходила под непосредственным руководством Димитрова. Он установил связь с шахтерами Перника еще в 1905 году, распространял среди них социалистическую литературу и организовал там конспиративный кружок. И поэтому впоследствии Георгию Димитрову было поручено руководство этой стачкой. Шахтерская стачка в Пернике отличалась от других стачек: помимо обычных требований о сокращении рабочего дня и увеличении заработка шахтерам, впервые было выдвинуто требование о праве шахтеров на организацию.

Уже в это время Георгий Димитров прекрасно понимал значение организованной борьбы. Проявляя свой редкий талант организатора, Димитров сумел создать движение солидарности с бастующими шахтерами Перники. Демонстрации, митинги протеста идут по всей стране. Это была первая по-настоящему массовая стачка в Болгарии, и естественно, что она была связана с именем Георгия Димитрова.

Стефан Продев

Один эпизод

В те дни июля 1906 года старый шахтерский город был похож на военный лагерь. Почти весь радомирский гарнизон расквартировали в помещениях дирекции шахт. Из Софии непрерывно прибывали полицейские подкрепления. Улицы, площади, трактиры — все было забито солдатами и жандармами. Перник никогда еще не видел столько сабель и штыков.

В те июльские дни старый шахтерский город напоминал кладбище. Редко открывались двери домов, почти не слышно было голосов его жителей. Шахтерские хижинки стояли темные и глухие. Город бастовал. Застыли ржавые громады труб. Зловеще зияли пустотой шахтные галереи. Близ шахты «Святая Анна» расхаживали вооруженные патрули. Минуя ствол подъемника, они почти всегда затыкали уши. Снизу, из черной глубины шахтной пропасти, доносился жалобный и протяжный вой: в обезлюдевшем подземном лабиринте ржали слепые шахтные кони, оставленные на голодную смерть. Стачка продолжалась уже месяц. Да, Перник никогда не переживал столько горя и страданий. Никогда не проявлял столько стойкости и героизма...

В дирекции шахт шло заседание. В кабинете управляющего собрались все, кто был призван руководить подавлением стачки. За длинным полированным столом, утопая в мягких креслах и перебивая друг друга, давали советы офицеры, жандармы, торговцы, трактирщики и даже поцы. Вся городская буржуазия была явно встревожена. Конец забастовки все еще не видно, и прибыли все падают. Оставшись без заработка, бастующие шахтеры ругали на чем свет стоит царя и бога. Всему этому нужно было положить конец. Но как? Каким образом? Предлагали применить силу. Управляющий всех слушал, одобрительно кивал головой и думал: может быть, все эти меры, предпринятые одновременно, чему-нибудь и помогут. Может быть.

Неожиданно дверь кабинета с треском раскрылась. В ней появился взмокший, в сбитой набок фуражке и расстегнутой куртке толстяк офицер. Он оглядел собравшихся, вытянул руки по швам и, задыхаясь, доложил:

— Господин управляющий... Митинг... Бастующие собрались на митинг!

Все находившиеся в кабинете повскакали со своих мест. Управляющий закричал:

— Какой еще митинг?! Кто разрешил?.. Где зачинщики?

— Никто не разрешил, — бубнил офицер. — Никто!.. Все произошло внезапно, неожиданно. В город прибыл Димитров... прямо из Софии... Стачечники буквально взбесились...

— В городе Георгий Димитров! Но как это могло случиться? Ведь был же приказ в случае появления арестовать его еще на вокзале!.. Вы что спите, господа офицеры?! Что делают ваши солдаты? Позор!

На посиневших от ярости губах управляющего появилась тонкая полоска пены. Он кричал и стучал кулаком по столу. Офицер едва успел закончить:

— Господин начальник, Димитрова не было на вокзале. Специальный наряд обшарил весь поезд... Он сошел где-то перед городом, соскочил на ходу поезда... Там его ожидала группа рабочих.

— Значит, перехитрил вас, дураков!

— Так точно, ваше превосходительство!

— Ну, так слушать и исполнять! Митинг разогнать не-

медленно! Димитрова арестовать! В случае сопротивления — рубить и стрелять!.. Ясно?

— Так точно, господин управляющий! Рубить и стрелять!

Толстяк тут же исчез за дверью. Другие офицеры сбились у выхода. Торговцы растерянно переговаривались. Положение становилось опасным. В городе опять появился Димитров. Значит, стачка вспыхнет с новой силой. До полной победы...

Митинг подходил к концу. Он привлек много людей. Все были возбуждены и непреклонны. Девятьсот шахтеров, измученных голодом и тревогой, загрохотали тесную улицу. Рядом с мужчинами стояли их жены. Некоторые крепко прижимали к себе малышей. Взгляды всех были устремлены к оратору. Он был высок ростом, с небольшой черной бородой. Правая рука, сжатая в кулак, резко рассекала воздух. Голос звучал громко и гневно. Это был голос человека, который не ищет, а указывает, не просит, а требует. Голос рабочего человека.

— Итак, товарищи, дело не только в некотором улучшении крайне плохих условий работы в шахтах. Вопрос стоит иначе: кто победит — государство капиталистов или мы, рабочие. Капитал или труд...

Толпа качнулась, словно огромная волна. Дружный возглас заглушил слова оратора. Сотни людей воскликнули:

— Правильно!

— Победим мы, рабочие!

— Долой кровопийц!..

— Победим, если будем дружны, если будем действовать активно. Если каждый будет знать, за что он борется... Тогда наверняка победим...

Вдруг оратор замолк. Он стоял, словно окаменев с поднятым вверх кулаком, развевающимися на ветру волосами, устремив пристальный взгляд в конец улицы. Воцарилась напряженная тишина. Через мгновение ее нарушил топот копыт. И тут все увидели конную полицию. Кое-где заголосили женщины.

Послышалась ругань. Сотни шахтерских рук сжались в кулаки...

Эскадрон на полном галопе подскочил к толпе. Засверкали шашки, тревожно заржали лошади. Шахтеры сгруппировались вокруг трибуны, которой служил старый локомотив. Толстяк, командир эскадрона, резко приказал:

— Митинг запрещен! Всем разойтись по домам!.. Димитров, вы арестованы!..

Над толпой пронесся грозный ропот. Оратор быстрым движением рук достал из внутреннего кармана пальто небольшую серую книжечку и высоко поднял ее над головой:

— Митинги разрешены конституцией, господин жандарм. Прежде чем запрещать митинг, запретите конституцию!

Командир эскадрона с яростью резанул плеткой по воздуху:

— Конституция не для бунтовщиков! Для них плетка и тюрьма...

— И не только это! — Голос оратора кипел возмущением. — Есть еще для рабочих и другое! Безработица. Эксплуатация, голод, болезни. Есть и такие вот, как вы, господин жандарм, стреляющие в людей на улицах. Мы все это знаем, все зло на земле направлено против рабочих...

Последние слова оратора потонули в гневном гуле бастующих. Несколько камней полетели в белую лошадь командира эскадрона. Лошадь испугалась и, не слушаясь всадника, кинулась в сторону. Жандарм прижался к лошадиной гриве и свирепо приказал:

— Хватайте зачинщика!.. Берите Димитрова! Господин начальник приказал рубить и...

Но тут шахтеры дружно бросились на разъяренного жандарма. Однако резкий голос Димитрова остановил их:

— Друзья! Не поддавайтесь провокации. Покажем на деле, что порядок в Пернике нарушают не стачечники. Что не мы, а полиция и приказчики нарушают государственные законы... Пусть видит это вся страна... Прекратим митинг... Будем благоразумны и непреклонны, товарищи! Успех стачки всецело в наших руках...

И бастующие мигом разошлись по ближайшим дворам и боковым улочкам. Вместе с ними исчез и Димитров. У старого паровоза, служившего трибуной, остались лишь несколько растерянных полицейских с саблями наголо.

Под ними беспокойно переминались лошади, вбивая в грязь маленькую серую книжечку, оброненную возле локомотива. Один из всадников поддел ее на острие сабли. Конституция Болгарского царства повисла в воздухе.

Над Перником спустилась ночь. Темная и глухая. По одной из улиц, ведущих к вокзалу, шел человек. Он осторожно шагал по булыжной мостовой, внимательно оглядываясь по сторонам... Внезапно человек встрепенулся. Где-то рядом с ним в темноте послышался звон шпор. Через мгновение у самого лица чиркнула спичка. Раздался грубый голос:

— Руки вверх, Димитров!

— Кто вы такой?

— Следуйте за мной, потом узнаете!

Димитров дунул на спичку, метнулся в сторону и побежал назад. Он знал: если его схватят, то продержат под арестом не один месяц, а это значит провалить дело, порученное ему партией по руководству стачкой. Нужно было во что бы то ни стало скрыться, любым путем добраться до Софии, где ждали его доклада о ходе стачки...

Полицейский свисток разорвал тишину. По булыжнику застучали сапоги. Полицейские преследовали беглеца. Димитров еще раз свернул в сторону, пересек проходной двор и остановился у входа в маленькое кафе. Внутри слабо мерцал свет. Беглец, не колеблясь, вошел. В кафе еще были посетители. К счастью, это оказались стачечники, пришедшие выпить в долг по чашечке кофе. Увидев вошедшего Димитрова, они повскакивали со своих мест.

— Какими судьбами, Георгий?

— Преследуют меня, друзья. Помогите мне, покажем им, что и у нас есть кулаки...

Стачечники окружили Димитрова плотным кольцом. Снаружи послышались голоса. Дверь с шумом открылась, и в кафе вошли несколько жандармов во главе с толстяком начальником. Все они тяжело дышали и не скрывали своей ярости.

— Где он, черт побери!.. — в бешенстве хрипел тучный жандарм.

В один миг Димитров выхватил из-за пазухи пистолет и тут же приставил его к груди толстяка,

— Вот я, господин жандарм! Зачем я тебе понадобился?

Жандарм, белый как полотно, отпрянул. Он почувствовал холод смертоносного оружия.

— Но... погоди! Умоляю... господин Димитров... Я... Управляющий мне приказал...

Жандарм беспомощно оглядывался по сторонам. Подчиненные его уже куда-то исчезли. Димитров, направив дуло пистолета в грудь жандармского офицера, угрожающе проговорил:

— Убирайся отсюда немедленно! Иди к управляющему и передай ему лучшие пожелания от Димитрова. Скажи, напрасны его старания, стачка все равно победит. Где ему против нас, организованных и сплоченных рабочих!

Обливаясь холодным потом, жандарм вышел из кафе, невнятно бормоча себе под нос:

— Что будет, господь праведный!..

В полночь Димитров возвращался в паровозной будке товарного поезда в Софию. Он поднялся в нее, когда за станционным семафором знакомый машинист притормозил ход.

— Все в порядке, товарищ Димитров?

— В порядке, дорогой! Шахтеры — золотой народ!..

Стоян Ц. Даскалов

Поэт

Однажды после собрания Димитрова пригласили на скромный ужин — квашеные груши и черный хлеб, ужин бедняков в болгарских горных деревнях. Димитрову, который родился и вырос в таком краю, угощение очень понравилось.

— И моя мать квасит груши, но таких вкусных я никогда еще не ел, — сказал он, прощаясь.

Затем в сопровождении учителя Ивана стал спускаться к станции Черепиш, где останавливался ночной поезд на Софию. Ему надо было непременно попасть в столицу этой

ночью. Он не мог ни медлить, ни отложить свой отъезд. Полиция уже узнала о его приезде сюда и будет его искать, а в Софии ему предстоит очень важная встреча с рабочими. Подготавливается большая забастовка.

На станцию быстрее всего можно было добраться, идя вдоль железнодорожного пути. Долина реки Искыр блестела в сиянии луны, колосившиеся хлеба желтели, как позолоченные. Горы возвышались подобно великанам.

Димитров и его провожатый прошли деревянный мост над Искыром и направились вдоль поблескивающих в лунном свете рельсов. Путь шел над рекой. С двух его сторон неожиданно встали плотные и мрачные отвесные стены, а сверху, на фоне серебристо-синего неба, выросли утесы, ощерившиеся и мрачные, как зубы древней крепости. Эта теснина, через которую идут поезда, полна теней. Хотя небо освещено полной луной, здесь с обеих сторон, словно по осыпям, сползают темные тени, окутывающие деревья и причудливые скалы, и человек больше верит своему воображению, чем глазам. Внизу река то теряется за прорезанными скалами, то вдруг появляется, играя рябью. Шум ее отражается с обеих сторон от скал и с грохотом вырывается из каменного ущелья.

— Вот это там, наверху, Ритлите,— тихо говорит учитель.— А это Рашов-Дол... Сюда отступили последние бойцы из отряда Христо Ботева, и дальше история ничего не знает...

Оба идут быстро и легко. Под ногами поскрипывает щебень насыпи.

— Красивый край! — воскликнул Димитров и, окинув взглядом ущелье, спросил через плечо: — Послушай, Иван, почему ты не стал поэтом?

Иван остановился. Его темные глаза блестели задорно и весело. Деревушка на противоположном берегу с домиками, похожими на скирды листняка, выглядела преображенной в лунном свете, кривые улочки, заросшие кустами двory терялись в тени, и только дома белели как фруктовые деревья в цвету.

— Если судить по красивой природе, здесь каждый должен быть поэтом,— сказал он с некоторой иронией, чтобы скрыть свое волнение.— Эти деревья всегда так шумят по почам? Только красота заставляет нас забывать некоторые грустные вещи...

Перед ними открылась темная зияющая пасть туннеля. Над ней вырисовывались тяжелые скалы. Димитров отступил на шаг и, глядя блестящими глазами на своего товарища, запел своим глубоким, низким голосом:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!

Димитров умолк.

— Лермонтов! Знаешь ты его, Иван? — спросил он и затем, когда они двинулись дальше, продолжил:

Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.
Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком...

Вдруг впереди вспыхнул огонек, и кто-то закричал:
— Сто-ой!

Они были уже у туннеля. Перед самым входом в него стоял путевой обходчик с фонарем. Учитель вздрогнул и сунул руку в карман. А Димитров продолжал декламировать:

Добрый конь в зеленом поле
Без узда, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив...

— Кто вы такие? — крикнул обходчик. — И куда идете?

Это был небольшого роста щуплый человек, которому, как было видно, страшно хотелось спать. Но он стоял прямо и глядел на них с чувством собственного достоинства.

— Я же здешний... разве ты меня не знаешь? Иван, учитель, — спокойно отвечал спутник Димитрова, нагибаясь к обходчику. — А это мой приятель из Софии... Был у меня в гостях... и спешит на поезд.

— Коли ты здешний, должен знать, что по туннелю ходить запрещено... Всяких тут поразвелось... могут поезд взорвать...

— Да ведь он же поэт! — Учитель сделал неопределенный жест, словно желая сказать, что поэты, мол, люди, которые не устраивают взрывов, а занимаются возвышенными вещами. — Послушай-ка его!..

Портфель Димитрова был туго набит не сборниками стихов, а материалами, за которые сажали в тюрьму. Но, поняв мысль Ивана, он снова начал вдохновенно декламировать:

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем...
Только слышно: за дверями
Звучномерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой...

Сторожа пленил красивый выразительный голос незнакомца, и он совсем забыл о своих обязанностях. А Димитров быстро шел в глубь туннеля, и голос его гремел:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня!

Стоя у входа в туннель и уставившись на огонек фонаря, сторож, разбуженный «поэтом», как грохотом курьерского поезда, старался повторить то, что слышал: «Дайте мне сиянье дня...»

Несколько дней спустя он читал в газете о большой забастовке рабочих, разглядывал портрет их руководителя и говорил себе:

«Я этого человека с бородкой где-то видел!»

Подруга

Как-то в партийный клуб пришла молодая иностранка. Назвалась она Любицей Ивошевич из сербского города Крагуеваца. Была она невысокого роста, худенькая, большие ее глаза излучали тихую грусть. Молодая работница прибыла в Софию в поисках работы. Она была белошвейкой. Люди ее профессии были редкостью в тогдашней болгарской столице. Поступила она на работу в модное ателье в центре города.

В партийном клубе Любика Ивошевич вскоре познакомилась с молодыми социалистами. Это были интересные люди: они много спорили, обсуждали всё и вся. Некоторые из них были членами гимнастического общества, другие участвовали в рабочем хоре или оркестре, третьи оказались декламаторами и артистами, четвертые — поэтами. Любике Ивошевич были близки мечты и настроения этих молодых людей. Она сама увлекалась поэзией. Как-то вечером она прочитала свое стихотворение на сербском языке:

Я темная плебейка, знают все,
Я там, где задыхаются растения,
В болоте, в нескончаемой росе,
Где не проходят сумерки и тени ¹.

Публика удивилась: «Кто она? Откуда?» Поэтесса продолжала читать. Гулом одобрения встречены были ее строки:

Я темная плебейка, в горе вся,
Но пусть узнают все, но пусть узнают,
Что, флаг борьбы над мраком тем неся,
Цветком свободы я произрастаю.

Молодая иностранка скоро стала известным и уважаемым человеком в рабочей среде. В клубе ее называли по-

¹ Стихи Любицы Ивошевич даются в переводе А. Зайца.

дружески Любой. Профессиональная организация портных избрала ее своим секретарем и редактором газеты «Шивашки работник».

Познакомился с ней и Георгий Димитров. Тогда он был совсем молодым. Частые прогулки, которые профессиональная организация устраивала в окрестности Софии, сблизили их. Любича Ивошевич выделялась среди работниц. Она свободно говорила по-немецки, много читала, активно участвовала в рабочем движении, не жалея ни сил своих, ни молодости. Это в ее стихотворении говорилось:

Пока на земле существуют рабы,
Пока притесненные стонут от гнета,
Все выше взлетать будет зная борьбы
За счастье, за лучшую жизнь для народа.
И в радостном ритме забьются сердца,
И время настанет, и раб улыбнется,—
В тот день расцветет, чтоб светить до конца,
Над краем свободы свободное солнце¹.

Оставшись сиротой еще девочкой, Любича жила у своей тетки в Крагуеваце. Тяжкой была эта жизнь. Овладев мастерством белошвейки в Вене, Любича решила не возвращаться к тетке, уехать из Сербии. Так Любича оказалась в Софии. Вскоре она стала женою Димитрова.

Старики уступили молодоженам две комнаты в своем доме, покрытом, по старому турецкому обычаю, черепицей. В чисто прибранном дворе за деревянной оградой росла высокая шелковица. В летний день вся семья любила посидеть в ее тени. Рабочая комната Димитрова была скромно обставлена: стол у окна, на стене — портреты Карла Маркса и Фридриха Энгельса. И книги, книги всюду: на столе, в книжных шкафах — и в комнате, и в коридоре. Книги были лучшими друзьями молодой семьи. Кро-

¹ Когда однажды, в 1920 году, Димитров случайно увидел в югославском коммунистическом журнале «Будучност» стихи Любичи Ивошевич, он написал ей восторженное письмо: «С истинным наслаждением прочитал твои три стихотворения. Особенно восхищен стихами «Да, я плебейка!». У тебя очень редкое и счастливое сочетание поэта и революционера, поэзии и жизни, сильного и глубокого поэтического чувства с житейским опытом и полным пониманием всех сторон жизни и борьбы пролетариата и трудящегося человечества».

ме болгарских, здесь были книги на русском и немецком языках.

Любиза посвятила свою жизнь Димитрову. Она ходила с ним на собрания и митинги, насколько могла, облегчала его жизнь.

Через много лет, когда Любизы уже не было в живых, Димитров писал о ней: «В течение четверти века она шла со мной по тернистому пути пролетарского революционера, шла с исключительной твердостью и выдержкой, с непоколебимой верой в правоту дела социализма и с несокрушимой уверенностью в победе этого великого дела».

1909 год. Вновь вспыхивает шахтерская забастовка, теперь уже на расположенной в глухих горах шахте «Плакальница». И снова среди шахтеров появляется Георгий Димитров, агитируя, призывая, доказывая, споря... На одном из рабочих собраний его чуть не настигла предательская пуля.

В 1909 году Георгий Димитров избирается членом ЦК Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) и становится первым во всей юго-восточной Европе депутатом парламента от рабочих. Как блестящий тактик и стратег, Димитров использует трибуну парламента для проведения политики рабочего класса.

Разражается первая мировая война, в которой принимает участие и Болгария.

Стоян Ц. Даскалов

Чистота

Мне было уже двадцать, когда пришла Свобода. Мой престарелый отец заболел. Однажды он подозвал меня к себе. Из окон его комнаты был виден синий Балкан. Я подошел к нему, он обнял меня влажной рукой и прошептал:

— Садись.

Я сел у его изголовья. И ждал, что он скажет. Наверное, что-нибудь важное. А он произнес пересохшими от жара губами:

— Спустись вниз и открой сундук. Там лежит железная коробка и в ней завернутый в платок сверток. Возьми его и принеси!

Раскрашенный и окованный жестью сундук мы все хорошо знали. Там мать держала полотно, рубашки, он служил ей вместо шкафа. Я быстро спустился вниз. Что же там такое, в этом свертке, о котором мой отец вспомнил только сейчас? Сундук был закрыт, но не заперт. Я достал сверток. Мне очень хотелось развернуть платок, но я не посмел этого сделать, только слегка потрогал сверток и почувствовал там, внутри, что-то твердое. Я держал сверток с благоговением и не смел его развернуть. У меня промелькнула мысль, уж не спрятали ли мои родители от нас, молодых, золотые монеты, подаренные им на свадьбу? Берегли их для меня, единственного сына, ждали, когда я подрасту, чтобы передать мне это семейное сокровище. Но меня не так интересовало то, что в этом свертке, а больше волновало, что скажет мне отец, который, видимо, предчувствовал свой близкий конец и решил, что пришла пора исповедаться. Что может быть в этом свертке? Что завещает мне отец? Многое я передумал, поднимаясь по лестнице к отцу, пока не передал ему сверток в руки. Отец приподнялся, сел, я подложил ему под спину подушку и стал ждать, пока он откашляется и справится с охватившим его волнением. Я смотрел, как его глаза загораются блеском, пока пальцы, узловатые и костлявые, развязывали платок. Отец молча дотронулся до того, что лежало в пожелтевшей от времени бумаге. Что же там такое? Я сгорал от нетерпения, но не смел протянуть руку. Из оцепенения меня вывел хриплый голос отца:

— Вот она!

И я увидел на пожелтевшей, словно старый шелк, бумаге маленькую красную книжечку. Она горела, словно огонек. Дрожащими руками отец взял ее.

— Мой партийный билет,— прошептал он и протянул красную книжечку мне.

Но я так волновался, что не мог ее коснуться.

— А это...— Голос его стал чуть слышен. Внутри бе-

лых страничек книжечки лежал еще один красный листок. — А это бюллетень, по которому мы выбирали в первый раз Георгия Димитрова. — Спазма сжала ему горло, он замолчал и не мог промолвить больше ни слова, только губы у него дрожали.

Маленькая книжица светилась в моих руках. Я навсегда запомнил четкие буквы тисненой надписи «БРСДП» (тесные социалисты). Я стал быстро перелистывать страницы, и они, словно годы, проходили перед моими глазами. Каждая страница — год, каждая графа — месяц; месяц — это тридцать дней и ночей, тридцать кусочков жизни моего отца. На каждом месяце наклеена марка, которая свидетельствовала, что мой отец отчитался, что работал и жил.

Вдруг я заметил, что отцу стало плохо. Он пытался сам опустить подушку, чтобы лечь поудобнее, я поспешил ему на помощь, но он, словно почувствовав прилив сил, грустно улыбнулся и сказал:

— А ничего, я сам могу, сам... — И он вытянулся в постели, успокоился и прошептал: — Мне больше нечего тебе передать. Дедушка твой не оставил мне никакого богатства, ни имущества, ни золота. Я был бедняком, и нечего мне тебе завещать, кроме того, чем я жил всю свою жизнь... Береги чистоту...

Он не закончил. Глаза его снова затуманились. Я нагнулся, испугавшись, уж не пришел ли его последний час. Отец чувствовал уже свой конец и прошептал:

— Как Георгий Димитров учил нас жить и бороться... это я и тебе завещаю. Живи с чистым сердцем и с чистыми мыслями.

И в этот отрезок времени, между жизнью и смертью, отец еще успел раскрыть мне историю каждой страницы своего партийного билета.

Первая страница — это его первая встреча с Георгием Димитровым. Ноябрь 1908 года. День святого Димитрия. Идет первый снег и серебрится на черной земле. Сходка. Все собравшиеся походили на стаю опоздавших улететь аистов. Георгий Димитров говорил об антирабочих законах и как против них бороться... Это был первый приезд Георгия Димитрова во Врацу. Он и увлек за собой рабочих города и окрестных сел. Они шли за ним до самого вокзала... Отец сел вместе с ним в поезд. Отцу незачем бы-

ло ехать в Софию. Но он сел в поезд, чтобы еще немного побыть с Димитровым. Проехав две или три остановки, он потом вернулся пешком.

Вторая страница — это дни, когда отец встретился с мамой.

А после свадьбы, вместо того чтобы пойти к родным жены, как полагается по обычаю, он повел ее на партийное собрание слушать Георгия Димитрова! В те времена в каждый праздник у нас были сходки или митинги...

Третья страница — отец вместе с мамой отправляются с этим красным бюллетенем, словно с кусочком знамени, под которым они венчались, голосовать за Георгия Димитрова.

— И мы его выбрали. Выбрали впервые в нашем краю... но власти разогнали тогда парламент. Нас — меня и всех, кто поддерживал Георгия Димитрова, — преследовали. Но ничего не помогло. Ни аресты, ни расправы... Вот этот шрам на шее с тех пор... от полицейского штыка...

Полицейские штыки!.. Каждая графа партийного билета превращается в живого человека с красным бюллетенем в руках, голосующего за Георгия Димитрова. Народ всей страны оберегает Димитрова.

— В конце концов схватили его в Белой Слатине вместе с учителем Николой Илиевым и двумя рабочими. Жандармы били его прикладами. Георгий Димитров поднял весь участок, протестовал против этого безобразия. Он посылает телеграмму в правительство. Зима. Снег по колено, мы закалывали поросят на рождество. Я хорошо запомнил это рождество. В виде ряженных мы появились в околийском управлении, подняли там шум, хотели освободить Георгия Димитрова. Полиция, боясь, что мы его похитим, ночью переправила его в город Фердинанд. Но и там уже было много народу с красными книжками, и это не давало покоя властям. Тогда Георгия Димитрова отправили в самое надежное место, во врачанскую тюрьму. Оттуда никому не выбраться. Мы разнесли весть по селу, что Георгий Димитров должен у нас выступить, но власти его не освобождают... Вот эту марку, как я помню, я приклеил тогда, когда мы на сходке решили отправить телеграмму: «Освободите Георгия Димитрова!» Но на почте ее принять отказались. Тогда я попросил знакомого железнодорожника, и он ее отправил в царский дворец из Софии.

Но ведь дворец и дал распоряжение о его аресте. Что им прошения целого края! И они держали Димитрова в тюрьме, чтобы нагнать страху на всех, кто носит на груди такие же красные книжки. Но в беде любовь и верность изобретательны и самоотверженны! И вот что изобрела их любовь и верность: разбить железные решетки и вызвать того, кто стоит во главе рабочего движения. В день выборов он должен быть свободен и стать нашим депутатом!

Прокурор требовал для Георгия Димитрова смертной казни за организацию бунта против войны, против царя и армии, в соответствии... вот, посмотри вот там...

Я посмотрел. В одной графе было написано: «Статья III, пункт 5 Уголовного кодекса».

— И от Балкана до Дуная, от Тимока до Искыря народ с красными книжками поднялся в едином порыве. На землю лег туман. Не успевший растаять снег снова покрылся ледяной коркой и скрипел под ногами. Мы шли сквозь туман. Вот тогда-то и родилась твоя старшая сестра Софийка. Но я в это время был далеко от дома, и в этом тумане, в котором я затерялся, эта весть была для меня великой радостью.

Я представил себе толпы людей со знаменами, с ружьями, с топорами и дубинами, как они стекаются вереницами со всех сторон, окружают тюрьму, осаждают ее и освобождают Димитрова.

— Это уже было в 1914 году, перед самым началом первой мировой войны. Верные друзья Димитрова нашли иной выход из создавшегося положения. Для того чтобы выйти на свободу под залог, Георгию Димитрову необходимо было внести 3500 левов¹. Для кандидата в народные представители от бедняков это была колоссальная сумма — целый капитал, которого, естественно, у Георгия Димитрова не было. Прокурор умышленно назначил такую огромную сумму в уверенности, что Георгий Димитров останется на время выборов в тюрьме. И вот эти бедняки собирают по капле, стотинка к стотинке, лев к леву, и неожиданно для прокурора Врачанский партийный комитет вносит назначенную сумму залога и требует освобождения своего депутата.

¹ Лёвы и стотинки — денежные единицы в Болгарии.

И прокурор ничего не смог сделать. Выпустил Георгия Димитрова. В это время у нас в городе проходило собрание. Георгий Димитров на нем выступил. Его речь была словно взорвавшаяся бомба. Полиция хотела снова арестовать его и вернуть в тюрьму, но мы все, у кого красные книжки, снова стали на их пути, словно ограда, которую никому не одолеть. Георгий Димитров был неуловимым. Он вновь прошел громадным большинством. И голос его загремел в парламенте! Я записал его речь в свой бюллетень.

Мелким, словно бисер, почерком было написано: «...Поезд исторического развития ни вы, депутаты буржуазии, и никто другой не сможет остановить. Он вас раздавит или отбросит в сторону, словно жалких тварей, и все равно доведет трудящийся народ в обетованную землю, в коммунизм». Я прочел это про себя, а отец — откуда только взялись у него силы! — продекламировал громко, выразительно жестикулируя. Он хорошо запомнил жесты Георгия Димитрова и в последний час своей жизни хотел быть похожим на него.

— И с тех пор мы все здесь голосуем за него.

Последняя страница рассказывает о встрече моего отца с Георгием Димитровым во Враце в начале 1923 года. Зал клуба «Развитие» битком набит народом. Над головами развеваются красные знамена. Еще больше народу снаружи. Здесь и полиция — она ждет момента, чтобы арестовать после собрания Георгия Димитрова. Большая группа рабочих с шумом и громкими криками прорвалась к выходу, и все, кто был на улице, поняли, что с ними и Димитров. Полицейские кинулись к ним, но Димитрова там не оказалось. Другая группа построилась в ряды и со знаменами отправилась к вокзалу. Полиция бросилась за ними, чтоб окружить и поймать Димитрова, но и там его не нашла. Третья группа — шахтеров — тоже со знаменами и песнями направилась к «Плакальнице». «Бегите туда, там Димитров!» Полиция настигла их у Врацы, но опять напрасно.

— А в это время мы, несколько коммунистов, провели Георгия Димитрова черным ходом из зала и на повозке отвезли в село Борован...

Последние графы последней страницы. Кровавые! Восстание! А потом пусто... Отъезд из родной страны до амнистии, после которой появлюсь на свет я...

И вот я держу в руках членский билет члена партии и красный бюллетень с именем Георгия Димитрова с неумолимыми следами давности, много лет пролежавший в тайнике. Бюллетень тоже выцвел, но какая сила в нем таится! Это та сила и чистота помыслов, которых мне не доставало. О чистые, незаполненные страницы! Я испытываю чувство вины за то, что я за свою короткую жизнь не поднялся до тех вершин духа и борьбы, какими шли, словно апостолы¹, друзья и боевые товарищи Георгия Димитрова.

Да, эта маленькая красная книжица была частицей сердца и души моего отца, смыслом всей его жизни.

Мой отец умер в одно время с Георгием Димитровым, так и не увидевшись еще раз с ним. Но он оставил дорогой завет — свой партийный билет и бюллетень с именем Георгия Димитрова, их я передал в музей. Пусть послужат поколениям символом чистоты и верности!

1917 год. В Болгарии получена весть о победоносном Октябрьском восстании в Петрограде.

Газета «Работнически вестник», выходившая тогда под редакцией Г. Димитрова, писала: «Мы горячо приветствуем русский самоотверженный пролетариат — носителя мира, свободы и братства народов».

В первые часы революции в Советской России был принят Декрет о мире, один из первых декретов Советской власти. Парламентская фракция тесняков, где видную роль играл Димитров, собирается на экстренное заседание и требует от правительства немедленного созыва Народного собрания для обсуждения этого исторического документа. 1 декабря 1917 года было созвано Народное собрание. Однако буржуазные депутаты отклонили предложения Советского правительства о всеобщем мире без аннексий и контрибуций, на основе права народов на самоопределение.

¹ Апостолы — так назывались борцы за свободу Болгарии во время турецкого ига: Левский, Ботев и другие.

В ответ на это ЦК БРСДП (тесные социалисты) на следующий день, вопреки запрету правительства, созвал у Народного дома митинг софийского пролетариата. На нем присутствовало свыше десяти тысяч человек. С большой речью выступил Георгий Димитров. Он говорил о всемирно-историческом значении Октябрьской революции и мирных предложениях Советского правительства. Участники митинга единодушно приняли резолюцию «Русская революция и мир», которая затем в тысячах экземпляров была распространена в тылу и на фронте.

Тесняки заметно активизировали свою деятельность и на фронте. Во многих частях болгарской армии были созданы нелегальные организации — солдатские комитеты. Под влиянием агитации тесняков солдаты нередко отказывались идти в бой, а местами шло братание с русскими солдатами.

Начальник военно-полицейского управления сообщал главнокомандующему в начале 1918 года: «Бунты в Пловдиве, а также всеобщее недовольство войной свидетельствует о возбужденности народа. Очень возможно, что дальнейшие митинги тесных социалистов превратятся в мятеж».

В марте 1918 года был наконец заключен мирный договор между Болгарией и Советской Россией.

Но правительство продолжало репрессии. В августе 1918 года по приговору военно-полевого суда Георгий Димитров был брошен в тюрьму.

В софийской тюрьме Димитров по-прежнему внимательно следил за политической жизнью Болгарии. В стране нарастала революционная ситуация.

В сентябре 1918 года одетые в солдатские шинели рабочие и крестьяне повернули оружие против буржуазного правительства во главе с болгарским царем Фердинандом. Бросив окопы, солдаты двинулись на Софию. Это была стихийная попытка превратить войну империалистическую в войну гражданскую. Но на подступах к столице, у местечка Владая, их встретил огонь германской

артиллерии. Восстание солдат, известное под именем Владайского, было подавлено.

Вскрывая причины поражения этого восстания, Димитров говорил, что партия тесных социалистов не усвоила ленинского понимания своеобразия революционного процесса в различных странах, ленинского понимания боевого союза рабочих и крестьян. Партия считала, что, «поскольку солдатские массы, состоящие преимущественно из крестьян, не готовы еще к борьбе за Советскую власть, они не способны ни на какую подлинно революционную борьбу. Именно из-за этого своего доктринерского понимания марксизма,— отмечал Димитров,— наша партия не взяла в свои руки руководства солдатским восстанием, ничего не предприняла для превращения его во всенародное восстание, вследствие чего оно оказалось изолированным, без надежного руководства и было подавлено».

Владайским восстанием; которое В. И. Ленин назвал революцией, закончилась для Болгарии империалистическая война 1914—1918 годов. Хотя восстание было подавлено, революционное движение в стране продолжало нарастать. Оно проявлялось и в борьбе за освобождение из тюрьмы Димитрова и других революционеров. Правительство вынуждено было уступить и в ноябре 1918 года объявило амнистию политическим заключенным.

Выйдя из тюрьмы, Димитров вновь занял свое место в активной революционной борьбе.

Идет 1919 год.

Молодая Страна Советов продолжает существовать и крепнуть, несмотря на все предсказания ее врагов. И уже одним своим существованием дает яркий пример для революционных масс других стран.

1919 год — это Советская Венгерская республика с трагической, но славной историей 19 месяцев своего существования.

1919 год в Болгарии — это крупнейшая стачка железнодорожников и большие послевоенные забастовки, которые следуют одна за другой.

1919 год, март месяц,—это создание Коммунистического Интернационала, которому впоследствии Георгий Димитров отдает столько сил.

И вскоре после этого в мае 1919 года проходит первый съезд Болгарской компартии, бывших тесных социалистов.

Стоян Ц. Даскалов

Глашатай

Я из Врачанска. И, если можно так сказать, сверстник Октябрьской революции. Стал я коммунистом в 1917 году. Приняли меня в партию не в клубе, а в окопах. А до этого я был сельским глашатаем. Работал я хорошо и политикой не занимался. Однако еще до того, как нас отправили на фронт, появился у нас в роте какой-то учитель, который бродил среди солдат, заговаривал с ними, расспрашивал их о житье-бытье и откуда они родом и как-то незаметно со всеми сошелся. Он-то и рассказывал, что знаком с Георгием Димитровым. Слушал, дескать, его на митингах и встречался с ним в Софии. Учитель читал нам вслух его статьи против войны и не моргнув глазом задавал вопросы из этих статей:

«Зачем нам эта война? Мы достаточно долго были пушечным мясом для царя и капиталистов!»

О Георгии Димитрове иногда вспоминали в нашей общине, но такие крепкие слова я слышал впервые.

У учителя была бородка, и он говорил, что у Георгия Димитрова такая же. Его фамилия тоже была Димитров, только звали Цеко. Я удивился: ученый человек, имеет чин — и сам, по собственной воле, занимается с нами, хоть никто и не заставляет его!

Расположились мы на Северном фронте, на берегу Дуная, и я был рад, что наш Димитров тоже был с нами. А он ходил по окопам и с еще большим воодушевлением

пересказывал нам все статьи Георгия Димитрова, которые появлялись в газетах.

— Он пишет про нас! Прямо он нас не называет, потому что это военная тайна, но написано это точно про нас. Солдаты, неужели вы будете стрелять в своих братьев — братьев-освободителей! Подумайте! Против кого вы собираетесь воевать?

Мы словно проснулись и поняли.

— Неужели с русскими! — воскликнул я. — Может быть, это ошибка? Ведь там же Румыния!

Только здесь мне стало ясно, что ведь наш царь — немец и поэтому он на их, немецкой, стороне. И слова Димитрова сразу проникли, словно зерна пшеницы, в наши разрыхленные души, быстро дали всходы и заколосились. И даже когда не было учителя, мы находили листовки в наших ранцах.

Вскоре нашу роту отправили на Южный фронт. Мы попали в болотистое место. Жрали нас крупные комары, не давали нам по ночам глаз сомкнуть. Все мы стали желто-черные, словно земля. И вот тут-то пошел слух, что Георгий Димитров появился на фронте. Власти его искали, хотели его посадить в тюрьму за агитацию против войны, но Георгий Димитров успел получить разрешение приехать на фронт от имени синдиката рабочих табачных фабрик из Ксанти и Драмы. Мы ждали, что он появится и у нас. Все были взволнованы. «Уж не наш ли это Димитров, учитель?» — спрашивал я. «Нет, — уверяли меня, — это другой Димитров, это его учитель. А нашего Димитрова с нами нет, нет того, кто денно и нощно нам говорил о своем учителе Георгии Димитрове и доносил до нас его революционные призывы. Когда нас перебрасывали, его отправили в другое место». А может быть, и в тюрьму. Временами мне приходило в голову, что я могу вместо учителя пробраться украдкой в тыл. И привести к нам того, которого я лично не знал, но чье имя впервые здесь, в окопах, запахло в мою душу. Благодаря его имени мы подали друг другу руки и превратили Дунай в реку дружбы. Я очень хотел его видеть сейчас. В России уже прогремел залп «Авроры», свергнуто Временное правительство, Ленин возвращается.

И Георгий Димитров едет на Южный фронт как вестник революции. Мы жили надеждой на его приезд.

И волновались, что нам не удастся встретиться. Мы узнали, что командование издает тайные приказы:

«Едет Георгий Димитров! Цель его поездки — бунт против царя и отечества! Следить за ним! Не допускать его на фронт! Если проберется, арестовать и предать военно-полевому суду!»

Как, каким образом, через кого ему сообщить, где мы находимся, и предупредить его?! Если бы можно было, я закричал бы во всю свою силу. Коммунисты военного телеграфа передавали: «Охраняйте Георгия Димитрова!»

Нет рядом учителя, нашего побратима, но мне казалось, что он своим тихим, но уверенным голосом дает советы нам и здесь. Что он сопровождает Георгия Димитрова и ведет его сюда, к нам. Девять лет по фронтам! Шумит поднявшийся лес, и словно его тысячи антенны передают нам: «Солдаты, да здравствует революция!» Идут эти слова от товарища к товарищу, от поста к посту. И я, волнуясь, отправился навстречу Георгию Димитрову. Я миновал много засад и уже почти доехал, как услышал предостерегающий шепот: «Шпионы идут по его пятам!» Мы пошли вслед за шпионами, чтобы их запутать. Но Димитров умен: он ведет их по ложному следу. Оставляет их там плутать, а сам пробирается на линию фронта... Но где он находится, никто не может мне сказать.

Когда я вернулся к себе в часть, чтобы сообщить, что не мог его найти и сам еле избежал ареста, то застал в окопах нелегальную партийную конференцию. Среди солдат был какой-то крупный, плечистый мужчина с редкой бородкой. Хоть я его раньше никогда и не видел, я узнал его сразу — Георгий Димитров.

Шла перестрелка, но он продолжал страстно говорить:

— Вся власть — Советам! Вот великий урок восставших рабочих в России. Вот великое значение победы революции.

И я, сельский глашатай, жадно ловил его слова. Это была для меня команда, которой мы ждали. Георгий Димитров указал нам цель, по которой надо было стрелять.

И случилось так, что я должен был его проводить. По дороге я спросил у него:

— На Северном фронте у нас был товарищ, тоже Ди-

митров... Цеко Димитров. Он говорил, что знаком с вами... Мы много о вас говорили... Он был учитель...

И Георгий Димитров мне сказал:

— Учителя делали и делают огромную работу. Если бы я не стал политическим деятелем, я хотел бы быть учителем....

Мне хотелось сказать ему, что он и сейчас является учителем для солдат и командиров, для матерей и отцов — для всего народа, но мне было неудобно, я постеснялся. И я продолжал ему рассказывать о нашем Димитрове:

— Благодаря ему мы побратались на Дунае.

Димитров поднял брови, глаза у него засверкали.

— А-а, знаю, знаю тот случай!

Он спросил у меня, кто я такой, и я ему ответил.

— Ты не сельский глашатай, а глашатай революции! — сказал он мне.

И в этот раз он обошел шпиков. Его приняли крепкие руки рабочих в тылу. И, вопреки запретам властей, мы пошли за ним на демонстрацию. В рабочем клубе развешалось знамя, и встали рабочие на защиту нас, солдат, пришедших из окопов. Только сейчас я понял, какая в нем скрывается сила и почему наш учитель все время о нем говорил. И я готов был следовать за ним до конца своей жизни.

Несколько времени спустя власти его арестовали за то, что он встал на защиту раненого солдата, который сел в офицерское купе. Но мы выполнили его завет. Направили огонь по тюрьмам, чтобы освободить всех таких, как он. Огонь по правительству, чтобы прекратить войну. Весь фронт с севера на юг поднялся, словно Дунай в своих берегах.

— Ур-ра! Вперед! В атаку! — командовали офицеры.

А мы им отвечали:

— Назад, по домам!

«Долой войну, братья! Да здравствует революция!» — долетало эхо Октября до нас.

«Долой! Да здравствует... Без царя и хозяев!» — понеслась солдатская лавина к Владаю, достигла Софии, и, может быть, навсегда ушло бы рабство, если бы мы тогда сумели захватить власть в свои руки.

Потом я вернулся в село, но уже не мог быть сельским глашатаем. Война сделала из меня глашатая революции...

Защитник народа

Поезд вез солдат, возвращавшихся из отпуска на фронт, на юг, к излучине реки Черны и Каймакчалану, где не прекращалась кровавая жатва и где сыновья болгарского народа гибли тысячами от снарядов и пуль англичан и французов, от голода и эпидемий. Шел ноябрь 1917 года. Эшелон почти сплошь состоял из платформ. Они громы-хали по рельсам, жалобно поскрипывая и оглашая окрестности неумолчным гулом. На деревьях вдоль полотна сидели нахохлившиеся мокрые вороны. Солдаты, словно скот, набитые в товарные вагоны, сидели, съезжившись под брезентовыми полотнищами, и молча прощались с родными полями, где убитые горем жены бросали в землю семена, а подростки устало плелись за сохой. На станциях к вагонам бросались всё новые и новые отпускники с ранцами за спиной, словно торопясь поскорее попасть под жернова огненной мельницы. За ними бежали плачущие женщины; ребятишки, шмыгая носом, во все глаза смотрели на поезд, на угрюмых мужчин в залатанных шинелях, на свисавшие вниз ноги в кованых солдатских сапогах. Во всем эшелоне был только один пассажирский вагон. Он предназначался для офицеров, и солдатам вход в него был запрещен.

Скрипнули тормоза, и вагоны, с грохотом сталкиваясь друг с другом, остановились на глухом полустанке. Окружившие его липы роняли на землю желтые листья. Из станционного здания выбежал солдат с туго набитым заплечным мешком и, сильно припадая на хромую ногу, кинулся к первому товарному вагону. За ним неловко семенила молодая женщина в полосатом переднике, черном платке, с косами до пояса, измученным лицом и заплаканными глазами. Она несла две большие сумы и корзинку, обшитую сверху полотном.

— Не найдется ли у вас местечка для меня? — спросил солдат тех, кто сидел у двери.

— Нету, братец! Пойщи дальше! И куда ты пустился

с этой хромой ногой? — ответил какой-то бородач с трубкой в зубах. — Говорят тебе, беги дальше! — закричал он, увидев, что хромой беспомощно озирается по сторонам.

Солдат заковылял дальше. Женщина следовала за ним тенью. Она останавливалась возле каждого вагона и просила:

— Потеснитесь немножко, пустите его! Хромой он, не видите, что ли! Ах господи, останется ведь!

— Беги в пассажирский! Чудак человек, еле ползет! Небось от неприятеля бежал прытче зайца. Живей, живей! — кричал ему вслед бородач.

Раздался сигнал к отправлению. Паровоз засвистел. Женщина закричала:

— Беги, Венко! Беги!

Солдат напруг последние силы и побежал, волоча хромую ногу. Когда он ступил на подножку пассажирского вагона, эшелон уже тронулся. Женщина бежала рядом с вагоном, передавая ему сумы и корзинку. Как только последний вагон прогрохотал мимо, она закрыла лицо передником и зарыдала.

Солдат прошел в коридор, остановился у двери первого купе, поставил корзинку на пол, снял вещевой мешок, тоже положил его на пол и стал смотреть в окно. Крупные капли дождя ручейками сбегали по стеклу. Сквозь него чуть виднелись полоски земли, где он пахал и жал. Деревья убегали назад, голые ветви их качались на ветру, будто говоря ему: «Прощай!» К горлу подступил комок. Солдат отвернулся от окна и заглянул в купе. Там сидел красивый молодой человек с кудрявыми волосами, черной, как смоль, бородкой и большими блестящими глазами. Штатский.

Когда их взгляды встретились, штатский открыл дверцу купе и сказал:

— Входи, товарищ, не стой в коридоре!

«Чудной человек, говорит мне «товарищ»!» — подумал солдат и втащил свои вещи в купе. Пассажир помог ему разместить багаж.

— Я видел тебя из окна, — сказал он. — Сильно хромаешь. Почему не остался в лазарете?

— Мест не хватает. Привезли тяжелораненых, а нас, которые поздоровее, выписали.

— Куда путь держишь?

— К излучине Черны. Как доберусь туда на одной ноге, сам не знаю.

— Уж очень ты нагружился, брат.

— Не для себя везу. У нас вся рота, можно сказать, из земляков. Приеду, а все мне в руки смотреть будут. Люди-то голодные, сам понимаешь. Гостинцы им бабы шлют. Наскребли по углам что могли. Эх, помирает с голоду наш брат в окопах!

В это время по коридору прошел бритоголовый полковник в очках, с золотыми погонами на плечах. У дверцы купе он замедлил шаг, пристально посмотрел через стекло и двинулся дальше.

Солдат съежился.

— Ну, сейчас налетит на меня, как бешеный бык,— проговорил он и не успел кончить, как полковник вернулся, резко дернул ручку дверцы и крикнул:

— Рядовой!

Солдат вскочил и откозырял.

— Слушаюсь, господин полковник!

— Тебе известно, что этот вагон не для таких, как ты?

— Так точно, известно, господин полковник!

— Тогда что тебе здесь надо?

— Нигде не нашлось места, господин полковник!

— Он ранен, едва на ногах держится, а вагоны переполнены. Здесь есть место, пусть останется,— вмешался штатский.

— Не ваше дело! А ты уберешься отсюда на первой же остановке!

— Слушаюсь, господин полковник!

Захлопнув дверцу купе, полковник зашагал с видом человека, достойно исполнившего свой долг.

Как только поезд замедлил ход, солдат закинул за спину вещевой мешок, снял с полки сумы, корзинку и сказал с горькой усмешкой:

— Вот и выгнали меня из рая. Для них мы не люди. А не выполнишь его приказа, так под суд отдаст.

Штатский помог ему устроиться в тормозной будке соседнего вагона. Руки у него дрожали от возмущения.

Когда поезд тронулся, полковник вновь заглянул в купе — проверить, выполнен ли его приказ. Штатский встал и сказал ему:

— Господин полковник, вы поступили недостойно!

— Как? — закричал полковник.

— Повторяю, вы поступили недостойно: вышвырнули из купе раненого солдата, хотя почти весь вагон пустой.

— Известно ли вам, что такое военные законы?

— Кроме ваших законов, есть и другие, человеческие законы, которые, очевидно, вам известны. Этот несчастный хромой солдат — жертва вашего безумия. Вместо того чтобы засеять свое поле или хотя бы остаться в лазарете, пока не заживет рана, он спешит вернуться на фронт, и вы не разрешаете ему провести несколько часов в тепле. Вы выгнали его!

— Кто вы такой, сударь, чтобы позволять себе говорить со мной таким тоном?

— Я депутат парламента.

— Ваше имя?

— Георгий Димитров, от партии тесняков.

— Куда вы едете?

— Я не обязан вам об этом докладывать.

— Вы едете, чтобы сеять смуту среди наших солдат. Но я вас научу уму-разуму!

— Вы меня ничему не научите, потому что сами ничего не знаете. Но тот, которого вы вышвырнули, никогда вам этого не простит.

Из соседних купе выглянули офицеры. Полковник побагровел, резко повернулся и зашагал по коридору.

В этом вагоне эшелона, направлявшегося на Южный фронт, в 1917 году встретились трое. Один принадлежал к вдохновителям тех, кто позднее, по словам Антона Страшимирова, «истребляли свой народ так, как турки его не истребляли», другой был хлебопашцем, отцом детей, что четверть века спустя с оружием в руках ушли в горы по стопам Ботева и Левского, третий — одним из величайших людей нашей эпохи, неустрашимым борцом за правду и коммунизм. В этот дождливый день он ехал на Южный фронт, чтобы рассказать болгарским солдатам о первых сполохах Великой Октябрьской социалистической революции. За заступничество, о котором только что шла речь, он был приговорен к трем годам тюремного заключения.

За окном купе лил холодный ноябрьский дождь. Вагоны толкались один о другой, как овцы, подгоняемые злым пастухом,

Кафе „Варвара“

— Скажи, кто твой лучший друг?

— Мой лучший друг тот, кто лучший друг моего народа.

Народная мудрость

В Драмe он должен был приехать поздно вечером поездом из Ксанти. Встречать его пришли двое солдат-телеграфистов из штаба дивизии, расквартированной в городе. При входе на перрон часовой не остановил их: это был свой человек. Он лишь улыбнулся и сказал: «Проходите». Тесняки дивизии имели свой политический кружок. Они знали, что положение на фронте очень серьезное и что на севере разразились большие события. Там произошло нечто небывалое в истории: под напором революции пала корона царя. Но что точно произошло и как? Это интересовало всех. И вот теперь они все узнают не от кого-нибудь, а из уст народного трибуна — посланца Центрального комитета партии.

Высокая труба паровоза извергала искры и клубы дыма. Локомотив дышал, как тяжелобольной, тревожа гудками притихшую фракийскую равнину. Как только поезд остановился, из вагонов высыпали сотни солдат с винтовками, ранцами, торбами и корзинами в руках. Димитров был единственным штатским в этой толпе солдат. Он соскочил с подножки предпоследнего вагона и направился к зданию вокзала. Встречающие сразу же узнали его по бороде и поспешили к нему. Приблизившись к Димитрову, один из солдат, обращаясь к товарищу, сказал громко, чтоб прибывший мог слышать:

— Сегодня вечером поезд опоздал.

Димитров вздрогнул.

— Все поезда опаздывают, — сказал он вторую часть пароля и широким шагом направился к выходу.

Лица обоих встречающих просветлели: он! Не говоря ни слова, один из солдат обогнал гостя и зашагал метрах

в десяти перед ним, а другой шел немного позади. Димитров молча следовал за первым, размахивая большим чемо-даном. Все трое спокойно вышли в город и начали петлять по его темным улицам. Освещения не было. Война давно уже задула старые уличные фонари с разбитыми стеклами. Луна плыла по чернильному осеннему небу, золотистая и круглая, как хлеб. Каменные стены домов отбрасывали голубые и черные тени. С Эгейского моря веяло холодом. Легкий ветер срывал листья с белокорых юных деревьев. Подкованные сапоги встречавших стучали по булыжной мостовой. Остановились у какого-то берега. Внизу — вода, в которой трепетало, рассыпаясь алмазными бликами, отражение луны.

Руководитель кружка, начальник полевой почты, жил в покосившемся домишке, окруженном высокой каменной оградой, над которой торчала одна лишь труба дома. Первый солдат остановился у входной двери, но не постучал и никого не позвал. Легко пажав на старинную щеколду, он толкнул дверь. Вошли. Димитров наклонился, чтобы не ушибиться о низкую дверную перекладину. Яркий свет электрического фонарика сразу ударил в глаза.

— Сюда, товарищ Димитров! — послышался из глубины дома голос хозяина, и осветилась узкая крутая лестница, уходящая куда-то вниз, в темноту.

Солдат уступил дорогу гостю, который осторожно стал спускаться по скрипучим ступенькам.

«Подпольное убежище», — подумал Димитров, но когда вошел в тесную комнатку, то вновь увидел сквозь небольшое оконце воду и отражающуюся в ней луну. Хозяин погасил фонарик и начал хлопотать: завесил окно солдатским одеялом, зажег стеклянную керосиновую лампу и радостно схватил обеими руками правую руку гостя:

— Ну, теперь здравствуйте — добро пожаловать!

— Спасибо, товарищ Попдимитров. Рад встрече. О вас мне рассказывали табачники в Ксанти. Не бойтесь принимать таких гостей, как я?

— Да что уж тут! Одним словом: назвался груздем — полезай в кузов, — ответил хозяин и кивнул двум солдатам, нетерпеливо топтавшимся на пороге: — Входите и закрывайте двери!

Димитров тоже обернулся к ним:

— Здравствуйте, ребята!

— Здравия желаем! — в один голос ответили солдаты и вошли в комнату.

— Входите, товарищи. Садитесь где кому удобно. Вы, товарищ Димитров, на кровать садитесь, пожалуйста, — предложил хозяин.

— Мы можем и постоять, — смутился один из солдат.

— Зачем же стоять? Устраивайтесь на сундуке, только сначала надо оттуда вынуть хлеб.

Попдимитров открыл сундук и вынул оттуда твердый, как камень, солдатский хлеб. Положил его на стол. Из корзинки, стоявшей в углу, достал кусок сыра, заботливо завернутый в бумагу, и четыре большие кисти винограда с мелкими, уже немного сморщенными виноградинами.

— Мы есть не будем, — покачал головой один из солдат и сглотнул.

— Как так — не будете? — сердито возразил хозяин. — Все будем есть. Где еще вы найдете виноград и сыр? Это я вчера от домашних своих, из села, получил корзиночку-то. А больше ничего нет, товарищ Димитров, вы же знаете солдатскую жизнь.

— Ужин просто чудо! — Димитров потянулся к хлебу: он с утра ничего не ел. — Ну, как вы тут?

— Как? Да трудно очень. Голод. Ничего нет. Дают нам заплесневелый хлеб. Видите? Солдаты ходят в лохмотьях. Вот наш Велин, — хозяин показал на солдата, который на вокзале шел позади Димитрова, — не имеет ни сапог, ни фуражки. Чтобы он мог встретить вас сегодня, я дал ему свои.

Услышав, что речь идет о нем, Велин хотел встать, но товарищ тронул его за руку и прошептал:

— Сиди.

— Все лето, — продолжал Попдимитров, — он ходил босым, а вместо фуражки закрывал голову куском рваной мешковины. Завспивели солдаты. Стали собираться в укромных уголках и шушукаться. А как внутри страны?

— В тылу иначе. У тех, кто служит немцам, ожирели шеи. Спекулянты набили свои подвалы рисом, сахаром, брынзой, свиным салом. А на городских улицах возникают стихийные демонстрации голодных женщин и детей. В селах вспыхивают женские бунты. Самые отчаянные отбира-

ют назад реквизированные у них продукты, поджигают сыроварни!

— А здесь? — покачал головой хозяин. — Позавчера...

Велин нетерпеливо вскочил и перебил его:

— Я скажу, господин начальник!

— Рассказывай, Велин!

— Позавчера из дивизионной больницы вытащили одного раненого солдата и расстреляли. Ротный оговорил этого солдата, утверждая, что он струсил «перед лицом врага» и сам же ранил себя. А он, несчастный, еще в начале сражения был ранен в колено. Осколком снаряда ему раздробило кость, он упал, потеряв сознание от боли, и не мог догнать товарищей во время атаки. Четыре месяца лежал в больнице, а рана не заживала, нога распухла, и врачи ее ампутировали. А в это время его «командиры» делали свое дело. Подвели его под трибунал. Разобрали его дело на скорую руку и потащили на расправу. Сердце мое обливалось кровью, когда я смотрел, как этого невинного человека вели четверо солдат, направив на него штыки, а он едва ковылял перед ними на своих костылях. Его расстреляли перед всей дивизией. При первом залпе ни одна пуля не задела его, при втором — тоже. Только третий залп...

Димитров прикусил губы и положил на стол гроздь винограда. Мрачный огонь загорелся в его глазах.

— Есть тайный приказ, — сказал он глухо, — выбирать повсюду самых энергичных и непокорных солдат и расстреливать — в назидание другим.

— Так и есть, — сказал хозяин. — Но вы нам расскажите, что произошло в России!

Лицо гостя просияло.

— В России, дорогие ребята, колесо истории закрутилось, и нет такой силы на земле, которая могла бы его остановить. В эти дни десятки и сотни тысяч рабочих, моряков и солдат собираются еще теснее вокруг знамени большевистской партии. Там наши товарищи...

И он начал рассказывать о первых красных полках, о подвигах рабочих Путиловского завода в Петрограде, работающих по шестнадцати часов, чтобы дать красногвардейцам бронемашины, орудия и снаряды, о штурме Зимнего дворца, о борьбе рабоче-крестьянских отрядов против

контрреволюционных сил генерала Корнилова, который повернул пушки на столицу своей родины.

Когда Димитров рассказал о выстреле крейсера «Аврора» по царской цитадели, Велин снова вскочил и закричал:

— Ах, почему я не был там! — и стиснул кулаки.

— Тише,— схватил его за ремень другой солдат и усадил на место.

— А кто руководит революцией? — спросил хозяин.

— Ленин! Владимир Ильич. Недавно он был за границей, а сейчас в Петрограде. Исключительно преданный народу человек.

— Ленин! — повторил Велин, будто запоминая это имя.

— Ленин! — задумчиво сказал Попдимитров. — А что думают предпринять большевики?

— Они хотят заключить мир, землю — отдать крестьянам. И уже приступили к этому, а заводы один за другим тоже переходят в руки самих рабочих. Знаете, что сказал товарищ Ленин в тот день, когда штурмом взяли Зимний дворец? Запомните: он сказал, что это начало новой эры в истории России и что нынешняя революция приведет к победе социализма.

Двое солдат встали и по-братски обнялись.

— Эх, быть бы и нам сейчас вместе с ними! — повторил Велин.

Где-то недалеко пропел петух.

— Товарищ Димитров, вы принесли нам очень радостную, очень важную новость. Согласны ли вы завтра к вечеру выступить перед нашими самыми преданными товарищами, чтобы они слышали об этом из ваших уст?

— Конечно,— ответил Димитров. — Где и когда?

— Завтра вечером. Нас будет пять-шесть человек, мы займем столик в большом кафе «Варвара», что находится у самого истока Драотицы... Спокойной ночи, товарищи,— попрощался Попдимитров с солдатами.

Велин разулся и босой отправился за товарищем.

На следующий день, когда солнце уже начало скрываться за ветвями миндаля, росшего напротив окна начальника полевой почты, в комнату к Попдимитрову без стука вбежал Велин.

— Разрешите доложить! — отдал честь босоногий царский солдат.

— Говори. Все ли в порядке?

— Совсем нет, господин начальник! Наши, как и было условлено, заняли места позади старого платана, но за соседний столик неожиданно уселись два стукача. Ох, послал бы я их к черту! Ломаного гроша не имеют, а явились в кафе. Я звал их прогуляться за город, так не идут. Пронюхали что-то. Весь город, товарищ Димитров, я думаю, знает, что вы здесь...

Димитров нахмурился и, взявшись за шляпу, сказал:
— Я удалю их. Встреча должна состояться.

Когда Велин, начальник почты и гость вошли в небольшой садик при кафе, глаза всех обратились к представителю трудового народа — Димитрову. Он остановился у входа, глянул сначала на сидевших за столиком позади платана, а затем задержал взгляд на стукачах, дремавших у пустого стола. Быстрыми шагами он направился к ним и громко сказал:

— Здравствуйте, молодцы! Раз вам поручили следить за депутатом, то должны были угостить вас и кофе. Эй, официант, принесите этим молодцам по чашечке кофе за мой счет!

Сад взорвался веселым смехом. Уши стукачей покраснели. Они в смущении вскочили и с опущенными головами направились к выходу. Один из них промямлил:

— Мы, господин Димитров, пришли сюда не по своей воле. Вы же знаете — служба...

Димитров улыбнулся и пошел к столику у платана, где его ждали люди со смуглыми лицами и открытыми сердцами.

Ангел Каралийчев

В Искырском ущелье

Шахтеры пришли последними. Зал уже был битком набит. Матейка с трудом протиснулся сквозь толпу у двери. Он задул шахтерскую лампу и, расталкивая толпящихся рабочих, перешагнул через порог. Но и внутри, в зале, люди

стояли плотной стеной. Низкорослый кочегар видел одни лишь спины и головы людей да белокорые стволы и ветви деревьев, нарисованных на кулисах. От свисающей с потолка засиженной мухами лампочки струился лимонно-желтый свет. Холодный ветер силился разорвать бумагу, которой были заклеены разбитые окна, стремился ворваться в зал.

— Куда это ты прешь, как слепой! Разве не видишь, что яблоку негде упасть? — прикрикнул на Матейку какой-то небритый, черномазый мужчина.

— Хоть глазком на него взглянуть!

— Тогда полезай мне на голову! — прорычал небритый мужчина.

Измученные, озлобленные рабочие были доведены до предела. Большая всеобщая забастовка, продолжавшаяся целых пятьдесят пять дней, завершилась провалом. Предатели из профсоюза машинистов и соглашатели из профсоюза служащих почт и телеграфа предали интересы рабочего класса. Вспыхнувшая было обманчивая надежда озарила на какое-то мгновение манящий путь в будущее и угасла. Снова загудели паровозы, и сдвинулись с места составы; по канатной дороге снова побежали над скалами груженные рудой вагонетки; телеграфисты сели у своих аппаратов; учителя вошли в душевные классы... Но камень, который тяжким бременем лежал на сердце у каждого рабочего человека, стал еще тяжелее. Зима свирепствовала. Ветер сдул снег с деревьев и угрожающе раскачивал их ветви. У людей не было ни дров, ни угля. Дети ходили в лохмотьях, дрожали от холода. Не хватало хлеба. В то же время у мироедов было все. Их карманы были туго набиты деньгами, награбленными во время войны, в их кладовых хранились мешки с мукой, ящики с сахаром, бочки с брынзой, копченые окорока, жестянки с оливковым маслом. Они ввозили для себя из-за океана белую, как снег, муку, и Народный банк оплачивал ее золотом. А бумажный лев таял, словно снежинка на пылающей жаром ладони больного. Хозяева жирели за счет народа. «Работнически вестник» выходил весь изъеденный молью цензуры. По ночам полицейские вламывались в дома, вылавливали коммунистов.

— Тебе на голову я лезть не собираюсь, но ежели подобишь взобраться вон на тот подоконник, буду очень

благодарен. Ничего не подделаешь, ростом я не вышел,— добродушно сказал небритому Матейка.

Тот взглянул на него искоса. Ему понравилась застенчивая улыбка парня в солдатской фуражке без кокарды, такого же черномазого, как и он сам.

— Что ж, подсоблю,— сказал он и, подставив руку под согнутую в колене ногу Матейки, подтолкнул его вверх.

Кочегар ловко вскочил на потрескавшийся подоконник.

— Ну как? — спросил небритый.

— Все тот же. Таким я видел его и в Софии, когда мы хоронили трех убитых рабочих. Он шел впереди и не обращал ни малейшего внимания на винтовки полицейских. А мы шли за ним и несли три гроба.

— Кто же их убил? — подался вперед Лазарь Бочар, здоровенный детина, бессменный знаменосец на первомайских демонстрациях. Краем уха он давно уже прислушивался к их разговору и теперь сгорал от нетерпения принять в нем участие.

— Ну куда это ты опять лезешь? — схватила его за локоть жена, сухощавая, преждевременно состарившаяся женщина, всю жизнь не снимавшая черного траурного платка, ибо ей пришлось похоронить одного за другим всех своих детей.

Матейка приложил палец к губам:

— Тише! Начинает!

Матейка увидел, как секретарь Всеобщего объединения рабочих профсоюзов сделал несколько шагов по сцене и остановился у суфлерской будки. При первых же словах оратора с лица кочегара исчезло виноватое выражение, и ему на смену пришла хорошая, светлая улыбка. Он знал, что оратор скажет что-то необыкновенное, что он волеет новую веру в сердца всех, кто пришел сюда отчаявшимися и хмурым, не зная, какой путь избрать, куда податься. И по мере того как креп голос оратора, шахтеры забывали свои страдания, забывали ругань, побои и угрозы, с которыми они сталкивались каждый день, и пачинали понимать, что борьба еще не окончена и что ее надо довести до конца.

— Нас, коммунистов, рабочий класс, называют дармоедами! Кто же нас так называет? Те, кто, словно клещи, впились в тело народа и сосут его кровь,— крупные капи-

талисты, помещики, кулаки, царские лакеи. Мы для них являемся городскими бездельниками. Взгляните на свои мозолистые руки, товарищи шахтеры, и скажите: бездельники ли коммунисты? Говорят, что мы хотим кормить людей из общего котла так же, как якобы большевики кормят русский народ; говорят, что мы хотим сделать общими землю крестьян и их жен. Вряд ли найдется здравомыслящий человек, который поверил бы в такую чушь. Товарищи, в России Коммунистическая партия отняла поместья не у крестьян, ведь у них никогда их не было. Наоборот — она дала крестьянам землю. Сделала их хозяевами огромных имений, которыми испокон веков владели помещики. А что касается женщин, то пусть не обманывают легковверных те, кто торгует своими дочерьми, кто готов продать свою жену, кто ночи напролет проводит в кабаре и не моргнув глазом посягает на чужую честь. Коммунистическая партия борется за чистоту и святость домашнего очага, за семью, в которой женщина будет не рабыней и домашней скотиной, а другом и соратником мужа...

— Слыхала? — толкнул локтем жену Лазарь Бочар, который знал, что в церкви старый поп Никола забивает голову богомольным бабам всякой чушью.

А Матейка, окинув победоносным взглядом весь зал, поставил лампу у ног и громко захлопал в ладоши. Потом снова взял в руки свой «светильник».

Рабочие слушали как заворуженные. Лица посветлели, в глазах появился огонь. словно по мановению волшебной палочки был снят тяжелый камень, лежавший у них на сердце.

— Чего мы требуем? Во имя чего зовем рабочих и крестьян встать в эту суровую зиму под наше знамя? Мы требуем, — в голосе оратора появились стальные потки, — хлеба, угля, одежды и кровя для народа. Мы требуем, чтобы были сняты кандалы с рук товарищей, брошенных в тюрьмы военно-полевыми судами. Мы требуем привлечения к суду виновников военной катастрофы — тех, кто усеял могилами долину Вардара и каменные холмы Македонии. И эти люди осмеливаются называть политическими разбойниками нас, болгарских коммунистов, забывая, что в пятнадцатом году единственно мы выступили с манифестом против войны!

Готовясь захлопать оратору, Матейка опять поставил

ламп на подоконник, но в эту минуту в зал ворвалось человек пять-шесть полицейских с поднятыми над головами ружьями, как при переправе вброд через глубокую и бурную реку. Ими командовал пристав — с черными усиками и кошачьими глазами. Стуча по полу коваными сапогами, полицейские начали расталкивать притихших людей. Пристав остановился рядом с Бочаром, обшарил взглядом зал и, щуря глаза, пристально посмотрел на оратора. Потом он взмахнул руками и крикнул:

— Прекратить собрание! Приказано всем разойтись по домам!

Георгий Димитров не пошевелился. Не обращая никакого внимания на полицейских, он продолжал говорить. Слова его, точно плетка, хлестали жандарма по лицу.

— Эй, Димитров, тебе говорю — прекращай болтовню! — впился в него своими кошачьими глазами пристав. — Ты арестован. Следуй за мной, сукин ты сын!

Ни один мускул не дрогнул на лице оратора. Димитров лишь сделал небрежное движение рукой, будто прогоняя надоедливую муху. Толпа зашевелилась. По последним рядам прокатился глухой ропот, подобный грохоту приближающегося состава. А над этим ропотом гремел голос Димитрова — неудержимый, как бурный горный поток, влекущий за собой камни. Матейка прикусил нижнюю губу, его дыхание участилось.

Полицейский побледнел. Дрожа от ярости, он выхватил из кобуры револьвер и направил его на оратора.

— Замолчи, или я застрелю тебя! — заорал он не своим голосом. — Раз!

Но перед ним стоял бесстрашный человек. Не сводя глаз с руки, держащей револьвер, Георгий Димитров выкрикнул:

— Да здравствует Болгарская коммунистическая партия!

— Два! — прозвучал голос полицейского.

— Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик! — прогремел над толпой голос Димитрова.

— Ой, мамочки, застрелит! — вскрикнула жена Лазаря. — Чего вы смотрите — ведь этот зверь и вправду застрелит хорошего человека! — И она закрыла глаза руками.

И тут произошло нечто необыкновенное. Через головы рабочих, точно пантера, Матейка бросился на полицейско-

го. Рука у пристава дрогнула, раздался выстрел, и пуля вонзилась в потолок.

— Так, значит!..— взревел Бочар и протянул свои огромные лапы к приставу, но тот уже исчез под ногами навалившихся на него рабочих.

Поднялся адский шум. Затрещали стулья. Под градом сыпавшихся на них ударов полицейские еле-еле унесли ноги.

— Держи его! — раздался во мраке голос Лазаря.— Стой, мерзавец, стой! Сейчас утоплю тебя в реке, как конопляный сноп!

Но пристав успел незаметно улизнуть и, дрожа как лист, забился в пустой угольный сарай...

Через полчаса на станции остановился ночной поезд. На лицах шахтеров, пришедших проводить оратора, играли отблески света, лившегося из окон вагонов. Георгий Димитров отыскал глазами маленького кочегара в солдатской фуражке и, быстро подойдя к нему, схватил его за руку:

— Спасибо тебе! От всего сердца спасибо. Тот пес непременно бы застрелил меня, если бы ты не бросился на него.

— Что вы, товарищ Димитров, это пустяки,— ответил Матейка, и его лицо снова озарила улыбка.

— Закрывай двери! — донесся издали чей-то хриплый голос.

Поезд тронулся. Георгий Димитров вскочил на подножку первого вагона и махал рукой рабочим до тех пор, пока состав не скрылся во мраке Искырского ущелья.

Ради такого человека

Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

А. Сурков

Люба Димитрова открыла калитку и вышла на улицу. Ледяной ветер хлестнул ее в лицо, взметнул концы шерстяного платка, словно напоминая, что лучше вернуться домой. За Любой семенила в домашних туфлях ее свекровь, бабушка Парашкева.

— Может, останешься, доченька? Темень-то какая, хоть глаз выколи!

— Не беда, мама, я темноты не боюсь.

— А может, он и вовсе не придет?

— Непременно придет. Слово Георгия — закон. Да и он уже, наверно, там и ждет меня. До свидания, мама!

Люба решительно зашагала по Ополченской, а мать Георгия Димитрова покачала головой, захлопнула калитку и, не заперев ее на ключ, вернулась в теплую комнату.

Люба на ходу поплотнее закуталась в мягкий платок, застегнула зимнее пальто. Свернула налево. Улица была безлунной и мрачной. Ветер наметал вдоль заборов рыхлые сугробы, раскачивал тусклые уличные фонари, шуршал в разбитых окнах, заклеенных бумагой. Громко хлопали ставни маленьких лавок и мастерских, зловеще поскрипывали их вывески.

Молодая женщина, прислушиваясь к каждому шороху и боязливо оглядываясь по сторонам, быстро шагала по направлению к улице Марии-Луизы — туда, где никогда не затихал шум большого города.

«Тяжелый, страшный год выдался! — подумала она. — Хлеб подорожал вдесятеро. Что будет с бедными? Демобилизованные солдаты вместо пальто носят шинели без погон. Ребятишки еле волочат ноги в кованых отцовских

опорках. Георгий сказал, что правительство растратило половину золота Народного банка. Оно ушло на то, чтобы покупать в Америке муку, но народ голодает по-прежнему. Куда девалась эта мука? Повсюду снуют вооруженные люди. Солдаты английских и французских оккупационных войск пьянствуют в кабаках, стреляют из трамваев в прохожих, пристают к девушкам, бесчинствуют. По вечерам девушки не смеют носу высунуть из дому.

На улице ни души. А каково тем, у кого нет крова в такую морозную ветреную ночь? Попытались было горемыки построить себе на государственной земле лачужки, чтобы у детей была крыша над головой, когда польют осенние дожди, но полиция разогнала их выстрелами. Стреляли в народ. Так погиб Киро Ковачев, прекрасный партийный работник. За его гробом шла вся рабочая София. Людская река хлынула к кладбищу в Орландовцах¹. А Георгий шел впереди всех. Его всегда встретишь там, где опаснее всего. Он бросился к офицеру, приказавшему своим солдатам обнажить пашки против народа, схватил его коня за узду и гневно крикнул:

«Как вам не стыдно! Нападаете на безоружных людей, которые хоронят своего товарища! И, наверно, думаете, что вы герои! Убирайтесь прочь с дороги, дайте людям пройти!»

С такой яростью выкрикнул эти слова Георгий, что офицер оробел, опустил саблю и, повернув коня, пропустил шествие. А у меня сердце замерло от страха. А если бы зарубил саблей Георгия? Какую ненависть к палачам трудового народа прочла я тогда в глазах Георгия! Ах, эти огненные глаза! И почему ты у меня такой буйный и неукротимый, Георгий!» — вздохнула Люба. Она снова оглянулась и прибавила шагу.

«Сколько времени прошло с тех пор, как он вышел из тюрьмы? Вернулся он в декабре. Домой пришел небритый, голодный, худой. И сразу же ринулся в бой. Им завладела улица, Георгий нужен был народу. И снова пустует его кровать. Раскрытые книги лежат на столе так, как он их оставил, не горит настольная лампа до самой зари. Люблю смотреть, как Георгий читает, запустив пальцы в свои кудрявые волосы, глубоко задумавшись.

¹ Орландовцы — окраинный район Софии.

А когда он пишет, весь преображается. Перо так и бежит по бумаге, сигарета дымится, глаза чуть прищурены... Но... домой ему нельзя вершуться», — вздохнула молодая женщина.

«Не успел выйти Георгий из тюрьмы, как сразу же в Перник, к старым друзьям, шахтерам. Там его арестовали вооруженные жандармы, снова бы в тюрьму попал, да рабочие вовремя отбили. Никогда на софийском вокзале не собиралось столько народу, чтобы встретить арестованного. Вся София пришла. Тогда-то я по-настоящему поняла, что Георгий принадлежит не только мне, а всему народу!

Словно крылья у него выросли: летит с собрания на собрание, с митинга на митинг, бывает на рабочих вечеринках, в редакциях и типографиях. И всюду выступает, выступает. Когда Георгий говорит, в сердцах у людей загорается огонь. Таковы теперь времена».

Внезапно где-то на Драгоманском бульваре прогремели ружейные выстрелы. Их треск гулко пронесся над окутанным ночным мраком городом. Кто-то дико вскрикнул, но ветер отнес крик в сторону. Люба вздрогнула и, затаив дыхание, прижалась к водосточной трубе какого-то дома. Холодные мурашки пробежали у нее по спине. Но выстрелы не повторились, и она снова запагала по улице. Ее одолевали мрачные мысли.

«Тень зловещей руки, сжимающей рукоятку пистолета, преследует Георгия. Его жизнь постоянно висит на волоске. Ему угрожают те, от чьей руки в Берлине пали Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Та же самая преступная рука в один летний день на заводе Михельсона в Москве нажала спуск, и пули пронзили Владимира Ильича. Георгий рассказывал, что пули были надрезанные, смазанные ядом... А та бомба, которую бросили перед клубом партии, может, она должна была погубить Георгия? При взрыве погибло несколько человек. Ах, не следовало бы Георгию ночью ходить по пивным! Да еще без охраны!

А мороз-то какой! Цветы в глиняных горшках померзли. Так и иду к нему без цветочка... А вдруг пивная уже закрыта?» — мелькнуло у Любы в уме, и она замедлила шаги.

Но пивная была еще открыта. Увидев, что сквозь за-

потевшие окна «Здраве» пробивается тусклый свет, Люба вздохнула с облегчением. Она быстро перешла через улицу, толкнула дверь и вошла в зал. В пивной стояли клубы табачного дыма и винных паров, пахло жареным мясом и различными острыми приправами. Люба с трудом отыскала глазами в глубине зала столик, за которым сидел с друзьями Георгий Димитров. Он, улыбаясь, рассказывал им что-то.

«Сидит, смеется и знать себе ничего не хочет. А я чего только не передумала!» — и Люба почти бегом бросилась в глубь зала.

Завидев жену, Георгий Димитров поднялся ей навстречу. Заботливо отряхнул с нее снег, подал стул. Его товарищи потеснились, освободили для нее место.

— Продрогла на улице? Может, напугал тебя кто-нибудь в темноте? — спросил он.

— Все в порядке. Ветер хлещет прямо в лицо. И стреляли где-то. Слышала крик человека, которого... А тут тепло, но душно, — сказала молодая женщина, снимая платок с головы.

— Стефан, закажи, пожалуйста, Любе чего-нибудь поесть. Ты знаешь официантов.

— Есть не буду — я уже поужинала. Пришла только повидаться.

— А мама как?

— Как обычно. По дому хлопочет и все ждет, что как-нибудь ночью ты постучишь в окошко.

— А моя «охрана»?

— Все стерегут. Всю улицу оцепили. Ночью заглядывают через забор. А ты чего это по ресторанам ходишь? — упрекнула его Люба.

— Не беспокойся. Мы были на партийном заседании, а сюда заглянули на несколько минут, перекусить. Тебя ждали. Решили здесь не засиживаться.

— Товарищ Димитрова, пока мы рассчитаемся, выпейте хотя бы кружку пива, — предложил Стефан Аврамов и постучал вилкой по тарелке, чтобы подзвать официанта.

— Чего изволите? — подбежал к столику официант.

— Счет. И принеси-ка кружку хорошего пива нашей даме. Да и нам тоже по одной.

К столику подошел светловолосый, краснощекий не-

бритый парень в пальто с поднятым воротником. Он похлопал Стефана по плечу, шепнул ему что-то на ухо и, незаметно сунув ему в руку свернутый листок бумаги, отошел к стойке. Заказал себе коньяку.

— Кто это?— спросил Димитров.

— Борис. Ты разве не знаешь его? Он что-то вроде помощника Колю Божкова. Свой парень!

Аврамов развернул записку у себя на коленях и, внимательно прочитав ее два раза, закусил губу.

— Что он пишет?

— Предупреждает нас. Какие-то мерзавцы из военной лиги видели, как ты вошел сюда,— прошептал Стефан, не глядя на Георгия Димитрова.

— Ну и что?

— Устроили три засады: на углу перед пивной, напротив — на улице Царя Симеона, и дальше — на улице Экзарха Иосифа.

— Ах, Георгий!— Люба вздрогнула. Веки ее выразительных глаз затрепетали, словно крылья испуганной птички.— Что же теперь делать?

Георгий Димитров под столом крепко сжал ее руку.

— Будь молодцом! Ну что они мне сделают? Возьми кружку и пей. Не показывай, что ты испугана, потому что я здесь за нами, наверно, следят. За ваше здоровье! Ведите себя так, будто ничего не произошло. Официант, счет! А ты, Стефан, ступай побеседуй с тем парнем.

Стефан Аврамов встал из-за стола и медленно направился к стойке. Он остановился возле юноши с поднятым воротником.

— Оружие у вас есть?— спросил Борис.

— Только один револьвер.

— Бери,— спокойно сказал юноша, поднося левой рукой рюмку ко рту, а правой опуская Стефану в карман что-то тяжелое.— Заряжен. Вам надо сразу же уходить. Как раз кончается сеанс в кинотеатре «Модерн». Смешаетесь с толпой.

Стефан вернулся за столик и, подсев поближе к Георгию Димитрову, тайком передал ему револьвер, хотя народный трибун никогда в жизни не стрелял из огнестрельного оружия. Оружием Димитрова было слово, и

оно не знало осечки, било без промаха прямо в самое сердце людей. Наспех составили план.

Стефан предложил:

— Я выйду первым и постараюсь отвлечь внимание тех, кто в первой засаде. Тем временем вы пересечете улицу Марии-Луизы и вместе с толпой, выходящей из кино, направитесь к Ломской, а оттуда — домой.

Встали. Люба дрожала. Георгий Димитров надел шляпу, застегнул пальто на все три пуговицы, поднял воротник и спокойно направился к выходу. На улице было многолюдно, из дверей кинотеатра продолжали выходить всё новые и новые зрители. На стене у кинотеатра ветер теребил какие-то обрывки афиши с портретом Франчески Бертини. Тут же рядом какой-то оборванный инвалид предсказывал «судьбу». У него на плече сидел попугай, который обычно вытаскивал из ящичка свернутую записочку с «судьбой». Но никто не интересовался бедным инвалидом и его попугаем. Четверо коммунистов мгновенно смешались с толпой, выходявшей из кино. Стефан заметил на углу поджидавших их молодчиков. Не говоря ни слова, он отделился от маленькой группы и направился прямо к ним. Расталкивая прохожих, он добрался до первого из громил, стоявшего у стены, взглянул на него и резко ударил его кулаком в лицо, а ногой — в живот.

— До каких это пор ты будешь ходить за мной по пятам! — процедил сквозь зубы смелый чирпанец¹.

Молодчик взревел от боли. Его товарищи растерялись и пустились наутек. Георгию Димитрову, Любе и их товарищу этого было достаточно: они пересекли улицу и исчезли в направлении Ломской.

Стефан Аврамов начал медленно отступать. Молодчики из второй группы заметили, что у кинотеатра происходит что-то неладное, бросились на помощь своим друзьям и открыли огонь. В темноте раздались выстрелы. Наступил переполох. Закричали женщины. Толпа бросилась врассыпную, и улица мгновенно опустела. В окнах «Модерна» погас свет. Хозяин пивной «Здраве» поспешно запер на ключ свое заведение. Стефан Аврамов, прислонившись спиной к стене дома, начал стрелять по молодчикам, которые бегали от угла к углу, не пони-

¹ Ч и р п а н е ц — уроженец города Чирпана.

мая, куда исчез Димитров. Израсходовав все патроны, чирпанец проскользнул в темную улочку, стремглав пронеся мимо убогих клетушек ремесленников и, выбежав на улицу Царя Симеона, догнал Любу Димитрову, которая, протившись с мужем, спешила домой одна.

Предварительно кашлянув, чтобы неожиданно не испугать ее, Стефан спросил:

— А где Георгий?

— Ах, это ты, Стефан? А Георгий пошел к тебе. А как эти...

— Разбежались. Ну и оглушил же я одного из них!..

— А теперь, Стефан, пожалуйста, иди к Георгию.

— Оставить тебя одну в такую ночь? Раз Георгий дома, тебе нечего беспокоиться. И на этот раз обошлось благополучно.

— Ну, пошли, только побыстрей,— сказала Люба, стараясь овладеть собой.

Они молча шли по бесконечной улице. Стефан то и дело оборачивался, но на покрытой снегом улице не было ни души. У Ополченской Люба подала руку своему спутнику:

— Спокойной ночи! Привет Георгию. К нам не приходи — вокруг нашего дома вечно околачиваются шпики. Ты верный друг, Стефан! Когда я вижу, какие у моего Георгия друзья, у меня на душе становится спокойнее. А ведь они могли убить тебя!

— Могли. Но я опередил их. Ради такого человека, как Георгий, и жизнью пожертвовать не жалко. Ты иди, а я постою, пока ты войдешь в дом. В случае чего — быстро подоспею.

— «Ради такого человека...» — прошептала Люба Димитрова, войдя к себе в комнату и глядя на портрет мужа.

Потом улыбнулась и потушила свет,

В дымном шахтерском городе

— Алло, кто у телефона?

— Комендант Перника. А кто спрашивает?

— Военный министр.

Комендант вскочил со стула:

— Слушаю, господин министр!

— Что у вас там происходит?

— Ничего особенного, господин министр!

— Как так — ничего особенного? А что случилось с вашим гарнизоном?

— Его обезоружили.

— Кто?

— Шахтеры.

— А вас, случайно, не раздели?

Воцаряется молчание. Комендант не знает, что ответить, обливается потом.

Министр требует:

— Доложите, как все это произошло!

— Господин министр, вчера, узнав, что в Перник приезжает Димитров, я лично повел две роты, чтобы арестовать его, как только он сойдет с поезда. Но на вокзале его поджидало человек пятьсот — шестьсот шахтеров.

— Они не были вооружены?

— Так точно, не были.

— Продолжайте.

— Я спросил их вожака Темелко Ненкова: «Зачем пришли сюда ваши люди?», а он мне: «А ваши?» — «Мы, — говорю я ему, — выполняем приказ!» — «И мы выполняем приказ», — отвечает мне бунтовщик. «Ах, так?» — «Точно так!» Тут меня взорвало, и я решил разогнать их силой. Скомандовал солдатам: «Роты, смирно! К бою готовься!» Но ни один из солдат не поднял винтовки. Еще хуже, господин министр: они смотрели на меня так, будто с неба свалились, будто я говорил с ними на непонятном языке. Тут шахтеры запели «Интернационал». Пели так громко, что заглушили вой ветра.

— Ну, а вы?

— Я снова попытался двинуть солдат, но шахтеры закричали: «Товарищи, братья солдаты! Не выполняйте безумный приказ вашего командира. Идите с нами!» А один из них растолкал собравшихся, вышел вперед и как закричит: «Кто посмеет посягнуть на шахтера! Бросай ружья!»

— И обе ваши роты передали оружие взбунтовавшейся толпе?

— Так точно, господин...

— А вы, что сделали вы, их командир!

— Я... я... был вынужден отступить.

— Отступить?.. Да вы просто бежали на глазах у врага! Вы дезертир! Шахтеры обезоруживают ваших солдат, а вы удираете, точно заяц... Да знаете ли вы, что вас ждет?

— Так точно, знаю...

— Ну, а дальше? Что случилось дальше?

— Прибыл софийский поезд. Из первого вагона выскочил тот, арестант. Увидев его, шахтеры от радости походили с ума. Обнимают его, кричат «ура»!

— А ваши обезоруженные «герои»?

— Они кричали громче всех. Потом понесли его на руках в город.

— Где сейчас находится Димитров?

— На площади, господин министр.

— Что он там делает?

— Говорит на митинге. Собралась огромная толпа шахтеров, жителей города и солдат.

— Каких солдат?

— Тех, кто работает в шахтах.

— Так это же настоящий бунт! Генерал Кретьен, как узнает об этом, намылит нам шею! Немедленно разогнать митинг и доставить мне оратора!

— Не могу, господин министр, у меня нет солдат!

— Не можете!.. Как вы смеее так отвечать? Негодяй!

Министр яростно швырнул трубку телефона и нажал белую кнопку звонка.

Через два часа от софийского вокзала отошли три эшелона — с пехотой, кавалерией и орудиями. Тяжело пыхтя, паровозы поволокли вагоны к Горна-Бане.

— Собирайся, пойдем вместе на митинг!— обратился пожилой шахтер к своему товарищу, который возился у обледенелой колонки, тщетно пытаясь открыть кран, чтобы вымыть черные от угля руки.

— Ступай один. Посмотри, на кого я похож! Увидят — смеяться будут.

Шахтер оглядел товарища с головы до ног. Вид у того был жалкий: фуражка без козырька, кокарда болтается на одной нитке, не шинель, а лохмотья, вместо ремня — веревочка, сапоги ощерились — подметки отваливаются. Рубит уголь до потери сознания, а получает миску вареной пшеницы и спит на голой земле в дощатом бараке. А тут еще и воды нет, руки нельзя вымыть.

— Идем, брат, послушаем своего человека.

— Словами сыт не будешь. Мне бы хлеба буханку, отломать вот такую краюху, посыпать красным перцем и солью — да в рот...

— Пойдем, не пожалеешь! Наши принесли его с вокзала на руках.

— Что же это за человек?

— Коммунист. Три дня тому назад вышел из тюрьмы. Три года получил, да пришлось тюремщикам выпустить его: поняли, что несдобровать им.

— За что же его посадили?

— Намылил шею одному вашему полковнику. Тот, подумай только, позволил себе на глазах у Георгия Дмитрова вытолкнуть раненого солдата из пассажирского вагона! Мол, куда это лезешь: пассажирские вагоны для офицеров, а вам и товарных хватит!

— Так это, значит, Георгий Дмитров приехал? Что же ты мне сразу не сказал, что он будет говорить!

Солдат засуетился, затянул веревку, которой был подпоясан, и зашагал вместе со старым шахтером к площади. Площадь была битком набита народом. Притихшее людское море. Оратор, высокий, стройный человек с изнуренным от пребывания в тюрьме лицом и пышными вклокоченными волосами, что-то говорил, размахивая руками. Опоздавшие шахтеры ничего не слышали, так как зимний ветер уносил его слова куда-то вниз, к реке. Они попытались было пробиться сквозь толпу к столу, на котором стоял Дмитров, но из этого ничего не получилось.

— Ничего не слышу. У меня барабанная перепонка лопнула — мина разорвалась рядом со мной, чуть было не убила там, у излучины Черной реки. А ты, Сотир, залез бы на забор — оттуда и слышнее, и виднее, — а потом расскажешь обо всем.

Солдат подбежал к кирпичному забору и ловко взобрался на его покрытый двумя рядами черепицы, запорошенный снегом гребень. Засунув палец под веревку, заменявшую ему ремень, он выставил вперед ногу, выпятил грудь, словно позируя перед фотоаппаратом, и наострил уши.

— ...Я выхожу из мрачной тюремной камеры окрыленным, потому что у нас на глазах совершается величайший в истории перелом. Буря Великой Октябрьской революции смела прогнивший строй русских царей и помещиков, с рук миллионов обездоленных людей упали путы векового рабства. Заря, закипающая на Востоке, заливают потоками света всю Европу. Ее лучи озарили и нас. Товарищи, приближается день нашего освобождения! А что же происходит здесь в эти знаменательные дни? Шахтеры голодают, а преступники, усеявшие Македонию могилами, не знают, куда девать свои деньги, и открывают новые банки, чтобы продолжать грабить народ. Столица дрожит от холода, оккупанты валят заборы и жгут их, чтобы согреться, а опытные шахтеры бегут с шахт, потому что не в состоянии им работать на голодный желудок. Почему пригнали сюда молодых солдат, мучат их, заставляют заниматься не своим делом — рубить уголь? Потому что без перникского черного золота перестанут дымить трубы фабрик и заводов, остановятся поезда, закроются правительственные учреждения! Мы говорим тем, кто стоит у власти: накормите народ, дайте ему кров и культуру, не мучьте детей — тогда и угля будет вдоволь!

— Правильно! Верно! — загремела площадь.

Сотир, забыв, где он находится, начал аплодировать, покачнулся и, раскинув руки, свалился с забора в сугроб.

На перникский вокзал прибыли эшелоны с орудиями и солдатами. Из вагонов повыскакивали солдаты, кавалеристы вывели лошадей, артиллеристы выкатили орудия

и направили их грозные жерла на окутанный дымом шахтерский город. Хмурые шахтеры разошлись по баракам; заперев ворота на засов, попрятались в домах горожане. Зловещая тишина воцарилась над городом. Были слышны только топот кованых сапог и цокот копыт. Блеск штыков бросал в дрожь тех, кто пытался сквозь замерзшие стекла разглядеть, что творилось на улице.

Арестованного Димитрова отвели на вокзал под охраной целого эскадрона кавалеристов. Эскадронный ехал с обнаженной саблей и озирался по сторонам. Он знал, что перникские шахтеры готовы броситься в огонь ради этого опасного человека, который в пальто с поднятым воротником и в рабочей кепке спокойно шагал впереди конвоя. А дежурный телеграфист лихорадочно выстукивал точки и тире, сообщая в столицу, что Димитров снова арестован. Всколыхнулась рабочая София. Мгновенно опустели партийные клубы, занятия кружков были отменены. Ночная смена железнодорожного завода бросила работу, вышли на улицу и печатники, закрылись мастерские ремесленников, опустели похожие на собачьи конуры клетушки сапожников. Бульвар Марии-Луизы залили толпы народа. Жестокая зима ледяным ветром встретила неудержимый человеческий поток.

Жители рабочего пригорода Надежда, которые толпились на трамвайном мосту через железную дорогу, ожидали увидеть три пары огненных глаз, три эшелона, идущих из Перника. Но, к их удивлению, под мостом промчался лишь один паровоз, весь облепленный солдатами. На этом паровозе привезли Георгия Димитрова. На перроне солдаты окружили его плотным кольцом и повели к выходу. Но на привокзальной площади их встретила разбушевавшаяся людская стихия. Гул сотен голосов разорвал вечерние сумерки:

— Куда вы его ведете?

— Он только вчера вышел из тюрьмы!

— Пустите защитника народа!

— Освободите его!

— У-у-у-у! — прокатился над площадью угрожающий шум, похожий на гул разгулявшейся вьюги.

Димитров обвел взглядом огромную толпу людей, улыбнулся и снял кепку.

— Назад!— крикнули конвоиры и направили винтовки на толпу.

Но никто не сдвинулся с места. Французские солдаты, патрулировавшие у вокзала, с изумлением наблюдали за тем, что происходит.

— Кого встречаете?— спросил один из них на ломаном болгарском языке.

— Георгия Димитрова,— ответило несколько голосов.

— Кто он такой?

— Большевик!

Французские солдаты переглянулись между собой, обменялись несколькими словами и поднялись на цыпочки, чтобы лучше видеть. Один из них юркнул в толпу, добрался до конвоиров и начал кричать:

— Vive les Soviets!

— Что кричит этот француз?— спросил командир конвоя.

— Верно, требует, чтобы вы освободили арестованного!

— Кто здесь приказывает?— рявкнул командир.

— Народ!— ответили ему из передних рядов.

— Народ!— подхватила вся площадь.

В этот вечер героический народ вырвал своего любимого вождя из рук полиции. Допоздна гремели на улицах революционные песни.

Когда командующий оккупационными войсками генерал Кретъен узнал о большом митинге в Пернике и об участии его солдат в освобождении вождя коммунистов, он пришел в бешенство и немедленно распорядился прекратить освобождение болгарских военнопленных из Первой дивизии.

Димитров вернулся домой после полуночи, сел у огня и долго грел замерзшие руки. Сестры смотрели на него с восхищением: вот какой у них брат — весь город встал на его защиту! Бабушка Парашкева журила его:

— И когда ты наконец уgomонишься, сынок! Ведь из тюрьмы-то только вчера вышел. Вот и сидел бы дома, в тепле. Больше никуда я тебя не пущу, слышишь? Обещай, что не будешь выходить из дому!

Георгий шутливо ответил:

— Ладно, мама, обещаю — до утра никуда не буду выходить.

Железнодорожная стачка

24 декабря 1919 года трудящиеся по призыву Коммунистической партии вышли на улицы городов Болгарии. Замолкли фабрики, опустели учреждения, замерла жизнь. Народ требовал «хлеба, угля, жилья, одежды, восстановления погранных политических свобод».

— Это настоящая революция! — сказал министр внутренних дел Крыстю Пастухов. — Надо немедленно вызвать войска! Разогнать демонстрацию!

Но демонстранты уже сами разошлись по домам. На другой день был издан приказ об увольнении с государственной службы всех участников демонстрации.

25 декабря 1919 года софийские железнодорожники объявили стачку протеста. Делегация железнодорожников посетила министра железных дорог и предъявила ему требования: вернуть на работу всех уволенных, отменить преследование за участие в демонстрации, улучшить материальное положение рабочих и служащих, отменить чрезвычайные военные меры.

Министр ответил, что это мятеж, и выгнал делегацию. Правительство решило не идти ни на какие уступки забастовщикам, а Коммунистической партии объявить войну. В парламенте и прессе коммунисты подвергались клеветническим нападкам. В столицу из сел были стянуты наемные громилы из кулацких элементов. К ним правительство обратилось с таким воззванием:

«Исторический момент переживает страна. Она выживет или погибнет. От вас зависит сохранить ей жизнь, которой угрожают городские бездельники и политические апаши... Они хотят поделить между собой имущество и жен крестьян... Они хотят кормить нас из общего котла, как в Советской России...»

Громилы нагрянули в Софию с дубинами, старыми, еще турецких времен, пистолетами и новейшими ружьями. Они захватили кварталы железнодорожников. Началась расправа. Пьяные банды никому не давали пощады.

Но все это не помогло правительству поставить на колени забастовщиков. Двадцать пять тысяч железнодорожников и почтово-телеграфных работников поднялись на защиту своих интересов. Двадцать пять тысяч обрекли себя на голод, холод, побои и муки... Двадцать пять тысяч тружеников вместе со своими семьями начали героическую борьбу, какой еще не видела Болгария...

27 декабря остановились поезда, трамваи, прекратили работу почта, телеграф, телефон. Жизнь замерла.

Два дня шел мелкий, рыхлый снег. На третий снег прекратился, подул северный ветер.

Стачечный комитет собрался в небольшом приземистом домишке за железнодорожной линией. Уже несколько дней здесь не проходили поезда. Снег засыпал рельсы, и, если бы не телеграфные столбы, трудно было бы узнать, что здесь пролегает железная дорога.

Старый стрелочник Иван Стремов уступил стачечному комитету свой дом, хотя в нем всего-то и было что одна комнатенка да кухня, в которой лежала его больная дочь. В комнату вошла хозяйка и испуганно сказала мужу:

— Во дворе ждут трое.

— Кто такие?

— Не знаю... Хотят войти в дом.

Сначала Иван было испугался, но потом узнал кочегара Стефана Бойчинского.

— А, Стефан! Почему неходишь? А кто эти товарищи?

— Дома объясню...

В узеньком коридорчике, когда незнакомые пришельцы раздевались, Стефан шепнул Ивану:

— Это товарищи Васил Коларов и Георгий Димитров.

Гости прошли в комнату, где заседал стачечный комитет. Железнодорожники их окружили. Показали текст обращения, который они только что составили. Димитров и Коларов сделали некоторые замечания и сказали, что обращение будет немедленно отпечатано и распространено.

— Плохо с организацией паровозников, товарищ Димитров,— сказал Иван Стремов,— там, видно, есть платные агенты правительства.

Димитров нахмурился. Он уже был осведомлен о капитулянтских настроениях в организации паровозников.

— Вот что, товарищи,— сказал Димитров.— Правительство решило объявить нам войну, но не соглашаться с нашими требованиями. С нашей стороны необходимо проявить величайшее напряжение воли и величайшую собранность. Надо быть дисциплинированными и не поддаваться на провокации правительства. С нами весь болгарский народ. Мы победим. Из сел прибыли первые посылки с продуктами для бастующих.

Эта весть обрадовала всех.

— Наши крестьяне,— продолжил Коларов,— проявляют замечательную солидарность со своими братьями рабочими. Это очень показательно и говорит о единстве между рабочими и крестьянами, единстве, которое наша партия должна еще больше укрепить. Железнодорожная стачка, товарищи, не обыкновенная экономическая стачка. Это прежде всего серьезная политическая стачка. Об этом надо знать и помнить каждому.

В тот вечер стачечный комитет принял решение, которое способствовало установлению еще большей дисциплины в рядах бастующих. Стефану Бойчинскому поручено было войти в переговоры с руководством организации паровозников.

При выходе Димитров спросил хозяина:

— А где дочь твоя, Иван? Поправилась?

Стрелочник растерялся: «Кто ему сказал?»

— Был врач?

— Нет, товарищ Димитров.

— Надо вызвать. Где она лежит?

— Здесь!— Стрелочник открыл дверь в кухню.

Было там душно, тускло горела свеча. Возле ржавой печки на деревянной койке лежала больная. Рядом сидела мать.

Нищета удручающая. Димитров и Коларов, тяжело вздохнув, тихонько прикрыли дверь. Уходя, они дали стрелочнику деньги на врача. А на другой день в дом стрелочника неизвестные люди принесли куль угля и мешок муки.

Правительство принимало все меры, чтобы сломить сопротивление забастовщиков. Пыталось своими людьми заменить стачечников, но из этого ничего не получалось,

по неопытности штрейкбрехеры только ломали машины. То сошел с рельсов поезд, то взорвался котел, испортился телефонный аппарат, вышел из строя телеграф... В правительстве царя неуверенность, но оно, видимо для собственного успокоения, выпускало бюллетени, в которых провозглашалось:

«Порядок восстанавливается, завтра в стране выйдут тридцать поездов. Стачечники капитулировали! Локомотивы в полной исправности... поезда идут...»

Но поезда не шли. Они стояли, засыпанные снегом, на глухих перегонах, на замерших станциях. Молчало все, молчали телеграфные и телефонные аппараты, не слышалось паровозных гудков, лишь только зимние вьюги свистели в проводах среди пустынных полей...

В поддержку железнодорожников была объявлена всеобщая политическая стачка. Продолжалась она целую неделю — с 29 декабря 1919 года по 3 января 1920 года. В ней приняла участие вся трудовая Болгария, бастовали даже учителя начальных школ и гимназий.

Стачка железнодорожников продолжалась пятьдесят пять дней. Она была провалена соглашателями, слугами правительства, которые пробрались в ряды организации паровозников и в верхушку союза почтово-телеграфных работников. Но, несмотря на поражение, рабочий класс вышел из столкновения с буржуазией еще более закаленным, готовым к новым битвам.

Димитр Пантелеев

Две встречи с Георгием Димитровым

Первой крупной демонстрацией социал-демократической партии тесняков после первой мировой войны, насколько я помню, была демонстрация 1 мая 1919 года. С красными знаменами и плакатами, развевающимися на холодном весеннем ветру, с бодрыми песнями шли по софийским улицам стройные ряды рабочих и служащих, деятелей

культуры, демобилизованных солдат и офицеров, еще не сменивших свою военную форму, женщин, детей и, конечно, молодежи. В первом ряду демонстрантов шли лидеры партии, некоторых — Димитра Благоева, Васила Коларова и Христо Кабакчиева — я уже видел и слышал на первом послевоенном митинге партии осенью 1918 года. Когда демонстрация вступила на Пиротскую улицу и направилась к рабочим кварталам Ючбунар и Коневница, ветер нагнал темные тучи и полил холодный дождь. Дождь не только не прогнал демонстрантов, но еще больше сплотил их ряды. Над демонстрантами заколыхалось море раскрытых зонтиков, и бодрые песни зазвучали еще громче.

В середине колонны показалась большая группа деятелей культуры во главе с оперными певцами Георгием Дончевым и Стефаном Македонским. Георгий Дончев положил на плечо свою массивную трость, как пастушью палку, и время от времени дирижировал с ее помощью импровизированным хором, в котором пели отличные певцы и хористы. В последнем ряду в новой кремовой горьковской блузе, подпоясанной шелковым шнуром, мокрый до нитки, шагал пролетарский поэт Христо Смирненский.

— Если хочешь увидеть Димитрова, пойдем с нами! — крикнул Смирненский.

Христо Смирненский уже несколько раз рассказывал мне о Георгии Димитрове, в то время первом секретаре профсоюзов и члене ЦК партии тесняков. Смирненский уже встречался с Димитровым, и его восхищение боевым духом, широкой образованностью, организаторскими способностями и ораторским талантом будущего учителя и вождя нашего рабочего класса и болгарского народа было беспредельно. Хорошо помню, как восхищался болезненный, хрупкий и чувствительный Христо Смирненский здоровьем, железной твердостью и волей Димитрова. Димитров был для него «железным революционером».

Обрадовавшись, что увижу и услышу Димитрова, я присоединился к демонстрантам и зашагал рядом со Смирненским по софийским улицам.

Дождь прекратился, и холодный ветер сушил мокрую одежду демонстрантов. Первые колонны дошли до площади Святого Короля, теперь площади Ленина. Когда по-

следняя колонна многотысячной демонстрации вступила на площадь, одновременно поднялись две трибуны, и два громких голоса понеслись над толпой. Выступали Георгий Димитров и Васил Коларов. С большим трудом мы со Смирненским пробрались к той трибуне, на которой стоял Георгий Димитров. Я видел его в первый раз.

Стоя на импровизированной трибуне, он выпрямился во весь рост над головами своих слушателей. Фигура у него была мощная, крепкая, внушительная. Когда он наклонялся вперед, его широкие мускулистые мышцы рабочего натягивали одежду. Черные кудри падали на лоб. Жесты его рук, то сжатых в кулаки, то угрожающе поднятых, дополняли и подчеркивали его мысль.

Георгий Димитров развивал лозунги великого праздника трудящихся — 1 Мая. В первые минуты голос его был тихим, приглушенным и не доходил до последних рядов. Но с каждой минутой голос становился громче и уверенней, а когда оратор заговорил о светлом будущем рабочего класса и успехах Великой Октябрьской социалистической революции, его голос стал громовым. Это был какой-то непрерывный вулкан мыслей и слов, то яростный, то победный, то угрожающий, то обнадеживающий, он лился, как неукротимая стихия, над многотысячной человеческой массой. Частые возгласы и бурные овации не позволяли Димитрову продолжать. Воодушевленные рабочие жадно впитывали каждое слово. Мысль оратора, высказанная просто, логично и крайне убедительно, насыщенная пафосом, завоевывала сердца слушателей и поднимала их боевой дух. По окончании речи рабочие громко аплодировали своему вождю, и крепкие руки понесли его по площади.

Потом я много раз видел Георгия Димитрова на собраниях и митингах до 1923 года, но первая встреча осталась в памяти неизгладимой.

Болгарский рабочий класс сохранил свою безграничную преданность и верность личности и революционному делу Георгия Димитрова за время его вынужденного двадцатидвухлетнего отсутствия на родине. Его светлое имя стало синонимом непрестанной беспощадной и упорной борьбы с угнетателями, а имя его маленькой родины запечатлелось в сердцах всех прогрессивных и свободлюбивых людей мира,

С именем Георгия Димитрова я много раз встречался и после у нас и за границей, но одна встреча в Неаполе волнует меня и сейчас.

В конце сентября 1938 года на одном из причалов огромного неаполитанского порта стояли рядом два парохода. Один австрийский пассажирский «Сидней», на котором около 1000 австралийцев совершали путешествие по Европе, а другой итальянский грузовой, с которого сошел на берег отряд итальянских молодых чернорубашечников, участвовавших в варварском походе Муссолини против Абиссинии. Неряшливые, пьяные, бородатые, вооруженные до зубов, итальянские фашисты, победители беззащитного мирного и трудолюбивого абиссинского народа, сходили с парохода с осанкой древних римских завоевателей. Их прибытие собрало множество портовых рабочих, моряков, грузчиков и просто любопытных иностранцев, вроде меня. Возбужденные крики чернорубашечников «Вива Италия!» и «Вива дуче!» тонули в глубоком молчании итальянских рабочих. Эту сцену наблюдали моряки и служащие австралийского парохода. Они тоже стали сходить на берег. Среди них выделялась рослая фигура негра в белой одежде корабельного кока.

Когда негр проходил мимо меня, я невольно улыбнулся ему. Он обернулся ко мне и попросил на ломаном франко-итальянско-английском языке сигарету.

Хорошая сигарета обрадовала его, и он робко спросил:

— Италияно?

— Но, славо,— ответил я.

— Славо?.. Ага, русо, русо!— обрадованно улыбнулся негр.

— Но, болгаро!

— Булгаро?— задумчиво повторил негр. И вдруг лицо его просияло:— Аааа! Джордж Ди-ми-тров! Ди-ми-тров!

И, переложив корзину в левую руку, он поднял свой огромный тяжелый кулак, угрожающе махнул в ту сторону, откуда доносилась песня чернорубашечников. В тот миг его кулак символизировал любовь к Димитрову рабочих всего мира и его огромную популярность среди всех угнетенных и бесправных рас и народов.

Неуловимый

Полиция настойчиво искала Георгия Димитрова. Все сомнительные, с ее точки зрения, кварталы Ючбунара и около вокзала подвергались обыску по несколько раз в день.

Враги осыпали его клеветой. Все, кто еще недавно призывал власти подавить забастовку, «покончить с большевистской заразой», теперь проливал крокодиловы слезы о «несчастных обманутых рабочих». В газетах тех дней часто можно было прочитать:

«Где вы теперь, подстрекатели и преступники? Почему оставили рабочих одних переносить последствия вашей безумной авантюры? Где ваша революционная доблесть? Почему не появляетесь перед уволенными железнодорожниками? Где вы, самозванцы вожди рабочего класса?»

Так писали хозяева и увольняли каждый день сотни участников стачки.

Расправа ожидала и служащих Софийской общины. Георгий Димитров еще с 1914 года был советником (депутатом) общины от рабочих столицы. В ту пору, когда совет общины принимал репрессивные меры по отношению к служащим, участвовавшим в забастовке, Димитров находился на нелегальном положении, а потому, естественно, не мог открыто выступить в их защиту. Этим и воспользовались, чтобы дискредитировать рабочего депутата, рабочего вожака, коммуниста. Газеты в те дни лицемерно писали:

«Где ты, Димитров? Почему не являешься, чтобы защитить служащих общины? Как выдерживает твоя совесть страдания матерей и детей, которые по твоей вине стоят сегодня на улицах голодные? Неужели не слышишь их воплей?»

12 февраля 1920 года совет общины собрался на заседание. В залитом ярким летним солнцем зале за длинным столом восседали господа советники, Заседание еще

не открылось, а советникам не терпелось высказать свое мнение по главному вопросу повестки дня:

— Если сегодня не уволим, то завтра они сядут нам на голову!

— Пусть Димитров берет на себя их грех. Почему не идет спасать их? Бойтся! Спрятался, как мышь под полом.

— Таковы все они, наши революционеры. Им бы собирать деньги, а пляшут пусть другие.

На председательском месте появился кмет¹, строгий и важный.

— Господа советники! Вы призваны решить очень важный вопрос — вопрос об увольнении служащих, принимавших участие в транспортной стачке. Мы считаем, что этот вопрос должен быть решен немедленно, хотя некоторые советники и отсутствуют... Известно, что советник Димитров, несмотря на неоднократные приглашения, не явился на заседание. Очевидно, он боится занять сторону увольняемых... Но мы не можем тянуть с решением столь жизненного вопроса, мы обязаны действовать быстро и строго. Итак, я приступаю к голосованию...

В этот момент дверь раскрылась, и в зал вошел Димитров.

— Я здесь, господа! Напрасно вы меня обвиняете. Я также буду голосовать, только не за увольнение служащих, а за оставление на работе.

Кмет от неожиданности растерялся:

— Димитров, откуда вы взялись?

— Это неважно... Я пришел, чтобы защищать интересы служащих общины. Каждый, у кого есть совесть и чувство гражданского долга, также проголосует за оставление их на работе. Подумайте только, господа советники, сколько несчастных семей будет выброшено на улицу...

— Димитров, прекратите вашу пропаганду! Для нас вопрос ясен.

— Знаю, господин кмет, что для вас вопрос ясен, но я говорю не для вас и не только от своего имени...

— Никто вас не уполномочил говорить от имени других!

¹ Кмет — председатель совета общины.

— Я говорю от имени моей партии!— ответил Димитров.

Кмет незаметно подал знак вызвать полицию. Полагая, что теперь все станет на свое место, кмет, успокоенный, обратился к присутствующим:

— Господа советники! Так как вопрос исчерпан, я предлагаю перейти к голосованию. Итак, кто за увольнение служащих общины, участвовавших в стачке? Поднимите руки.

Кмет первым поднял руку. За ним последовали еще несколько человек из сидящих в первых креслах. Другие смущенно глядели на Димитрова.

— Прошу, господа!— потирапливал кмет.

Советники молчали.

— Кажется, за это голосовать никто больше не хочет,— заметил Димитров.

— Соблюдайте тишину!— ударил в звонок кмет.— Разговоры не нужны!

Подсчитали голоса.

— А теперь — кто за возвращение на работу, против увольнения стачечников и мятежников, зараженных большевистской заразой, разрушителей государственного строя? Поднимите руки.

Димитров первым поднял руку. К нему присоединились еще несколько человек. В зале стало так тихо, что было слышно, как кмет считает голоса.

— Большинство!— выкрикнул Димитров.

— Не спешите!— оборвал кмет.

— Большинство!— повторил Димитров.

Кмет вздохнул, вытер со лба пот и спросил:

— Есть ли воздержавшиеся?

— Только один!

— Других нет?

— Нет...

— Значит, нет! Так и запротоколируем: большинство — за служащих общины,— подвел итог Димитров.

— Ну, это еще как сказать...— огрызнулся кмет.— Большинство в один голос — великое дело...

— И все же большинство!— заключил Георгий Димитров.

...Двери в зал вновь раскрылись, и советник, который ходил вызывать полицию, ошалело закричал:

— Господня кмет, община блокирована! Попытался связаться с городом — все телефонные провода перерезаны! Мы изолированы!..

Все повскакали с мест. Кмет кричал:

— Что значит — изолированы? Вызовите полицию!

— Какая там полиция... Входы в общину охраняются неизвестными лицами. Нельзя ни войти, ни выйти.

— До свидания, господа! — Димитров вежливо улыбнулся и вышел.

Советники и кмет долго смотрели ему вслед...¹

«Правительство и буржуазия торжествуют сегодня, — писал Димитров в брошюре «Поражение и победа», — что они победили стачку транспортных рабочих, воображают, что нанесли поражение всему болгарскому пролетариату и коммунизму. Поспешное торжество! Они забывают народную мудрость: «Смеется тот, кто смеется последним!» Не может быть никакого сомнения в том, что болгарский пролетариат из сегодняшнего временного поражения одной части сумеет почерпнуть новые силы, улучшить и отточить свое оружие борьбы и ускорить свою окончательную победу над капитализмом».

Емил Коралов

Каштаны

(Бель)

Высокие, покрытые лесом вершины Старой Планины с трех сторон обступают долину, в которой когда-то были разбросаны приземистые хижины села Верпец. Пенистые потоки шумно вырываются там из горных ущелий, стека-

¹ На другой день после заседания, 13 февраля, Димитров писал жене: «Мое появление в Совете свалилось на наших врагов, как гром с ясного неба. Понятно, что широких это как варом обдало. Они, бедненькие, рассчитывали мое отсутствие при решении вопроса использовать как большой капитал для долгих месяцев агитации против нашей партии. И вдруг выскользнула из рук такая добыча...»

ясь в быстроводную старую реку. В летнее время берега ее окутаны зелеными облаками густых ореховых зарослей. До сих пор чувствую их терпкий запах и ощущаю на плече тяжесть сумки, наполненной ядреными плодами. Летом и осенью там изобилие яблок, груш и всякого другого добра. Но в нашем селе не росли каштаны, и, может, потому больше всех лакомств нам нравились именно они. А их было великое множество в расположенном по соседству городке Берковица. И каждое лето мы, дети, не давали покоя своим родителям:

— Папочка, напишите тетке Кети и дяде Марко, чтобы прислали нам каштанов!

В то лето отец исполнил нашу просьбу. И вот скоро нам передали из Берковиц: с повозкой, на которой будут везти почту из города в село, нам пошлют торбу с каштанами...

Наша изба стояла на окраине села, почти уже в поле. Вскоре после полудня, с приближением времени прибытия почтовой телеги, с нашего двора с веселым гомоном выпорхнула стая детей. Нас самих было пятеро душ да еще четверо двоюродных, гостивших у нас. Присоединились к нам и соседские ребята, прослышавшие о посланных каштанах и, естественно, надеявшиеся на угощение. Так что к берковскому шляху высыпала целая ватага детворы. Впереди всех, как обычно, бежал мой однокашник и закадычный дружок Живко, лучше всех умевший перепрыгивать через ручьи и лужи и первый среди нас исследователь болотных канавок и затянувшихся тиной прудов. Я бежал вслед за ним, на этот раз стараясь его немного сдерживать, так как тетка мне показала:

«Не неситесь как сумасшедшие, пусть с вами идет и Крумчо. Беги, сынок, крепыш мой дорогой!»

Крепыш же этот едва достигал мне до колен. Как утенок, переставлял еще не окрепшие свои ноги и бежал, высунув язык изо всех сил, стараясь не отстать.

Наконец из-за холма, куда уходила каменистая дорога, отчетливо донесся звон бубенцов. А вскоре появилась пара белых коней. Может, они больше походили на заурядных кляч, но нам показались сказочно прекрасными. Все бросились навстречу. Возница, еще молодой парень с сильно растрепанными волосами, не останавливая коней, ловко бросил нам туго набитый пестрый мешок.

Мы натаскали сухих веток и хвороста, и над очагом в летней дощатой кухоньке, находившейся в глубине двора, установили большую закопченную треногу.

Обычно, придя из школы, мы бежали в орешник или па межи собирать ежевику. Теперь же мы не покидали нашего двора. Играя, то и дело заглядывали, нещадно тараща глаза, в открытую дверь кухни, где хлопотала наша мать.

— Ну, уже, наверное, готовы?

— Имейте терпение,— спокойно отвечала мать, умеющая, как это умеют только учительницы, укрощать детские капризы.

Наконец двор заполнили невидимые облака сладкого запаха жареных каштанов.

— Тетя Донка, еще переверните!— озабоченно напоминал неугомонный Живко.

Мама достала большой деревянной ложкой один дымящийся каштан, попробовала его и улыбнулась:

— Пусть еще несколько минут. Принесите мне воды!

И в тот самый момент, когда мы побежали с дребезжающим ведром к колодцу, у ворот нашего дома послышались оживленные голоса. Мой дружок Живко, не пропускавший ни одного события в селе, тут же устремился туда. Через мгновение он вернулся запыхавшись.

— Вах, вы себе не можете представить, кто приехал!

Когда он волновался, то не то чтобы заикался, но иногда повторял при разговоре слова. Начнет отвечать урок в школе и несколько раз повторит: «Сегодня нам задали на урок... Сегодня нам задали на урок... Сегодня нам задали рассказать...» И так, пока вспомнит, о чем задали урок, или пока учитель не вернет его на место.

— Знаете, знаете, знаете, кто приехал?..

— Знаем, знаем! — отвечали мы.— Карл Маркс приехал в своем фаэтоне!

У этой шутки была своя предыстория. Как-то перед этим па той же каменистой берковской дороге, по которой привезли нам вожделенные каштаны, у самого села остановился старенький фаэтон. В нем приехал довольно пожилой человек с высоким лбом и большой седой бородой. Вокруг экипажа сразу же сгрудились крестьяне и другие работные люди из всего села. Между ними вертелся и Живко. Тут его кто-то и надоумил:

— Живко, беги и скажи учителю Станчеву, что в наше село приехал великий человек! Пусть скорее идет сюда!

Отец наш, по обыкновению, сидел на скамейке перед домом, и мы, дети, как обычно, вертелись около него. Вдруг видим через поле во весь дух мчится мальчишка в темно-красной рубашке, с зажатой кепкой в руке. Кого это так черт гонит, если не Живку? Прибежал и не переведя духа обратился к отцу:

— Учитель... учитель... учитель!..

— Ну, что случилось, Живко?

— Учитель, приехал! Приехал! Только что приехал...

— Кто приехал, говори же!

— Приехал... Приехал... Карл Маркс приехал в своем фаэтоне! Вот вам клянусь, он там, на перекрестке! Спрашивает вас. Скорее, учитель!

Озадаченный отец посмотрел на дорогу:

— Кто, говоришь, приехал?

— Карл Маркс, учитель! Приехал в фаэтоне! Вон он там, дальше! Видите фаэтон? Вас спрашивают, учитель!

— Какой Карл Маркс, что ты говоришь, Живко?! Знаешь ли ты, кто такой Карл Маркс?— спросил с укоризной отец.

На мгновение Живко задумался.

— Карл Маркс, Карл Маркс...— И неожиданно громко: — Карл Маркс — это тот, который придумал социализм...

Отец засмеялся:

— То, что Карл Маркс «придумал» социализм, это верно, но ты убежден, что он жив и находится в Болгарии?

Живко стукнул себя по голове:

— Ба, пустая моя башка! Он ведь... он ведь... Верно, он ведь не болгарин, а немец и давно умер... Но кто же тогда этот в фаэтоне? Сказали мне, что самый великий...

Оказалось, что приехал Димитр Благов — Дядо. Все высыпали его встречать. Именно этот случай припомнился нам, пока мы ожидали жареных каштанов. А мой старший брат Любен даже пошутил:

— Живко, и на этот раз Карл Маркс один к нам приехал или и Фридрих Энгельс вместе с ним?

Но Живко не сердился и не шутил.

— Если хотите, идите! Приехал Георгий Димитров!

— Да, Живко, ты всё великих в наше село приваживаешь! Карла Маркса, Дядо, а теперь вот и Георгия Димитрова! Неужели оно стало столицей мира?— продолжали мы шутить.

Но Живко опять побежал к парадному входу, и мы за ним. В дом уже входила большая группа наших односельчан, окруживших высокого человека с буйной, чуть кудрявой шевелюрой и черной бородой. Глаза его прямо-таки искрились энергией. Узнали мы его сразу. Все много раз слышали о нем и часто видели на снимках.

Отец пригласил гостей в большую комнату. За стол сели Димитров и пожилые мужчины, а молодежь устроилась у окон. Для нас, детей, места не было, и мы остались за дверью. Потихонечку мы друг за дружкой тоже просочились в комнату, сгрудились кучкой и затаив дыхание слушали необычного гостя.

Георгий Димитров начал рассказывать об Октябрьской революции. Все — и молодые, и старые — внимательно слушали его. Когда он окончил рассказ, отец мой обратился к матери:

— Донка, может, попотчуеть гостей?

Я невольно вадрогнул. Почувствовал, что и Живко за беспокоился. Он тут же щипнул меня за локоть:

— Не видать нам каштанов! Смотри, твоя мама за нами пошла...

— Не беспокойся...

А мама и в самом деле проворно поднялась со своего места, отстранила сгрудившихся у дверей ребят и по длинному узкому коридору направилась во двор, к летней кухне. Через широко раскрытую дверь я видел, как она приблизилась к ней. Никто из нас уже не слушал разговоров, которые велись в комнате, все смотрели в сторону кухни. Не прошло и минуты, как пошла обратно мама с белой кастрюлей в руках, доверху наполненной дымящимися каштанами. Их запах приятно щекотал наши ноздри. Мать прошла мимо, не обращая на нас никакого внимания, и поставила полную кастрюлю на стол перед гостями.

— Товарищ Димитров и вы, друзья,— обратился отец к другим гостям,— пожалуйста, отведайте каштанов!

Георгий Димитров был увлечен разговором и не обратил внимания на приглашение. Но другие гости, сидевшие рядом с ним, проворно потянулись к кастрюле. Взяли по горсти каштанов и, посмеиваясь, стали их пересыпать с ладони на ладонь: они еще были горячие.

— Смотри-ка ты! Как помногу берут!— негодовал прижавшийся ко мне Живко и яростно щипал меня за руку, как будто во всем происходящем был виновен именно я.

И в самом деле, горка, наполнявшая кастрюлю, быстро таяла, а к лакомству тянулись всё новые и новые руки. Мы только поглядывали обескураженно. Но тут Димитров начал рассказывать что-то очень интересное о Ленине, и гости заслушались, забыв про каштаны. Однако и этот рассказ, как и все рассказы вообще, тоже пришел к своему концу, и отец, как гостеприимный хозяин дома, снова предложил:

— Товарищ Димитров, вы еще не отведали каштанов, и вы, друзья, угощайтесь...

Снова несколько рук потянулись к кастрюле.

— Смотри-ка, смотри!— опять горячо зашептал мне на ухо Живко.— Как будто век не видели каштанов!.. И отец тоже старается!

И тут, в ответ на еще одно приглашение, Георгий Димитров также обратил свое внимание на кастрюлю с каштанами. К нашему удивлению, он потянулся к ее содержанию не одной, а сразу двумя руками.

— Гляди,— еще больше удивился Живко,— он тоже двумя руками!

Но Георгий Димитров не запускал пальцев в кастрюлю, а неожиданно рассмеялся и как будто шутя схватил за кисти рук других гостей, державших наши каштаны.

— Друзья, подождите минуточку!

Все посмотрели на него с недоумением, не понимая, что он надумал. Димитров продолжал улыбаться.

— Оставьте на минутку каштаны, друзья! Я вижу какое-то волнение у дверей.

Все повернулись к нам и сразу же рассмеялись. Друзья нашего дома, да и все односельчане, как свои люди, привыкли угощаться тем, что предлагают, и, естественно, не обратили внимания на обескураженную публику у две-

рей. Но Георгий Димитров с первого взгляда понял, что происходит в наших сердцах, и, улыбаясь нам, продолжал:

— Кажется мне, что эти каштаны были приготовлены не для нас, а?

— Это правда! — неожиданно громко отозвался Живоко. — Их нам привезли, мы и хворост сами собирали...

Под всеобщий смех Георгий Димитров предложил:

— Ну что же, идите тогда сюда, берите ваши каштаны!

Но мы сделали по одному шагу и остановились в нерешительности, смущаясь гостя. И я промямлил:

— Да, нет... мы... не очень уж любим каштаны, — и тут же получил заслуженного тумака в бок.

Увидев, что мы стесняемся, Георгий Димитров поднялся со своего места и своими огромными руками обхватил всех сгрудившихся у двери и повел к столу. Но мы не проявляли рвения, показывая всем своим видом, что лакомство предложено прежде всего гостям... Тогда Димитров сам дал каждому из нас по большой горсти каштанов. И только после того, как все мы последовали примеру моего брата Любена и приняли угощение, только теперь он сам попробовал один каштан.

К вечеру в самом большом помещении села началось собрание, на котором выступал Димитров.

И на этот раз нам, детям, не досталось места, и мы усыпали все окна, лепились где только могли... Собрание было бурным, крестьяне горячо приветствовали Димитрова. Но громче всех хлопали в ладоши мы, дети. И не только потому, что знали, какой он большой человек — борец и революционер, много испытавший на своем пути, — а еще и потому, что именно он спас наши каштаны.

Реакционное болгарское правительство стремилось снова арестовать Г. Димитрова, секретаря Всеобщего рабочего профессионального союза, и Георгий Михайлович переходит на нелегальное положение. Для него начинается полная опасность жизнь профессионального революционера, в подполье при которой ему очень часто приходится проявлять большую выдержку и мужество.

И хотя Георгий Димитров на нелегальном положении — он всегда появляется там, где назревает новое выступление рабочих. Полиция делает не одну попытку арестовать Димитрова или подослать наемных убийц.

Мир по-прежнему бурлит в революционных вспышках. Огромный опыт, который приобрел Георгий Димитров в борьбе болгарского рабочего класса, делает его крупнейшим деятелем и в международном рабочем движении. Он избирается членом Исполнительного бюро Профинтерна. А в июне 1920 года, когда в Москве созывается II конгресс Коммунистического Интернационала, Георгий Димитров, как член болгарской делегации, должен переправиться через границу и ехать на этот конгресс. Делегаты выбирают самый короткий, но и самый рискованный путь — на лодке по Черному морю. Лодку во время шторма относит к румынскому берегу, где ее задерживает пограничная охрана.

Камен Калчев

Через Черное море

В июне 1920 года партия решила направить Димитрова вместе с секретарем Центрального комитета Василем Коларовым делегатом на Второй конгресс Третьего Коммунистического Интернационала в Москву.

Прекрасный оратор, образованный юрист и высококультурный человек, Васил Коларов был в Коммунистической партии представителем передовой части народной интеллигенции. Его деятельность в партии идеально сочеталась с деятельностью Димитрова. Политическая и личная дружба двух коммунистических деятелей становилась все теснее и глубже. Не случайно именно их послала партия своими делегатами на конгресс Коминтерна,

Путешествие в Москву в то время было связано с большими трудностями. Пробраться в Москву можно было только или через Германию, или по Черному морю. Путь через Германию был исключен, потому что в Польше еще бушевала война и западные границы России были закрыты. Оставался только черноморский путь: Варна—Одесса, хотя это и было сопряжено со многими опасностями и риском. Берега Крымского полуострова сторожили английские и французские крейсеры. В Крыму хозяйничали белогвардейцы.

Болгарские делегаты Васил Коларов, Георгий Димитров, Христо Кабакчиев и Никола Максимов решили ехать через Черное море. Начались лихорадочные приготовления.

Коларов и Димитров прибыли в Варну. Здесь, на вокзале, их встретил Никола Пенев, связной Центрального комитета.

— Ну как, все готово?— спросил Коларов.

— Да, лодки ждут у берега.

— Тогда идем.

За железной дорогой вошли в заросли камыша и направились к Варнейскому озеру. Летний день вариснцы проводили на берегу моря, а потому здесь, у озера, было тихо и безлюдно, что давало нашим путникам возможность незаметно добраться до условленного места.

Приблизившись к озеру, Никола Пенев осторожно раздвинул тростник и огляделся. Перед ним блестела тихая гладь озера.

— Можно идти!

Димитров ускорил шаг. Следом за ним — Коларов. Когда кончились тростниковые заросли, открылся чистый песчаный берег. Метрах в десяти от берега на воде слегка покачивались две лодки со спящими в них лодочниками.

— В этих скорлупках плыть в Одессу?— спросил Коларов.

— У них есть и паруса,— как бы успокаивая, ответил Пенев.

— Ну, совсем как великая армада!— усмехнулся Димитров.

— При хорошей погоде через два-три дня будете в Одессе. А пока, товарищи, пазад в камыши, здесь нас могут увидеть.

Коларову не сиделось. Он пошел еще раз поглядеть лодки; они не порадовали Коларова: одна могла взять двух, вторая — трех человек. Но что делать, уж очень велика цель, ради нее можно пойти на любой риск.

В два часа ночи 29 июня лодки вышли в море. Поначалу погода была хорошей, но вскоре подул северо-восточный ветер, небо покрылось черными тучами. В разрывах туч мелькала вечерняя звезда.

— Советская звезда будет нашим маяком!

Погода все ухудшалась. Море бороздили большие черные валы. Исчезла звездочка, которая так радовала путников. Лодки кидало с волны на волну. Все промокло. Начался дождь.

— Ничего, сейчас соорудим могилу, — успокоил лодочник.

Путники удивленно переглянулись. Молодой и веселый хлопец, подручный лодочника, уложил с борта на борт шест, накинул на него брезент, и «могила» готова. Димитров и Коларов забрались в укрытие и вскоре под мерный стук дождя по брезентовой крыше уснули.

Разбудил их крик:

— Помогите! Погибаем!

Димитров и Коларов вскочили и разглядели в темноте, как лодочник, отчаянно вцепившись в руль, старается выправить положение лодки, ставшей игрушкой волн...

Утром, когда солнце озарило морскую ширь, путники увидели, что второй лодки нигде нет. Как позже выяснилось, лодка с Кабакчиевым и Максимовым ночью сбилась с курса и после некоторого плутания вновь очутилась у болгарского берега.

При утреннем свете выяснилась и другая беда: из бочонка вытекла вся питьевая вода.

— Это же катастрофа! Как можно без воды достичь Одессы? — сказал Коларов.

Как комендант лодки, он принял решение плыть к устью Дуная и там набрать пресной воды.

День 3 июля был тихим и солнечным. Море блестело, как огромное зеркало. Казалось, ничто не предвещает беды. Путники выкупались и сейчас лежали, подставляя обнаженные тела горячему солнцу. Вот уже и песня зазвенела. Но... что это? На горизонте показался дымок,

затем труба, и вот уже ясно стало видно военное судно. Рассекая воду, оно быстро приближалось к лодке.

— Ну, теперь плена нам не миновать,— сказал Димитров.

— По всему видно...

— Надо что-то предпринять!

— Надо прежде всего осмотреть, нет ли чего лишнего в лодке,— предложил Коларов.

Почти в тот же момент с канонерки раздалась команда на русском языке:

— Убрать парус!

Канонерка подошла вплотную. Матросы быстро перебросили на лодку трап. Лейтенант отдал приказ: оставить лодку и подняться на канонерку.

Коларов и Димитров перебрались на канонерку. Их тут же обыскали, но ничего предосудительного не нашли. Раздраженный таким результатом, лейтенант сердито бросил:

— Выкинули в море... Ну ничего, в комендатуре расскажете правду. Большевистские агенты!

— Никакие мы не агенты. Мы болгарские депутаты.

— Болгарские депутаты! А что ищут болгарские депутаты в румынских водах?

— Это мы объясним в комендатуре.

— И я так думаю, господин депутат. Там вы все объясните,— съязвил лейтенант и стал пересчитывать деньги, найденные у арестованных.

— Видно, хорошо вам платят большевики, а?..

— Занесите сумму найденных у нас денег в протокол, господин лейтенант, и не задавайте нам лишних вопросов,— прервал его Димитров.

Лейтенант еще раз пересчитал деньги. Ему, видно, очень не хотелось расставаться с ними...

Покончив со всеми формальностями, лейтенант повел канонерку к берегу. Печально глядели пленники на берег, где их ждала полная неизвестность.

Вот и Констанца. Ночью арестованных вывели на берег. Лодочников отделили, а Коларова и Димитрова повели под усиленной охраной. Город спал, слышался лишь стук солдатских сапог да позвякивание сабель конвоя.

Арестованных ввели в какое-то помещение, переполненное спящими солдатами. Было там темно и душно.

Осмотревшись, Димитров и Коларов нашли свободное место на парах и решили там устроиться. Но прошло немного времени, и дверь открылась, в комнате появился тот же румын-лейтенант и приказал арестованным следовать за ним. Шли темным коридором, то поднимались, то спускались по узким лестницам, пока не остановились у низкой железной двери.

— Входите!

Румын открыл дверь, из темной дыры потянуло плесенью и холодом.

— Что это?— спросил Коларов.

Вместо ответа румын толкнул обоих в темную дыру и быстро запер дверь. Арестованные поняли, что они в карцере. Похож он был на гроб: два метра в длину, метр в ширину. Со стен стекала вода, пол покрыт грязью, воздух сырой, но и его явно не хватало.

— Здесь можно задохнуться!— сказал Коларов.

Димитров во всю силу стал стучать в дверь. Гул пошел по коридору, разбудил всё и вся. Появился часовой.

— Что случилось?

— Задыхаемся.

— Ничем не могу помочь...

Из соседней камеры донесся голос болгарина:

— Не из Добрича ли вы, товарищи?

— Болгары мы, из Софии!— крикнул в ответ Димитров.

— Вот как! Перебирайтесь к нам. Мы добруджанцы. Нас высылают на соляные промыслы...

Димитров и Коларов подружились с заключенными добруджанцами, и они взялись доставить в Болгарию, в Центральный комитет, лично Благоеву письмо. И хотя сделать это было очень трудно — их самих высылали на каторжные работы на соляные промыслы, — болгары сдержали слово.

Димитрова и Коларова переводили из камеры в камеру, пока наконец не очутились они в военной тюрьме, на железных воротах которой было начертано: «Покаяние и терпение».

Шли дни, но никто из властей не посещал заключенных. Казалось, их забыли. Наконец Коларов подал заяв-

ление командиру корпуса с подробным описанием всего происшедшего с ними. После этого началось следствие.

Следователь был удивлен, когда понял, что перед ним не авантюристы, а депутаты болгарского парламента. Он несколько раз обращался к Коларову:

— Как это вы, человек с видным общественным положением, адвокат, депутат, человек, имеющий жену и детей, решились сесть в рыбацкую лодку и отправиться в плавание по морю аж до самой России? Думали ли вы, что может с вами случиться? Думали ли вы о вашей семье?

Коларов отвечал:

— Мы коммунисты, солдаты нашей партии, мы выполняли ее приказ. О том и мысли не могло быть, что мы откажемся выполнить приказ партии только потому, что путешествие связано с большим риском... А что касается моей семьи, то я твердо убежден, что в случае несчастья партия позаботится о ней.

Следователь задумчиво глядел в окно. Услышанное взволновало его. Может быть, ему припомнился прочитанный в юношеские годы роман о героях, о смелых людях, презиравших смерть... И вот сейчас на земле его Румынии, перед ним самим не фантастические герои, а самые настоящие живые люди, из крови и плоти...

Как ни старались румынские власти сфабриковать обвинение против двух коммунистических депутатов, как ни старались представить их большевистскими агентами, ничего из этого не вышло. В защиту депутатов поднялась болгарская и румынская прогрессивная общественность. Румынские депутаты-социалисты сделали запрос в парламенте и потребовали освобождения болгарских депутатов. 17 июля 1920 года министр иностранных дел Советской России Г. В. Чичерин обратился к правительству Румынии с нотой, которая содержала требование освободить Димитрова и Коларова.

После вмешательства Советской России Коларов и Димитров были освобождены. Их посадили в автомашину и отвезли на болгарскую границу, к городу Добрич. Здесь их радушно встретили болгарские пограничники. Солдаты говорили:

— Все газеты писали о вас. Мы очень боялись, как бы не убили вас. Наши власти палец о палец не ударили

в вашу защиту. Только благодаря партии и русским вы теперь свободны.

И эти слова согревали, как согревало щедрое солнце Добруджанскую равнину...

Румынское правительство отпускает арестованных Георгия Димитрова и Васила Коларова только после ультиматума народного комиссара иностранных дел Советской республики товарища Чичерина.

И вот Димитров опять в Болгарии. И снова для него настают революционные будни. Он по-прежнему использует любую возможность, легальную и нелегальную, для решения конкретных революционных задач, стоявших в те дни перед болгарскими трудящимися, будь то помощь молодой Советской Республике или борьба за прекращение террора со стороны реакционного болгарского правительства.

В июне 1921 года в Москве должен состояться III конгресс Коминтерна. Чтобы на этот раз попасть туда беспрепятственно, Димитров выезжает в Москву уже в январе. Едет он кружным путем, заезжая вначале в Италию. В это время там проходит съезд Итальянской коммунистической партии, и Георгий Димитров знакомится с Грамши и с Тольятти. Из Италии Георгий Димитров едет в Москву.

На следующий день после приезда он встречается в Кремле с В. И. Лениным. По свидетельству самого Димитрова, эта беседа продолжалась более двух часов. В. И. Ленин проявлял живейший интерес к революционным событиям в Болгарии и к Болгарской коммунистической партии, которая без колебаний приняла Октябрь и вступила в III Коминтерн.

Встреча с Лениным

Начало 1921 года было памятным в жизни Георгия Димитрова: он переступил порог кабинета Ленина в Кремле. Портреты Ленина в те годы не были еще распространены, а две-три фотографии его, которые удалось видеть Димитрову за границей, были очень мало похожи на человека, сидевшего сейчас в кожаном кресле. На столе — аккуратные стопки бумаг, несколько книг, сбоку, стояло протянуть Ленину руку, — вращающаяся этажерка, слева, прямо на кафельной печи, зацепленная за медную ручку дверцы дымохода, висела географическая карта. Когда Ленин подошел к нему поздороваться и Димитров близко-близко увидел его, он только тогда поверил, что перед ним Ленин.

— Вы, болгары, все с бородами?

— Да нет, что вы, Владимир Ильич...

— Не говорите, не говорите, и Благовое с бородой, и вы вот... Как он? — сразу посерьезнел Ленин.

— Большой вам привет от него. Мы не виделись с ним давно. Сначала я уехал в Италию на съезд социалистов, а после — в Австрию.

— Ну, ну, — с живостью сказал Ленин и повел Димитрова к креслу, — рассказывайте.

Все, что связано с Италией и Австрией, было очень свежо в памяти Димитрова. Речь его, с акцентом, экспансивная, бурная жестикуляция, очевидно, нравились Владимиру Ильичу. Он то и дело задавал вопросы, из которых было ясно, что уже о многом он информирован, а сейчас кое-что для себя уточняет.

Незаметно перешли на болгарские темы. Никогда, ни до этой встречи, ни после нее, Димитров не встречал человека, который бы умел слушать, как Ленин. Чувства скованности, волнения, даже робости, предшествовавшие встрече, вскоре сами собой исчезли. Если человеку так интересно тебя слушать, если на его лице такая сосредоточенность, если он живет только тем, что ты ему сейчас

говоришь, то ты вырастаешь в собственных глазах. Во всем мире нет более популярного имени, чем Ленин. В Италии, в Австрии, где Димитров только что побывал, оно овеяно такими легендами, словно все надежды человечества саккумулировались вокруг этого человека, дерзнувшего создать рабочее государство. Подумать только: рабочее государство! И вот первый в истории человечества глава этого государства. Он так заинтересован революционными делами маленькой Болгарии, как будто от того, как там управляются со своими проблемами болгары, зависит сейчас все. Невольно Димитрову вспомнились слова Коларова о Ленине и его постоянном интересе к Болгарии.

— Скажите, вы были избраны депутатом парламента?— вдруг спросил Ленин.

— Да, война меня застала депутатом по списку тесняков.

— Ого!— воскликнул Ленин.— Значит, это было шесть лет тому назад. Вы сами рабочий?

— Да, наборщик типографии.

— О,— воскликнул Ленин,— да вы первый рабочий депутат парламента не только в Болгарии, но и во всей Юго-Восточной Европе! Я не знаю такого второго случая в те годы, чтобы политический деятель — рабочий прошел в парламент.

— Это не помешало засадить меня в тюрьму,— сказал Димитров, улыбаясь.

— Вот вам и депутатская неприкосновенность.

— Когда им надо, они с этим не считаются...

И Димитров во всех подробностях рассказал о стычке в купе.

— У вас и характер, Георгий Михайлович, как я полагаю!— Ленин заразительно засмеялся.

И Димитрову стало смешно, он тоже умел посмеяться, тем более что вся эта давняя история вдруг окрасилась в юмористические тона.

— И как же вы освободились?— вытирая платком слезы, спросил Ленин.

— Рабочие заступились. Столько митингов было, столько демонстраций, что решили меня лучше выпустить.

— Это прекрасно!— сказал Ленин и быстро заходил

по кабинету.— Когда рабочие начинают понимать свою силу, это прекрасно! Ну, ну, рассказывайте дальше.

Ленин снова поудобнее уселся в кресло и был весь внимание. Жадный, любопытный взгляд Ильича словно подбадривал собеседника: «Ну же, давай, не стесняйся, выкладывай все, что у тебя есть за душой. Мне все интересно».

И Димитров рассказывал. Он говорил о первых годах, когда только складывался рабочий класс в Болгарии, о сложных отношениях в социалистической партии, о «тесных» и «широких» социалистах.

— Собственно, тут ничего нового,— живо перебил Ленин,— это у вас те же большевики и меньшевики.

— Совершенно верно!— воскликнул Димитров.— Но у нас и свои особенности.

Темпераментный, по-южному горячий Димитров продолжал разворачивать перед Лениным картину становления и созревания рабочего класса в крестьянской Болгарии, перемены в соотношении сил в стране. Вдруг здесь, в кабинете Владимира Ильича, Димитров как будто бы начал мыслить вслух и высказывать свои сокровенные надежды и сомнения.

Владимиру Ильичу, очевидно, нравилась могучая взрывная сила, так и прущая наружу из этого болгарина. Ленин снова поднялся и, заложив большие пальцы в кармашки жилета, упругим своим шагом прошелся по кабинету. Затем остановился, внимательно всматриваясь в собеседника, словно хотел получить ответ на очень важный вопрос. Димитров, почувствовав это, замолчал.

— А установлен ли союз между рабочими и крестьянами?— спросил вдруг Ленин.

Говорят, что он картавит... Димитров этого как-то не заметил. Все внешнее отступало сейчас: Димитров был полон той беседой, которую так незаметно и умело вел Владимир Ильич. И вопрос этот тоже был не случайным. Ленин ухватился за главное.

— Нет, организационно мы этого еще не добились.

Димитров понимал, что ответ этот Ленину был известен заранее...

— Вот видите, не добились!— повторил Владимир Ильич.— А нужно на деле осуществить крепкий союз рабочего класса и крестьянства. Не забывайте, вы прежде

всего крестьянская страна. Нужно завоевывать мелко-собственническую крестьянскую массу, чтобы в решительный момент противопоставить ее реакции...

Ленин подошел к столу, но не сел, а, уперев пальцы в зеленое сукно, продолжал говорить, что сейчас, как никогда, надо вести неустанную работу по укреплению партийных организаций и подготовке партийных кадров.

— Только профессиональные революционеры, проверенные на деле, преданные партии, бесстрашные в борьбе, идейно закаленные, дадут вам возможность уверенно смотреть вперед... Не забывайте и о влиянии партии на армию. Не думайте, что рабочий класс сам собой организуется, к этому тоже надо приложить и старание, и терпение, и умение.— Улыбаясь, Владимир Ильич заключил:— Наш опыт достался нам дорого, но на то мы и коммунисты, чтобы делиться друг с другом самым дорогим.

Совсем незаметно прошло два часа. Впоследствии Димитров не раз вспоминал пророческие слова Ленина: обстановка для коммунистов Болгарии действительно сложилась неблагоприятно.

Ленин взглянул на часы и сказал:

— Надо идти на заседание. Время.

Димитров встал.

— А вы неплохо говорите по-русски, Георгий Михайлович.

Димитров смутился.

— Что вы, Владимир Ильич!— замахал он руками и засмеялся.— Это вам кажется, потому что в наших языках много общего.

— А нет ли у вас болгаро-русского словаря?— спросил Ленин.

— Нет. Пока нет,— поправился он.— Есть болгаро-французский.

— Что ж, на худой конец и это неплохо¹.

¹ В кабинете В. И. Ленина в Кремле хранится болгаро-французский словарь. Рукой Г. Димитрова на книге написано: «Нашему любимому учителю и незаменимому вождю всемирной пролетарской революции тов. Ленину от ЦК БК Партии. За ЦК Г. Дим (тров), Москва, 5. III. 1921 г.»

...Из кабинета Ленина он выходил переполненный яркими, вдохновляющими впечатлениями. Ему вдруг стало обидно, что он не успел и не сумел рассказать Ильичу о многом. Ему все время мешало плохое знание русского языка. Но он понял все же: разговор был о самом главном. И разговор этот навсегда.

Идет 1923 год.

Болгария накануне Сентябрьского восстания, которое впоследствии будет названо «болгарским 1905 годом».

Обстановка в стране обостряется. Весной 1923 года при выборах в парламент Болгарская коммунистическая партия получила на две трети голосов больше, чем на предыдущих выборах. Испуганное подобным фактом, правительство Александра Стамболийского решило направить силы на борьбу с коммунистами. Этим и воспользовалась в Болгарии фашистская реакция, которую давно не устраивало слишком «левое», по их мнению, правительство Стамболийского. В результате 9 июня 1923 года был совершен в Болгарии первый в мире фашистский путч и установлена открытая фашистская диктатура.

В ряде мест Болгарии рабочие и крестьяне стихийно стали расправляться с путчистами. И в начале августа 1923 года ЦК Болгарской компартии принимает решение о подготовке к вооруженному восстанию, которое должно свергнуть фашистское правительство. Тогда впервые и был выдвинут Георгием Димитровым лозунг единого фронта в борьбе против фашизма. Он пишет целый ряд статей, посвященных единому фронту, разрабатывая его тактику и стратегию. Недаром впоследствии Георгия Димитрова назовут «гением единого фронта».

Социал-демократия и радикальная партия отвергли предложение Коммунистической партии о едином фронте. И 12 сентября 1923 года фашистское правительство арестовало свыше двух тысяч

коммунистов и запретило рабочие организации. Руководителям партии удалось уйти в подполье.

Со всей остротой встает вопрос: ускорить подготовку вооруженного восстания или ждать нового удара врага, может быть уже непоправимого.

Георгий Димитров и Васил Коларов вносят предложение в ЦК БКП о немедленном вооруженном восстании. 20 сентября на заседании ЦК был утвержден план проведения восстания и образован Главный военно-революционный комитет в составе Георгия Димитрова, Василя Коларова и Гаврила Генова. Восстание намечалось начать в ночь на 23 сентября. Решено было начать восстание во Врачанском округе, при этом предполагалось, что успех восстания в Софии обеспечен. Здесь были наиболее сильные партийные кадры, да и большая часть гарнизона была настроена антифашистски.

Утром 21 сентября руководители восстания выехали в район Врацы, а несколькими часами позже в Софии уже гремели выстрелы. Враг опередил события и окружил здание, в котором руководители восстания в Софии разрабатывали последние детали операции. Восстание в Софии провалилось. Во Враце, как и было намечено, операции начались в ночь на 23 сентября. Георгий Димитров и Васил Коларов руководили восстанием. Борьба шла за каждую позицию, за каждый дом.

Димитров и Коларов предприняли ряд мер по созданию в каждой освобожденной деревне военно-революционных комитетов, по охране банков и продовольственных складов.

После трехдневных упорных боев восставшие разбили наголову несколько отрядов правительственных войск.

Восставшие овладели почти всем Врачанским округом. Но город Враца оставался в руках фашистов. Отряды восставших медлили, вместо того чтобы стремительно и энергично двинуться вперед. Это позволило врагу выиграть время и перебросить из Софии подкрепления. В неравных боях восставшие к 28—29 сентября потерпели поражение.

Восстание 1923 года окончилось поражением по ряду причин. Армия и крупнейшие города не примкнули к борьбе. Отсутствовало энергичное и твердое руководство восстанием в масштабах всей страны. Участники борьбы не сознавали и того, что оборона — смерть для восстания, что восставшие должны действовать решительно и обязательно наступать. Причин поражения Сентябрьского восстания было много, и характер их был различный, но все они коренились в одном: «в недостаточной большевизации Болгарской коммунистической партии».

Говоря об этом впоследствии в своей знаменитой речи на Лейпцигском процессе, Георгий Димитров подчеркивал: «...Я и моя партия еще не были тогда настоящими большевиками. Поэтому мы не смогли успешно организовать и провести это историческое народное восстание с пролетариатом во главе».

После разгрома восстания повстанцы вместе с Димитровым с боями отступали к югославской границе.

Все тюрьмы, общественные здания и казармы были заполнены участниками восстания, которых убивали без всякого суда. Дунай, Морица и прибрежные воды Черного моря несли трупы рабочих и крестьян, замученных фашистами.

Георгий Димитров, находясь уже в эмиграции, обращался к рабочему классу, прогрессивной общественности всех стран с воззваниями, письмами, телеграммами, призывая подняться на борьбу в защиту жертв террора в Болгарии, оказать помощь повстанцам, эмигрировавшим за границу, защитить и поддержать их семьи. Он вступил в переписку с Роменом Ролланом, Анри Барбюсом, Максимом Горьким. Выдающиеся деятели мировой культуры энергично содействовали борьбе болгарского народа против тирании.

Из рассказа „Так началось восстание“

В пасмурный сентябрьский день по присыпанной соломенной трухой дороге, выющейся по южным склонам Стара-Планины, мчался большой черный автомобиль. С проселков на дорогу выезжали телеги, груженные мелкими початками кукурузы и пупырчатыми тыквами; с окруженных колючками участков поспевшего проса срывались стайки воробьев. Где-то в горах гремел гром, вспышки молний озарили свинцовое небо.

В черном автомобиле, выехавшем утром из Софии, ехали руководители восстания, которое предстояло объявить через два дня. Георгий Димитров сбрил бороду, коротко подстриг волосы. На нем была старенькая темная шляпа с широкими полями, затенявшая его глаза, скрытые за зелеными дорожными очками в роговой оправе, и длинный, почти до пят, светло-зеленый плащ. Васил Коларов тоже сбрил бороду и усы и надел очки.

Миновав село Надежда, машина остановилась. Вскоре к ней подъехал в экипаже начальник штаба повстанческой армии майор Агынский. С ним были двое молодых людей, которым было поручено охранять руководителей восстания. Они везли с собой официальный документ, что «являются членами комиссии, которая едет в Выршец, чтобы принять новую водолечебницу». Димитрову отвели роль инженера землеустроителя, а Коларову — юрисконсульта. Для вящей убедительности сбоку к машине привязали две рейки. Тронулись в путь уже впятером.

...Большой черный автомобиль приближался к Петроханскому перевалу, пассажиры внимательно посматривали по сторонам. Вдруг хлынул проливной дождь. Шофер остановил машину, поднял брезентовый верх. Поехали дальше. На самом перевале был полицейский пост. Вооруженные до зубов жандармы проверяли документы у всех проезжих. Руководители восстания знали, что власти ищут их повсюду и что, попадись они им в руки, пощады им не будет, но тем не менее смело ехали вперед. Когда

автомобиль поравнялся с караулкой, из нее выскочило человек десять полицейских. Раздались крики:

— Стой! Стой!

Но шофер дал газ, и машина понеслась вниз по дороге к лесу. Пассажиры удивились, что полицейские не открыли по ним огонь. Они ведь не знали, что кто-то предупредил министра внутренних дел, что руководители восстания проедут через Арабаконак на красной машине. На всем протяжении дороги из Софии в Орхание были расставлены полицейские посты. Генерал с минуты на минуту ждал сообщения, что весь штаб повстанцев — и неуловимый Георгий Димитров, и генеральный секретарь Коммунистического Интернационала Васил Коларов — в руках полиции. Но революционеры ехали не на красной, а на черной машине и держали путь не в Орхание, а через вековые буковые леса Стара-Планины в село Выршец.

Тишина букового леса успокоила путников. Когда полицейский пост остался далеко позади, они вздохнули с облегчением, оживленно заговорили. Автомобиль на большой скорости проехал через Клисурю и, вместо того чтобы направиться к Берковице, свернул направо, в сторону Выршеца. Навстречу им попался экипаж. Водитель нажал резиновую грушу гудка, и возница круто свернул на обочину. Из-под поднятого верха высунулась голова полицейского. Полицейский долго смотрел им вслед, стараясь понять, кто это может быть, но так и не понял. Останови он машину, Агынский показал бы ему письмо министерства внутренних дел, в котором, между прочим, говорилось, что власти обязаны оказывать содействие «вышеперечисленным членам комиссии по приему новой водолечебницы».

Близ Выршеца, в долине реки Покевица, сбегавшей с гор, машина остановилась, и пассажиры вышли. Никем не замеченные, они прошли на дачу Донки Станчевой, — мужественной женщины, учительницы, уволенной за коммунистические убеждения. Донка радушно встретила гостей, провела их в одну из комнат на верхнем этаже и послала своего племянника, пятнадцатилетнего Эмиля, покараулить во дворе. Босоногому парнишке было велено стоять у калитки и внимательно следить за дорогой. Если он заметит где-нибудь поблизости полицейских, то дол-

жен немедленно предупредить об этом. И чтоб никому не говорил, что к ним приехали.

Эмиль самым добросовестным образом выполнил поручение тетушки. До поздней ночи он напряженно всматривался в темную улицу и каждый раз, заслышав шаги, тихонько выходил за калитку, чтобы узнать, кто идет. По дороге то и дело проезжали телеги — крестьяне из соседнего села везли отдыхающим яйца, арбузы, только что сорванные початки молочной кукурузы.

Наступил вечер. Над лесистыми вершинами гор взошел месяц, красный, словно спелый арбуз. Зашелестели посеребренной листвой деревья. Под густыми ветвями яблони поблескивали светлячки... Эмиль по-прежнему стоял за деревом и напряженно наблюдал за улицей.

После полуночи месяц спрятался в тучах, и село погрузилось во мрак. Тогда с гор сошли повстанцы. Ночную тишину нарушили частые винтовочные выстрелы, отдаваясь гулким эхом в глубоком ущелье. Уже начинало светать, когда на дачу прибежал молодой паренек с винтовкой за плечом. Взволнованный, он остановился перед приезжими. Глаза его горели. Отдав честь, он выпалил одним духом:

— Товарищи, по приказанию Центрального комитета Коммунистической партии мы объявили революцию и захватили село Выршец!

Димитров и Коларов улыбнулись, горячо пожали руки молодому повстанцу. С этого момента руководство великим Сентябрьским восстанием перешло в их руки,

Поп Андрей

«Эй,
повесить попа!
Этот красный поп
без креста,
без молитвы
ляжет в гроб!»
У столба телеграфного
был он поставлен.
Подошел палач.
«Капитан!
Веревка готова».
Вдали — темный контур
Балкан.
И небо
сурово.
Поп стоял
у столба,
как огромный утес,
как гранит.

Гео Милев¹

Повстанец, стоявший на часах у Главного революционного штаба, открыл дверь и вошел в здание.

Склонившись над большой картой, разложенной на столе, с красным карандашом в руке руководитель восстания сосредоточенно обдумывал план боевых действий.

— Товарищ Димитров, — тихо сказал повстанец, — товарищ Димитров... он хочет войти. Что с ним делать?

— Кто хочет войти? — поднял глаза Димитров.

— Поп.

~~~~~

¹ Гео Милев — выдающийся поэт Болгарии, убитый болгарскими фашистами в 1925 году.

— Поп? Какой поп?— удивленно спросил Димитров и положил карандаш на карту.

— Повстанец из Медковца.

— Поп! Повстанец! Пусть заходит.

Поп Андрей шумно ворвался в комнату, поздоровался и тут же начал жаловаться на часового:

— Как человека прошу его:пусти, а он то да се, канитель разводит.— Потом поп спохватился и представился:— Поп Андрей из села Медковец, повстанец!

Димитров пожал ему руку и пригласил сесть. Оглядел его с головы до ног.

Камилавка. Длинная суконная ряса. На поясе кавалерийская сабля. Смуглое лицо с богатырскими усами и всклокоченной бородой, посеревшей от пыли. Веки тоже посерели от пыли. И лишь глаза горят, точно два уголька.

Поп сел, вытащил из кармана платок и стал вытирать им лоб.

— Что у вас в Медковце?— спросил Димитров.

— У нас в Медковце все в порядке. Подняли народ, выбили врага и повесили красное знамя. А здесь как идут дела?

— Сегодня в три часа мы взяли Берковицу. Революционные войска теснят врага к Петрохану. Два наших отряда — Фердинандский и Белимелский — через Крапчане, Бели-мел и Липен идут на Врацу. Мы привезли сюда укрытое в Габровнице оружие. Теперь мы сильны. В одном лишь Фердинанде десять тысяч красных бойцов. В голодающие горные села мы отправили обозы с продовольствием.

— А что будет с Ломом?— нетерпеливо перебил его поп.

— Ты что, был в Ломе?

— Был.

— Тогда рассказывай,— предложил Димитров и тревожно посмотрел на гостя.

— Да что рассказывать?.. Вчера штурмовали казарму. Весь город в наших руках, а казарму держит противник. В ней укрылись вместе с женами и детьми все душители народа. Мы, медковцы и кривобарчане, атаковали со стороны Штырбановой мельницы, но потерпели неудачу.

— Почему?— воскликнул Димитров.

— Потому что голыми руками не одолеешь их.

— Каким оружием вы располагаете?

— Разным. Карабинами, трехлинейками, берданками. А те, у кого нет оружия, вооружились мотыгами, топорами, вилами. Слабоваты мы.

— А враг?

— А враг? Установил на каждом углу казармы по пулемету и поливает нас свинцом. Буквально из каждой щели выглядывает дуло винтовки. А вдобавок ко всему казарма обнесена колючей проволокой.

— И что же вы сделали?

— Ничего. Решили штурмовать казарму ночью. Нам сказали: как только услышите колокол голинской церкви, бросайтесь в атаку! И мы ждали, ждали — всю ночь не смыкали глаз. Пропели первые петухи, пропели вторые. Начало светать, а сигнала к штурму все не было и не было. А те, кто на рассвете попытался перерезать ножницами колючую проволоку, так и остались на месте, изрешеченные пулями. По-видимому, ничего мы не сможем сделать.

Георгий Димитров помрачнел.

— Ну что ж, батюшка, в таком случае, придется отказать от революции.

Поп Андрей вздрогнул, снял с головы камилавку и положил ее на карту.

— От великого дела, — сказал он с расстановкой, — мы не откажемся. Поп Андрей не пойдет на попятный.

«Молодец!» — подумал Димитров и спросил:

— А в ваших селах все восстали?

Поп отрицательно покачал головой:

— По дороге сюда я видел одного земляка: постелил себе мешок под деревом и спит. Мы делаем революцию, а он валяется в тенечке! Жаль, не было у меня времени, а то я б ему показал!..

— А сам ты почему оставил позиции? — неожиданно перебил его Димитров.

— Я посыльный. Товарищи прислали меня за оружием. Мы разрушим казарму и уничтожим врагов, если вы дадите нам свое оружие.

— Но его увезли в Берковицу.

— Берковица уже пала. Прикажите, чтобы как можно скорее вернули оружие сюда. Народ прислал меня за ним, и я без него не уеду.

Димитров улыбнулся. Впервые за эти напряженные дни его суровое лицо озарила беглая улыбка.

— Отец Андрей,— начал он и указал карандашом маленькую черную точку на карте,— враг здесь, в Бойчиновци. Этой ночью мы отбросим его, возьмем в свои руки железную дорогу на Лом. Как только путь будет свободен, бери оружие и отправляйся к своим.

Димитров встал, давая этим понять, что разговор окончен.

Лицо попа Андрея прояснилось.

— Товарищ Димитров!

— Что, батюшка?

— Разреши мне, священнику, обнять тебя как сына. Сегодня я был на митинге. Приехал как раз в тот момент, когда ты говорил. Слушал я тебя, слушал и сказал себе: вот это дело! Жребий брошен. Мы не будем спать, не будем есть, не будем знать устали и не сложим оружия до тех пор, пока не свергнем власть царя, генералов и банкиров. На нас смотрит весь народ. Теперь я готов на все!— торжественно произнес он.

Поп Андрей обнял Димитрова, прижал его к сердцу и горячо поцеловал в лоб. Потом схватил со стола камиллавку.

— Не поминай лихом, сынок, если что случится!— сказал он и быстро вышел из комнаты.

От станции Бойчиновци отошел странный состав. Впереди равномерно постукивала колесами на стыках рельсов открытая платформа, на которой были установлены оружие и два пулемета. За платформой пыхтел паровоз, а за ним следовал товарный вагон с вооруженными людьми. Поезд вез бойцов из повстанческого отряда попа Андрея и Кирилла Митева. Эти небритые, усталые люди с заряженными ружьями в руках собирались штурмовать Ломскую казарму. Целый день они вели неравный бой с врагом, засевшим в Бойчиновцах, разгромили его, заставили солдат Шуменского отряда сдаться. А какой молодец Христо Михайлов! Все знали, что он коммунист, но никто не знал, что он такой опытный артиллерист. У солдат было четыре орудия и восемь пулеметов, но метким огнем из единственной пушки повстанцев Христо Михайлов

подавил огневые точки врага. Отовсюду раздавались голоса:

- Давай, Христо!
- Бей их, товарищ Михайлов!
- Скоро уничтожим их!

Воодушевленные повстанцы с криками «ура» бросились в атаку. В первых рядах наступающих мелькала ряса медковского попа. Ветер развеивал его длинную бороду. Глаза его метали молнии. Угрожающе сверкала сабля, которой поп размахивал над головой, ведя в атаку повстанцев.

Шуменский отряд сдался, но его командиру удалось скрыться.словно заяц, бросился он в заросли кукурузы. Три орудия, четыре пулемета и свыше трехсот винтовок достались повстанцам.

И вот, утомленный горячей схваткой с врагом, находясь еще под впечатлением боя, поп Андрей ехал на север.

Ему дали человек двадцать из Лопушанского отряда. Ничего, что их мало. С такими людьми и смерть не страшна. Парни Георгия Дамянова¹ настоящие львы.

Поезд долго тащился по пожелтевшему, неубранному кукурузному полю и наконец остановился в селе Долно-Церовене. Из аппаратной выбежал дежурный с красной повязкой на рукаве. Поп приподнялся.

— Куда едете, товарищи?— спросил дежурный.

— В Лом, на свадьбу,— процедил сквозь зубы поп Андрей.

— Туго вам придется там.

— Почему-у?— смерил его взглядом поп.

— Лом пал.

— Как это — пал?— не поверил его словам командир повстанцев.

— Пал Лом. Сегодня, пока вы выбивали врага из Бойчиновец, на Дунае загрохотали орудия. В Ломском порту высадились части видинского гарнизона и приехали с собой артиллерию. Они вынудили повстанцев покинуть город. Наши церовенские коммунисты вернулись оттуда. Они рассказывают страшные вещи. Ломские палачи не знают пощады. Убивают людей прямо на улице. В Ломе,

¹ Г. Дамянов (1892—1958 гг.) — видный болгарский государственный и партийный деятель.

Момин-броде и Дылгошевци рвутся снаряды. Горят целые кварталы.

— А где повстанцы?— воскликнул поп Андрей.

— Ушли в кукурузные поля.

Поп Андрей посмотрел в сторону второго вагона, из которого выскочили лопушанцы и с тревогой прислушивались к разговору. Солнце клонилось к закату. Где-то вдали раздавались орудийные выстрелы, и их эхо проносилось над равниной.

— Не бойтесь, братцы!— прозвучал властный, ободряющий голос попа.— Как только наше орудие заговорит, товарищи снова вернутся к нам! Эй, парень, трогай! Вези нас в Лом,— приказал он машинисту.

Орудие попа открыло огонь под селом Брусарци. В монастыре, напротив леса, собрались командиры повстанцев. Огонь сражения поднял дух лопушанцев. И когда конники Кабзы ударили по правому флангу противника, поп Андрей выхватил из ножен саблю и повел за собой пехотинцев в атаку. Наемные бандиты не устояли и бросились вспять, таща за собой орудия и пулеметы.

Но тут из Бойчиновец прибыл посыльный с приказом, чтобы поп Андрей вместе со своим орудием немедленно вернулся назад, так как со стороны Врацы наступают крупные силы врага.

— Еду,— согласился поп и, обращаясь к лопушанцам, крикнул:— А вы держитесь до моего возвращения! До свидания!

И паровоз опять потащил платформу к Медковцу. Внушительный, бесстрашный, словно высеченный из черного мрамора, стоял поп Андрей у своего орудия и гневно сжимал кулаки. Когда поезд скрылся за поворотом и это видение исчезло, лопушанцы впервые понурили головы. Кто-то уныло произнес:

— Нет больше нашего попа и его орудия...

В четверг поп Андрей обстреливал из своего орудия Медковец. Выпустив последний снаряд, он снял камиллавку, поцеловал онемевшее дуло орудия и молча направился к своему селу. В пятницу вечером враги схватили его на окраине села, когда он перелезал через плетень мельницы. Связали ему руки и увели с собой.

В воскресенье 30 сентября 1923 года медковский глашатай огласил приказ военного коменданта: всем жите-

лям села собраться на станции, где будет повешен помятежник.

На улицу высыпало все село. Мужчины и женщины, старики и дети с болью в сердце шли проститься с человеком, который один из первых встал под знамя великого народного восстания и последним покинул поле сражения. А он был привязан к фонарному столбу у самой станции. Палач обмотал его веревкой с головы до пят и так туго привязал к столбу, что ноги его почти не касались земли.

С взором, устремленным куда-то вдаль, с всклокоченными волосами и бородой, этот мученик, этот герой, сжав зубы, мужественно сносил все издевательства своих палачей.

Матери крепко прижимали к себе детей, у слабых духом подкашивались ноги, сильные же старались встретить его мужественный взгляд.

На площади за вокзалом палачи приготовили виселицу. Принесли стол и стул, поставили их возле телеграфного столба, привязали к нему веревку, сделали петлю. Жертву отвязали от столба. Поп Андрей не удержался на затекших ногах, рухнул на землю, но быстро собрался с силами и, встав, зашагал к виселице. Прохладный сентябрьский ветерок ласкал его растрепавшиеся волосы. Его подняли на стол и развязали ему руки. Поп Андрей обвел прощальным взглядом поля, сады Медковца, собравшихся людей. Женщины начали всхлипывать.

Толстошей фельдфебель подошел к столу и крикнул:

— Ну, говори!

— Что говорить?— глухо спросил поп Андрей.

— Кто был с тобой?

— Со мной был весь народ!— громко крикнул повстанец, и глаза его загорелись.

— Называй имена, а то не миновать тебе виселицы!

— Сегодня вы повесите меня, а завтра будут вешать вас. Так сохраните хотя бы веревку, убийцы!

— Замолчи!— рявкнул стоявший у столба офицер и ударил попа Андрея по плечу палашом. Потом повернулся к палачу:— Чего ждешь? Накидывай петлю!

— Встань на стул!— дрожащим голосом промолвил палач.

Поп Андрей встал на стул. Палач взял петлю, но руки у него задрожали.

— Меня вешаешь, а сам дрожишь! — презрительно бросил ему поп Андрей, выхватил из его рук петлю и сунул в нее голову. Потом опрокинул ногой стул и повис на веревке,

Налетел порыв ветра. Поднялись клубы пыли, зашумела сухой листвой кукуруза.

После поражения Сентябрьского восстания для Георгия Димитрова начались годы напряженной работы в эмиграции.

Около десяти лет, с 1923 по 1933 год, длился период политической эмиграции Георгия Михайловича.

Теперь вся работа партии строилась на нелегальной основе. Уже в октябре 1923 года в Вене было создано Заграничное бюро Коммунистической партии Болгарии во главе с Димитровым и Коларовым. В Вене под редакцией Георгия Михайловича выходил центральный орган партии «Работнически вестник». Газета распространялась в Болгарии тайно.

В первом номере газеты было опубликовано «Открытое письмо к рабочим и крестьянам Болгарии». В нем Димитров и Коларов призывали болгарский народ не терять надежды.

Димитров обращался к трудящимся европейских стран, выступал на конференциях, митингах и собраниях, призывая поднять голос в защиту болгарских революционеров. В качестве члена Исполкома Профинтерна он возглавил международную кампанию помощи болгарскому народу.

Георгий Димитров жил в Вене, Берлине и других городах Европы. Жил он там и работал нелегально, под разными фамилиями (доктор Шаафсм, Рудольф Гедигер, Виктор Гельмут и др.). Димитрову приходилось менять не только фамилию и местожительство. Зачастую он изменял даже свою внешность.

Нелегальные квартиры, явки, встречи с приез-

жавшими тайно товарищами, подпольные газеты и типографии, переправка партийной литературы, нелегально проводимые пленумы и совещания — все это чередовалось одно с другим.

В конце 20-х — начале 30-х годов обстановка в мире резко меняется. Фашизм начинает поднимать голову. И еще за десять лет до начала второй мировой войны Георгий Димитров произносит пророческие слова: «Фашизм — это значит война!»

Начинается борьба Георгия Димитрова за единый Народный фронт в Европе против наступающего фашизма. В 1929 году Георгий Димитров становится руководителем западноевропейского бюро Коминтерна. Вскоре он организует конференцию коммунистических партий тринадцати стран Западной Европы. Эта конференция объявила день начала первой мировой войны, 1 августа, Международным антивоенным днем. Георгий Димитров сделал неимоверно много, мобилизуя трудящиеся и прогрессивные силы на борьбу с угрозой войны. За период с 1929 по 1932 год, когда состоялся антивоенный конгресс в Амстердаме, к антивоенному движению примкнули широчайшие массы крестьян, интеллигенции, мелкой городской буржуазии и социал-демократов. И впоследствии идея единого Народного фронта докажет свою силу и жизнеспособность, когда именно Народный фронт помешает восторжествовать фашизму во Франции в 1935 году.

Эти десять лет трудной и многообразной работы Георгия Димитрова, выдвинувшей его в ряды виднейших деятелей международного рабочего движения, сыграют немаловажную роль позднее в период Лейпцигского процесса. Приобретенный опыт борца поможет ему победить в грандиозной схватке с фашизмом на Лейпцигском процессе.

*Генерал-лейтенант
Иван Винаров*

Из книги „Бойцы невидимого фронта“

... Когда я устроился в Вене, Георгий Димитров уже переехал в Берлин, но Вена оставалась, если можно так сказать, филиалом — второй по значению резиденцией болгарских коммунистов. Мне нужно было передать Георгию Димитрову приветы из Москвы и еще попросить его познакомить меня с общей политической обстановкой в Европе, с проблемами и задачами, которые стояли непосредственно перед Коммунистической партией и, разумеется, перед всеми прогрессивными силами Европы.

Мы встретились в фешенебельном кафе на Рингенштрассе, напротив Венской общины.

— С приездом тебя с Дальнего Востока, Ванко, — сердечно встретил меня Георгий Димитров. Он внимательно и несколько удивленно оглядел меня с головы до пят. — А ты здорово изменился! Тот и не тот: даже знакомому человеку трудно узнать тебя... Садись, рассказывай! Когда приехал? Какие новости привез оттуда? Где бросил якорь в Вене? Галина с тобой? Получил ли ты последнее мое письмо?..

Георгий Димитров не был в курсе моих дел, поэтому знал обо мне только в общих чертах, как знал и обо всех других болгарских коммунистах, выполняющих различные задания. Человек огромной культуры, он всегда давал советы с большим тактом — качество, которым, как мне кажется, будущий вождь и учитель нашего народа обладал в исключительной степени. Такт у него сочетался с искренней вежливостью и, если можно так сказать, с хорошими манерами. Он держался всегда как прирожденный аристократ по духу, и иностранец, не знающий его чистокровного пролетарского происхождения, легко мог обмануться в его «родословной». Был по-настоящему отзывчивым, полным расположения, сочувствующим и вежливым собеседником. И оставлял у тебя приятное ощущение, что ты был для него желанным собеседником. Умел он осто-

рожно и деликатно высказать свое мнение, но обязательно поинтересуется и твоей точкой зрения и оценкой. Умел всегда отдать должное твоей находчивости, остроумию, уместной веселой шутке, искреннему чувству — и этот же человек превращался в пламенного трибуна на митинге, когда нужно было защитить партийные позиции. В уличных схватках с полицией он был неудержимым и темпераментным, смелым бойцом — настоящий меч класса, не знающий ни компромиссов, ни пощады к врагам революции...

Ко мне Георгий Димитров относился тепло и сердечно, как и к большинству болгарских политэмигрантов, проживавших в то время в Союзе. И всегда после встречи или разговора с ним у меня оставалось впечатление, что я ему чем-то обязан, что он и в этот раз все отдавал, а я только получал, что он дал пищу моим мыслям, согрел мое сердце, укрепил мое человеческое достоинство и влил свежие силы. Может быть, поэтому в течение 1927 и 1928 годов, когда он несколько раз обращался ко мне с просьбой оказать какую-либо услугу, я всегда испытывал истинное удовлетворение: наконец-то и я могу ему чем-то отплатить, наконец-то и я могу быть ему чем-то полезен!

Просьба, с которой обращался ко мне Георгий Димитров несколько раз в Москве, касалась писем. Это были письма, адресованные разным лицам в Вене, которые я должен был отправлять из Пекина, Харбина или Шанхая, где мне приходилось бывать. Читатель, наверное, догадался почему: нужно было, чтобы на конверте был китайский почтовый штамп в подтверждение того, что отправитель письма находится в этой стране... Так должен был думать адресат, так должна была предполагать и полиция, если бы проявила (а она всегда проявляла) интерес к иностранной корреспонденции определенных лиц...

И каждый раз, когда Георгию Димитрову необходимо было выехать из Вены в Москву на очередное заседание Исполкома Коминтерна или просто на лечение, то эти письма он передавал мне лично или через своих друзей.

Своим официальным знакомым в Вене он говорил, что «по служебным делам вынужден поехать в Китай», и уезжал, а «оттуда» присылал приветы в письмах или почтовых открытках. У его «официальных» знакомых (и полиции), знающих его как швейцарского интеллигента, пи-

сателя, экономиста, корреспондента немецких газет, торгового представителя и пр., после получения этих настоящих писем из Китая, не могло быть никаких сомнений в личности своего знакомого и его дальневосточного вояжа.

Но человек, путешествующий в тот загадочный Китай, всегда бывал в центре внимания компании: он должен был рассказывать об этой далекой экзотической стране, о бушующей там гражданской войне, о Великой китайской стене и о китайской кухне, о шанхайских гангстерах и иностранных сеттльментах, о пагодах и мандаринах, о джонках, о пустыне Гоби и кто знает о чем еще, вспоминая при этом тысячи интересных и пикантных подробностей... Поэтому во время наших встреч Георгий Димитров просил меня рассказать ему о Китае все, что, по моему мнению, может представлять интерес, да и сам меня расспрашивал о всевозможных вещах.

И вот сейчас, при новой встрече в Вене, он все так же сердечен, радушен и близок. Он был элегантно одет, коротко подстрижен по венской моде, в белоснежной рубашке и аккуратно повязанном галстуке, гладко выбрит, с небольшими усами и в очках. В первую минуту эти очки меня удивили — в Москве он нуждался в их помощи только для чтения. Но тут же я подумал, что его очки, по всей вероятности, предназначены для того же, что и мои: они не диоптрические, но форма оправы подобрана так, чтобы изменить овал и характер лица. Это ему было необходимо, чтобы провести полицию во время своих переездов и скитаний...

— Получили ли вы мое последнее письмо?

Этот вопрос, заданный Георгием Димитровым, относился к тому его письму, которое он мне прислал из Кисловодска и в котором сообщал, что «Китайские путешествия больше не нужны». С переездом в Берлин необходимо было изменить и тактику поведения; то, что еще вчера было надежным прикрытием, сейчас могло предательски навести на след.

— Получил, товарищ Димитров. Я привез вам сердечный привет от Любы, от товарищей Коларова и его жены Цветаны Николаевой...

— Скучаю я по ним,— продолжал Димитров в ответ на мои слова, и лицо его опечалилось.— А Люба, как она себя чувствует?

Перед отправкой в Вену я был у Любы в больнице, и при прощании она попросила меня передать письмо и маленькую фотографию. «Передай ему, что я хорошо себя чувствую. Пусть он обо мне не тревожится. У меня все в порядке» — так она мне сказала и так написала на обороте своей фотографии.

На этой фотографии она действительно хорошо выглядела, и когда Димитров посмотрел на нее, в глазах у него появилась влага. Да, на фотографии Люба выглядела очень хорошо, но трудно обмануть любящие пронизательные глаза. И кроме того, Димитров был прекрасно осведомлен врачами в Москве о ее состоянии.

Любе Ивошевич, его подруге, с которой он вместе делал свои первые шаги в революционном движении и которая вместе с ним переносила все тяготы его напряженной и трудной жизни, сейчас было плохо. Георгий Димитров очень заботился о ее лечении — сначала в Вене, где она жила с ним до его переезда в Берлин, а потом и в Москве. Она была окружена вниманием и любовью и Василя Коларова, и всех болгарских политэмигрантов, но болезнь прогрессировала быстро и неумолимо. Среди многочисленных забот на своем ответственном революционном посту Димитров в те годы нес на себе этот тяжкий крест и муку, переживая за свою нежно любимую и верную подругу, обреченную на скорую смерть.

— Милая, сердце у меня разрывается! — тихо сказал Димитров, глядя на ее лицо. — Мама и она — этих двух женщин я храню в своем сердце, и я стольким им обязан...

Димитров замолчал, лицо его посерело от тяжелой нескрываемой боли.

Когда Димитров справился со своим волнением, мы продолжили разговор. Он расспрашивал меня, хорошо ли я устроился. Спросил и о моем здоровье — с трудом справившись со своим горем, он уже проявлял заботу о друге, и это лучше всего раскрывало прекрасные черты этого исключительного человека.

Коротко рассказав ему обо всем, что его интересовало, я в конце высказал свою радость от того, что я в Вене, среди близких мне друзей и приятелей и буду чувствовать себя как дома.

Мои встречи с Георгием Димитровым, с весны 1930 года по март 1933 года, были многочисленны и часты.

В первое время мы встречались в основном в Вене — почти каждую неделю, иногда и чаще. В Берлине встречи были более редкими, только когда неотложные дела приводили меня в тревожную столицу Германии. Мои встречи с Георгием Димитровым, разговоры с ним, общие переживания, его оценка событий — все это является самым дорогим богатством моей памяти. Они всегда были источником моей веры, силы, надежды.

Из воспоминаний

Розы Юльевны Димитровой

Двенадцать детей часовщика

После фашистского переворота в Болгарии и подавления Сентябрьского вооруженного восстания 1923 года Димитров вынужден был покинуть родину и за границей, в частности в Австрии, вести жизнь профессионального революционера.

Паспорта Димитрову приходилось менять довольно часто. Всем было ясно, что австрийские власти, если им удастся его арестовать, немедленно выдадут его болгарским фашистам, чей суд уже дважды (в 1923 и 1926 годах) заочно приговаривал Георгия Михайловича к смертной казни.

Но как-то, когда Димитров уезжал в одну из западных стран, случилось так, что найти подходящий паспорт не удалось. Пришлось довольствоваться дубликатом паспорта швейцарского часовщика Бауэра. Димитров сфотографировался в очках, и эту фотокарточку вклепили в паспорт.

На предпоследней перед границей станции в вагон вошел полицейский чиновник и предложил Димитрову и другим пассажирам следовать за ним. Предстояла проверка документов.

— Вам придется выполнить небольшую формальность, — сказал чиновник, когда Димитров передал ему

паспорт.— Напишите на этом бланке все сведения о своих родственниках.

Все было бы хорошо, если бы часовщик не был обременен огромной семьей. Вместе с ним, не старым еще человеком, жили двенадцать детей, много братьев, сестер, дядюшек, тетюшек. Георгию Михайловичу пришлось серьезно потрудиться, прежде чем удалось запомнить все их имена и даты рождения. Но Димитров, опытный конспиратор, не пожалел на это времени и тщательно изучил всю родословную Бауэра. Он спокойно сел за стол и через несколько минут протянул чиновнику исписанный лист.

Пока Димитров писал, чиновник что-то уж слишком внимательно рассматривал его паспорт.

— Благодарю вас, но вам придется задержаться еще на несколько минут,— сказал он.— Пройдите в соседнюю комнату.

Димитров был немало удивлен, когда там ему дали точно такой же бланк и предложили снова заполнить его.

Сверив оба заполненных бланка, чиновник не смог обнаружить в них ни одной ошибки. Он с сожалением вздохнул:

— Можете идти, господин... э-э-э... Бауэр.

Поезд шел из Вены

Громяхая на стыках, поезд медленно выбирался из путаницы подъездных путей венского вокзала. Во втором вагоне, склонившись над шахматной доской, сидели двое — мужчина и женщина.

Поезд приближался к очередной станции. В это время в вагон вошел какой-то хорошо одетый господин. Окинув играющих равнодушным, скучающим взглядом, он проследовал дальше. И никто не заметил, как из его руки выпал и покатился по шахматной доске бумажный шарик. Димитров сделал очередной ход, и записка очутилась у него в руке.

Шепнув спутнице, что в вагоне шпик, Георгий Михайлович продолжал спокойно играть, но, прежде чем поезд остановился, поднялся с места и не спеша направился к выходу. Открыв дверь туалетной комнаты так,

что она загородила вход в тамбур, он скрылся за нею. Тотчас же с кресла вскочил еще один пассажир и, подбежав к открытой двери, заглянул за нее. Но ни в тамбуре, ни в туалете никого не оказалось...

Роза Юльевна отлично знала человека, предупредившего их о шпике. Это был австрийский коммунист, старый друг Димитрова. Она решила доехать до места, чтобы сообщить о случившемся участникам нелегального партийного совещания, на которое спешил Георгий Михайлович. У завода, где должно было происходить собрание, патрулировали усиленные полицейские наряды. Все же под видом работницы Розе Юльевне удалось пробраться на заводской двор. В одном из цехов она нашла нужного человека и рассказала о происшествии в поезде. Тот промолчал, только как-то странно усмехнулся.

— Пройдите вот сюда, вниз.— Он три раза по-особому стукнул в дверь.

Послышался звук отодвигаемого засова. Дверь открылась, и они вошли в темный коридор. Откуда-то звучал знакомый голос. Там, за стеной, был Димитров.

В перерыве все выяснилось.

...Открыв дверь туалета, Димитров проскользнул в тамбур и, быстро соскочив с противоположной вокзалу стороны вагона, нырнул под состав, стоявший на соседнем пути, затем перебрался еще через несколько товарных эшелонов. Вскоре он уже спокойно шел к ближайшей стоянке такси. В квартире одного из рабочих Георгий Михайлович переоделся в женское платье и без приключений пробрался на завод.

Петр Димитров-Рудар

Еврей из Салоник

И в этот весенний вечер 1947 года в маленькой столовой дворца Враня были гости. Роза и Георгий Димитровы оставили нас ужинать.

Разговор начался немного сдержанно. Все мы заметили следы усталости в больших потемневших глазах хозяина. У него был трудный рабочий день, полный тревог и огорчений. Но Георгий Димитров обладал способностью превозмогать себя. Постепенно морщины на его большом лбу начали исчезать, и легкая, еле уловимая улыбка заиграла на его бледном лице. Он стал разговорчивым, оживился.

Когда принесли кофе, я, осмелев при виде улучшившегося настроения Димитрова, попросил хозяина рассказать какой-нибудь интересный случай из его полной опасностей жизни подпольщика.

Удвпленный моей просьбой, Георгий Димитров посмотрел на меня, потом на остальных и понял, что желание это общее. Брови его вопросительно поднялись. Рассказать что-нибудь интересное? Что же рассказать?

Он немного помолчал. Потом поднял обе руки ладонями кверху и сказал:

— Делать нечего, вы гости. А гостям нельзя отказывать. Раз вы хотите услышать случай из моей жизни подпольщика, я расскажу вам историю еврея из Салоник...

Мы затаили дыхание.

Товарищ Димитров вынул трубку и, словно для того чтобы собраться с мыслями, стал ее наполнять. Зажег ее, затянулся несколько раз и начал рассказ:

— То, о чем вы услышите, случилось в Италии... Я был послан туда нелегально, с фальшивым паспортом, по партийным делам. Когда я уже готовился уезжать, пришел полицейский и сообщил, что меня вызывают в полицейское управление для какой-то справки.

Я вошел в кабинет начальника. Он испытующе осмотрел меня с головы до ног, потом предложил сесть и приговорно любезным тоном спросил:

— Вы ведь иностранец?

— Да, я иностранец,— спокойно ответил я.

— Прошу вас, дайте паспорт.

Я подал ему паспорт.

Начальник принялся внимательно рассматривать его.

— Хм!— хмыкнул он, как бы удивившись.— Ваш паспорт выдан в Греции, а ваша фамилия совсем не греческая...

— Да, это так. Но что в этом удивительного? Паспорт выдан мне в Греции, потому что я греческий подданный. фамилия моя не греческая, потому что я не грек, а еврей — еврей из Салоник. Торговец, — подчеркнул я.

— Да, да... В этом, конечно, нет ничего удивительного, — немного иронично усмехнулся начальник.

Потом с той же притворной любезностью пояснил мне, что есть новое распоряжение, в соответствии с которым все иностранцы, приезжающие в Италию, должны заполнять специальный формуляр.

Он попросил пройти в соседнюю комнату к секретарю и заполнить формуляр.

Когда секретарь протянул мне огромный лист, волосы у меня встали дыбом. Оказывается, нужно ответить на десятки вопросов: имена родителей, бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек, братьев и сестер, дядьев, теток, двоюродных братьев и двоюродных сестер — родных до девятого колена. Можете себе представить, в какое положение я попал: надо выдумать и вписать в графы около ста еврейских имен! И не только выдумать, но и запомнить — опыт конспирации научил меня помнить все, что я пишу в полиции, от первого до последнего слова!

Пока я рассматривал формуляр, голова лихорадочно работала. Что делать? Как выйти из затруднения?.. И вдруг меня осенило — выход был найден. Я схватил перо, опустил его в чернильницу и заскрипел по белому листу бумаги: отец — Авраам, мать — Ревекка, бабушка — Сарра, дед — Давид... а потом: Исаак, Матильда, Арон, Соломон...

После того как я заполнил все графы, секретарь взял формуляр и сказал, что я свободен. Я вздохнул с облегчением и быстро покинул полицейское управление.

Но не прошел я и двадцати шагов, как на улице меня догнал полицейский. Он попросил вернуться в управление. Секретарь встретил меня и, притворяясь чрезвычайно встревоженным, начал извиняться, что случайно пролил чернила и измазал лист бумаги, так что нужно заполнить новый формуляр.

Хитрость полицейских была ясна. Но я уже подготовился к ней. Чтобы заполнить графы, я тоже прибег к

хитрости: мысленно вернулся в Софию, в наш квартал, и последовательно входил в знакомые мне еврейские дома, припоминал имена мужчин и женщин и вписывал их в формуляр.

Я снова зажмурил глаза, снова мысленно перенесся в квартал, и перо мое снова заскребло: отец — Авраам, мать — Ревекка, бабушка — Сарра...

Когда я повторно заполнил графы, секретарь попросил меня подождать в его комнате, пока начальник «подпишет документ».

Я сделал вид, что не понимаю, что это значит, и стал ждать.

Прошла минута, две, три, пять, а секретарь все медлил. Я стал беспокоиться — уж не нашли ли они какой-нибудь разницы между первым и вторым экземпляром? Я как будто был уверен в своей памяти, но внутренний голос все спрашивал: «А если ты спутал имена в какой-нибудь графе? Если Авраам превратился в Давида, а Сарра — в Ревекку?» И чем больше проходило времени, тем больше росла моя тревога.

Наконец дверь открылась. Вошел начальник и уже дружным тоном обратился ко мне:

— Мы просим извинить, что так долго вас задержали. Вы, вероятно, догадались, зачем мы заставили вас дважды заполнять формуляр. Из-за разных коммунистов, которые приезжают нелегально, с фальшивыми паспортами, чтобы подорвать установленный в нашей стране порядок, мы вынуждены иногда устраивать неприятности таким уважаемым гражданам — торговцам вроде вас. Но вы сами знаете, как необходимы сейчас подобные меры, и верим, что не сердитесь на нас.

— Конечно, — с «сочувствием» ответил я, — и в нашей стране, в Греции, полиция таким же образом заботится о спокойствии государства и сохранении установленного общественного порядка.

Видимо, довольный моими словами, начальник проводил меня в коридор, еще раз извинился и подал руку на прощание.

Когда я вышел из полицейского управления, меня больше никто не догонял. Я вздохнул еще глубже, с истинным облегчением и с первым же поездом покинул Италию...

...Товарищ Димитров немного помолчал, затаился из трубки и, тяжело дыша, закончил:

— Вот история о еврее из Салоник... Это только страничка, маленькая страничка из моей жизни подпольщика...

Богдан Глогинский

„Прогулка“ по Дунаю

*Из рассказа старого австрийского коммуниста
Яноба Рознера*

...Длительное время, после поражения Сентябрьского восстания 1923 года в Болгарии, Димитров жил и работал в Вене. Тогда он имел голландский паспорт, официально числился врачом. Скрываясь от полиции, профессию и национальность ему приходилось менять довольно часто.

Однажды Георгий Димитров вызвал на совещание находившихся в эмиграции активистов Болгарской компартии. Люди приехали со всех концов Австрии и соседних стран. Венская полиция прослышала об этом и решила устроить засаду у дома, где было назначено собрание. Но каким-то образом ее намерения стали известны.

— Дела не веселые, может быть, отложим, совещание? — обратились несколько делегатов к Георгию Димитрову.

— Ни в коем случае! — категорически возразил он. — Встреча обязательно состоится. Если мы будем сообразовывать свои действия с желаниями полиции, то мало чего добьемся в своей революционной борьбе. Не так нас учит действовать Владимир Ильич Ленин.

Собрав всех товарищей в условленном месте, он повел их к Дунаю и подозвал владельца самой вместительной лодки. Все быстро уселись.

— Объявляю совещание открытым, — сказал Георгий Димитров. — Можете не беспокоиться, для посторонних глаз мы вполне сойдем за любителей водных прогулок.

А лодочник удивлялся: странные люди, почему они не любят живописными берегами?

Собрание было деловым и прошло благополучно. Лодка направилась к маленькой пристани. Георгий Димитров начал напевать вполголоса «Голубой Дунай». Мелодию подхватили и другие...

На берегу, снисходительно улыбаясь, их встретил дежуривший у причала полицейский, небрежно им козырнул и буркнул лодочнику:

— Не австрийцы, видать, уж очень заметно фальшивят...

— Туристы, — ответил лодочник.

— Да! Дунай прекрасен у нашей Вены! Поэтому и едут сюда со всех стран туристы, — значительным тоном изрек полицейский и уже с явным расположением откозырял Георгию Димитрову и его товарищам.

С. Болдырев

Из повести „Трижды приговоренный“

Весной 1929 года Георгий должен был вновь уехать в Западную Европу — уехать с иными задачами, чем бывало прежде...

Но теперь предстояло покинуть Москву надолго и жить в обстановке постоянной опасности. Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала поручил Димитрову руководить своим форпостом в сердце капиталистического мира — Западноевропейским бюро Исполнительного комитета Коминтерна. Димитрову и его товарищам по работе в Западноевропейском бюро предстояло согласовывать деятельность коммунистических партий европейских стран в создании единого широкого фронта борьбы против империализма, войны и фашизма, защиты прав рабочего класса, защиты Советского Союза. Местопребыванием бюро был избран Берлин — отсюда и в гео-

графическом и в политическом отношении было наиболее удобно вести широкую нелегальную работу для осуществления единства действий компартий европейских стран.

Георгий должен был стать немцем в своей речи, в своих манерах и образе жизни. Если его раскроют и узнают, он может быть обвинен в шпионаже, диверсиях, к чему никогда не имел отношения, как и всякий политический деятель-марксист. Его могли уничтожить и наемные убийцы фашистско-болгарского правительства. За пределами приютившей его страны ему предстояло выверять каждый свой шаг.

Он готов был на этот риск, на постоянную настороженность, на неизвестную смерть, если она выпадет ему на чужбине от руки предателя,— готов был на все это тяжелое и жестокое ради того, чтобы и там, среди враждебного мира, оставаться апостолом братства, которому давно уже отдавал свои силы и помыслы. Он знал, что отступления, ухода от своего долга перед партией не может быть и никогда не будет.

Незадолго перед отъездом Георгий пошел к своему товарищу по работе в Коминтерне Мартынову.

В доме Мартыновых бывали коммунистические деятели многих стран. В тихом, заваленном книгами кабинете можно было встретить и Эрколи (Тольятти), и Дюкло, и Мориса Тореза, и бывшего советника Сунь Ят-сена — Бородину, бежавшего от Чан Кай-ши через пустыню Гоби, и Мануильского, дружившего с Мартыновым, и многих других интересных людей.

Иной раз гости Мартынова замолкали, прерывая серьезный разговор, привлеченные взрывами смеха, доносившимися из комнаты племянницы хозяина Вильгельмины, шли к молодежи.

Кто-то в шутку назвал Вильгельмину, молоденькую, с коротко стриженными волосами, резковатую, Вильгельмешкой. Потом уменьшительное имя сократили, и все стали называть ее просто Мишкой. Дочь богатых родителей из Прибалтики, она примкнула к рабочему движению, стала комсомолкой. Ушла из семьи и приехала в Советский Союз к дяде жить и трудиться для революции. Мишка знала четыре языка, и, может быть, потому у нее часто собиралась молодежь из интернациональной ленинской школы Коминтерна.

В ее комнате, полной народу, Георгий Михайлович обычно забивался в угол и молча поглядывал оттуда на веселые, молодые лица. В тот вечер в передней Мартыновых Георгий встретил Мануильского.

Весь вечер Димитров просидел в углу, зажатый со всех сторон молодыми людьми. От него трудно было добиться слова, но, когда хором запели немецкую рабочую песню, потом итальянскую, он пел вместе со всеми, и глаза его молодого и растроганно светились, и голос окреп.

— Вы хорошо поете,— похвалила Вильгельмина, наклоняясь к нему.— Вот не ожидала...

— Когда-то я любил петь,— Георгий Михайлович усмехнулся,— и даже танцевал хорошо.

Девушка удивленно подняла брови.

— Это болгарский танец,— пояснил Димитров.— Мужчины и женщины становятся в круг и танцуют, положив руки друг другу на плечи, пока хватит сил.

— Мы будем танцевать! — воскликнула озорная Мишка, стремительно вскакивая с места.— Все будем танцевать! Слышите, все! Алле геноссен! Ту ле монд! — повторила она свой возглас по-немецки и по-французски.— Все товарищи! Все люди!

И «все люди» пустились в пляс. Один только Димитров остался на своем месте в углу комнаты.

Поздно вечером Мануильский провожал Димитрова по затихшим, темным улицам Москвы. Они разговаривали о предстоящей поездке в Германию.

В Берлине Димитров неожиданно лицом к лицу столкнулся с Мишкой. Встреча произошла в мрачноватом зале, который обычно сдавался его владельцами в аренду для выставок, деловых банкетов или собраний.

Готовился второй после двухлетнего перерыва конгресс Антиимпериалистической лиги.

Димитров неожиданно увидел Вильгельмину в модном дорогом костюмчике. Она строго смотрела на него и нетерпеливо постукивала каблучком. Девушка очень изменилась с тех пор, как он видел ее последний раз в Москве у Мартыновых,— то ли повзрослела, то ли стала сдержанней и серьезней.

— Здравствуйте,— наконец сказала Вильгельмина на

чистейшем берлинском диалекте:— Я рада, герр...— Она замолкла, не зная, как назвать его.

Георгий Михайлович сказал:

— Забудь Димитрова. Перед тобой Гельмут. Запомни: Гельмут!

Вильгельмина сказала, что в Германии она проездом. Ей необходимо ехать дальше, в другую страну, но только сейчас товарищ встретил ее на вокзале и предупредил, что ехать туда нельзя — там начались провалы, один за другим, видимо действует провокатор. Она решила сойти с поезда и попросила товарища проводить ее к надежным людям.

— Что делать? — спросила она, переходя на русский язык.— Если надо все-таки ехать туда, я поеду.

— Ехать нельзя,— также по-русски, сухо, по-деловому ответил Димитров. Он замолк, раздумывая. Потом решительно сказал: — Никаких отъездов! Ты останешься здесь. Человек, владеющий языками, для нас клад.

До приезда Вильгельмины Георгий Михайлович жил совершенно так, как и окружавшие его люди: днем работал, усердно, с немецкой пунктуальностью, соблюдая часы завтраков и обедов, вечером бывал в кафе или ресторане, иной раз в театре, заходил к немецким товарищам или занимался в библиотеке. Он убеждал себя, что этот размеренный немецкий образ жизни не только нужен для конспирации, но и постепенно возвращает ему душевные силы.

Вильгельмина безупречно играла роль дочери богатых немецких коммерсантов. Где бы она ни оказывалась — в ресторане или кафе, на улице, в метро, присутствуя на деловой встрече в качестве его секретаря,— всюду и всегда ей удавалось оставаться самой собой. Что же это: прирожденный талант конспиратора или результат волевого напряжения, сознания ответственности? А может быть, и то и другое? Откуда же у этой девушки столько нравственных сил?

В разгар жаркого лета в сопровождении Вильгельмины Георгий Михайлович поехал во Франкфурт на конгресс Антиимпериалистической лиги. Ехал он нелегально, под чужим именем. Вильгельмина играла роль незнакомой ему пассажирки и в случае его ареста должна была предупредить товарищей.

Из конспиративных соображений, запутывая возмож-

ную слежку, они приехали во Франкфурт уже после открытия конгресса...

Георгия захватили речи, волнение зала, аплодисменты. Все это было для него издавна привычным, родным, возбуждало и радовало его так же, как возбуждает и радует всякого человека встреча с людьми, которые увлечены одним делом, одной общей страстью, одним устремлением. В этом зале и за стенами его, в близких и далеких странах ощутимо возникал единый фронт, о котором говорили многие, часто всего лишь декларируя идею. Здесь идея стала действием. Разве не о том, что являл собой этот конгресс, писал Ленин в «Детской болезни «левизны»...»: в трудной борьбе нужен массовый союзник — пусть временный, паткий, ненадежный. Кто этого не понял — так, кажется, у Ленина, — тот не понял ни грана в марксизме и в научном современном социализме вообще...

Во время перерыва в одной из рабочих комнат конгресса Димитров увидел Эрколи. Даже мысленно Димитров старался не называть Тольятти его подлинным именем, к чему приучила всегдашняя конспирация: как бы где-нибудь в неподходящем месте не произнести фамилию, хорошо известную итальянской, французской, австрийской, германской полициям. После ареста фашистами в 1926 году секретаря Итальянской компартии Грамши Тольятти стал ее генеральным секретарем. Затем был избран в члены президиума Исполкома Коминтерна. Жизнь подтвердила справедливость тех впечатлений от марксистской подготовленности Тольятти, которые остались у Димитрова после встреч с ним в Москве летом 1924 года.

Эрколи только что приехал из Парижа, где уже в течение нескольких лет возглавлял Заграничный центр своей партии. Они встретились сдержанно, чтобы не привлекать к себе внимания заполнивших комнату малознакомых им людей. Рукопожатие их было в меру — и не очень крепким и не очень продолжительным, но молодые глаза Эрколи за стеклами очков смеялись, и Димитров отвечал ему таким же по-дружески теплым взглядом. Они отошли в сторону от толпившихся около столов делегатов конгресса и перекинулись парой слов. Тольятти, так же как и Димитров, был поражен единодушием разных по своим политическим взглядам людей и считал, что конгресс отражает серьезные сдвиги в сознании таких слоев общества в раз-

ных странах, которые прежде были далеки от политической борьбы против империализма или, участвуя в ней, не понимали ее истинной направленности.

Разговор с Тольятти заставил Димитрова с еще большим вниманием выслушивать выступления делегатов. Да, что-то новое пробуждается в жизни. Ну, а что думают обо всем этом там, в Москве?

Он решил встретиться с Косаревым, делегатом конгресса. Георгий хорошо знал и любил его. Хотелось просто поговорить с ним, узнать, как он воспринимает то, что происходит в зале. Да, просто поговорить! Но как это сделать? Могла быть слежка...

На следующий день Георгий Михайлович вошел в один из ресторанов, сопровождая Вильгельмину — богатую молодую даму. Они заняли столик посреди зала. Георгий, галантный кавалер, нагнулся поднять оброненный Вильгельминой платочек. С непринужденностью завсегдатая ресторанов помогал даме справиться с меню завтрака, шутил с кельнером. Он умел держаться в обществе, и все шло хорошо. Уголкем глаза он заметил четырех мужчин, входивших в ресторан. Среди них был Косарев. Мужчины заняли столик у окна.

— Посмотрите, кто там! — воскликнул Димитров, обращаясь к Вильгельмине. — Привет друзьям! — весело и громко сказал он и помахал им рукой. Затем обратился к кельнеру: — Это наши друзья, мы хотим пересесть за их столик...

Пока Вильгельмина болтала с немецкими товарищами, сопровождавшими Косарева, Димитров вел с ним деловую беседу. Так же как и Димитров, Косарев был поражен единоподушием участников конгресса.

— А ты помнишь?... — то и дело восклицал Косарев со своей обычной напористостью. — Нет, ты помнишь, как они долбили империалистов? Вот, например, этот... Как его? — И он принимался рассказывать о каком-нибудь наиболее понравившемся ему выступлении.

Димитрову трудно было высказать собеседнику то, что он сам еще не смог как следует понять, обдумать, оценить. Он видел, что и Косарев также находится под властью силы этого единения, что и он не может до конца понять и

взвесить увиденное и услышанное. Но и то, что Димитров почувствовал в своем собеседнике, было достаточно для раздумий и споров с самим собой.

Из ресторана они выходили вместе. Косарев рванулся к двери, опередив Вильгельмину.

— Что ты делаешь, Саша! — тихо воскликнула она, беря его под руку. — Даму надо пропустить первой, иначе любой шпик поймет, что ты не тот, за кого себя выдаешь.

— Извини, — взмолился Косарев, — я просто медведь...

Какой-то человек в черном фраке через стекло вестибюля наблюдал за ними.

На улице они быстро разошлись и смешались с толпой.

ЛЕЙПЦИГСКИЙ ПРОЦЕСС

А. Кореньков

Чудовищная провокация

В конце января 1932 года Фриц Тиссен, крупнейший промышленный магнат и один из столпов германского империализма, выступая с политической речью в промышленном клубе Дюссельдорфа, бросил клич: «Хайль, господин Гитлер!»

Гитлеровская партия пришла к власти.

Но только что пришедший к власти Гитлер чувствовал пока себя не очень уверенно. Коммунистическая партия Германии на последних ноябрьских выборах 1932 года получила шесть миллионов голосов! Она представляла реальную опасность для нарождающегося фашизма, и ей должен быть нанесен сокрушительный удар. Нужен только повод для этого удара.

Так рождается идея поджога рейхстага, чудовищного провокационного акта.

27 февраля в 9 часов вечера рейхстаг вспыхнул.

Гитлер настолько спешил, что в неистовой радости прикатил к пылающему рейхстагу и заявил: «Это знамение, ниспосланное нам богом. Никто теперь не помешает нам раздавить коммунистов железным кулаком!»

В объятom пламенем рейхстаге «на месте преступления» задержан голландец Ван дер Люббе. Уже на следующий день Герринг заявит в интервью представителям прессы, что у Ван дер Люббе обнаружен партийный билет члена Голландской компартии. Итак, ясно: поджог организован коммунистами!

Правда, позднее гитлеровская полиция вынуждена будет признать, что факт принадлежности Ван дер Люббе к

коммунистической партии не соответствует действительности. Но это гораздо позднее.

А пока был отдан приказ об аресте тысяч коммунистов, социалистов и пацифистов.

Тысячи ордеров на арест были заготовлены заранее. С немецкой аккуратностью они были снабжены фотографиями и подписями. Требовалось только поставить дату. Свора эсэсовцев и штурмовиков начала дикую охоту на людей. Депутатов, партийных и профсоюзных активистов, журналистов, писателей, адвокатов, врачей хватали только за то, что они были коммунистами или симпатизировали им. Арестован и вождь немецкого рабочего класса Эрнст Тельман. Полицейские участки, тюрьмы, концентрационные лагеря переполнены. В Германии наступило время абсолютного бесправия и полного произвола.

Были разгромлены все партии, уничтожены все независимые организации и объединения.

На улице городов эсэсовцы и штурмовики горланили: «Сегодня нам принадлежит Германия, завтра нашим будет весь мир». Такой была Германия 1933 года...

На следующий день после пожара одна берлинская буржуазная газета проболталась о том, что из здания рейхстага имеется лишь единственный тайный подземный ход, которым могли пройти поджигатели: этот ход ведет в расположенный по соседству дом председателя германского рейхстага — Геринга. Общественность насто-рожи-лась.

А германская полиция делала свое дело: она сочиняла одно за другим нелепые сообщения о «чудовищной» деятельности коммунистов.

Георгий Димитров узнал о поджоге рейхстага из газет в спальном вагоне скорого поезда Мюнхен — Берлин. В злополучный вечер фашистского шаша у горящего рейхстага он был в Мюнхене. Сойдя утром с поезда в Берлине, Димитров услышал по радио неистовство фашистской пропаганды.

«Это сигнал к коммунистической революции... Коммунисты подожгли рейхстаг... у поджигателя, задержанного в горящем рейхстаге, найден коммунистический партбилет. Поджигатель Ван дер Люббе во всем признался... Поджог рейхстага — результат единого фронта коммунистов и социал-демократов...»

Димитров, конечно, сразу понял, насколько крупную провокацию затеяли фашисты. Но он никак не мог предположить, что в поджоге обвинят непосредственно его.

Вернувшись в Берлин, Димитров занялся повседневными делами, встречался с друзьями и своими земляками, проживавшими в германской столице.

Друзья обычно встречались в ресторане «Байеренгоф». Так было и в те дни. Как всегда, им подавал один и тот же малоприметный официант по фамилии Гельмер. Многие посетители знали его фантастическую страсть к чаевым. То же, что официант состоял в национал-социалистской партии, скорее забавляло.

Вскоре после поджога рейхстага Гельмер увидел плакат, в котором было обещано вознаграждение в 20 тысяч марок тому, кто поможет обнаружить сообщников изображенного на плакате поджигателя Ван дер Люббе... Вот это-то обстоятельство и лишило Гельмера сна. В конце концов он идет в полицию и «официально» заявляет, что Ван дер Люббе летом и поздней осенью 1932 года встречался в ресторане «Байеренгоф» с «подозрительными иностранцами». 20 тысяч марок манили, и Гельмер сочинил, что вечером, перед тем как вспыхнул в рейхстаге пожар, якобы состоялась их последняя встреча с Ван дер Люббе.

9 марта в ресторан пришли пообедать трое ничего не подозревавших людей. Обычно услужливый Гельмер почему-то исчез. Из соседней комнаты он позвонил в полицию: «Они снова здесь». Полицейский наряд тотчас же направляется в ресторан. За столом — высокий широкоплечий темноволосый человек, с гордым лицом. Это Димитров. С ним двое, несколько помоложе. Полицейский предлагает Димитрову и его товарищам следовать за ним...

Арестованных Димитрова и его товарищей, болгарских коммунистов Благоя Попова и Василя Танева, в полицейской машине доставили в «следственную комиссию по делу о поджоге рейхстага». Там им сообщили, что полиция, дескать, имеет неопровержимые сведения об их связях с Ван дер Люббе и об их участии в поджоге рейхстага. Димитров ответил, что это чудовищная ложь и измышления и что он отвергает любые обвинения в сообщничестве с Ван дер Люббе и не подпишет никаких протоколов. Все, о чем он сочтет нужным сказать, будет им изложено в собственноручно написанном документе.

Из конспекта первой речи перед судом

Родился 18 июня 1882 года в Радомире, около Софии. Школу оставил после окончания второго класса. До 1904 г. работал наборщиком.

Сын рабочего класса Болгарии.

Вырос и получил воспитание в рядах революционного рабочего движения (работаю в этом движении с 15-летнего возраста).

В течение 30 лет член Болгарской коммунистической партии (раньше партия так называемых «тесняков» — левые социалисты).

В течение 23 лет — член ЦК Коммунистической партии Болгарии.

С 1904 по 1923 г. был секретарем Всеобщего рабочего профессионального союза.

С 1913 по 1923 г. был членом болгарского парламента от Софийского округа, а также представителем партии в Софийском муниципалитете и в Софийском окружном совете.

В то же время по поручению партии работал в качестве агитатора и публициста.

9 июня 1923 г. — военный путч...

Тысячи и тысячи крестьян, рабочих, интеллигентов убиты...

Все права и свободы народных масс уничтожены.

Установлен военно-фашистский режим.

Безграничное возмущение — восстание народных масс неизбежно.

23 сентября — восстание рабочих и крестьян под руководством коммунистической партии против мучителей народа и узурпаторов власти за рабоче-крестьянское правительство.

В этом восстании я, как уполномоченный моей партией, принимал активное и руководящее участие.

После семидневной вооруженной борьбы восстание было подавлено...

С тех пор, уже ровно 10 лет, я живу за границей

как политический эмигрант и политический писатель, без прописки, под чужим именем, так как и за границей противники угрожают мне убийством.

Через несколько месяцев после Сентябрьского восстания я был, как об этом тогда сообщалось в печати, *заочно приговорен к смертной казни*. Этот приговор мне никогда не пришлось увидеть собственными глазами.

Верно, что я большевик, пролетарский революционер. Я должен подчеркнуть: *пролетарский* революционер, так как ведь сейчас все происходит наоборот, даже германский кронпринц объявляет себя революционером, а попадают даже и такие сумасшедшие «революционеры», как, например, Ван дер Люббе!

Также верно, что я как член ЦК Болгарской коммунистической партии и член Исполкома Коммунистического Интернационала, *являюсь ответственным и руководящим коммунистом*.

И я вполне готов нести полную ответственность за все решения, документы и действия моей болгарской партии и Коммунистического Интернационала. Но именно поэтому я не авантюрист-террорист, не заговорщик и не поджигатель.

Далее, также совершенно правильно, что я — за пролетарскую революцию и за диктатуру пролетариата. Я глубоко убежден, что в этом — спасение и единственный выход из экономического кризиса и военной катастрофы капитализма.

И борьба за диктатуру пролетариата и за победу коммунизма бесспорно составляет содержание моей жизни. Я желал бы еще по крайней мере 20 лет прожить для коммунизма и затем спокойно умереть. Но именно поэтому я решительный противник методов индивидуального террора и путчизма.

И это отнюдь не из-за сентиментальных побуждений или гуманизма. В полном соответствии с нашим ленинским учением, решениями и дисциплиной Коммунистического Интернационала, являющимся для меня, как и для каждого настоящего коммуниста, высшим законом, я — *против индивидуального террора и заговорческих авантур с точки зрения революционной целесообразности*, в интересах пролетарской революции и коммунизма.

Я действительно являюсь *восторженным привержен-*

цем и поклонником Всесоюзной партии (большевиков), потому что эта партия управляет величайшей страной в мире — шестой частью земного шара — и так героически и победоносно строит социализм.

Но я никогда не был представителем Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) в Германии, как это мне хочет навязать обвинительный акт.

Мой единственный противозаконный поступок в Германии состоит в том, что я проживал без прописки и под чужим именем.

Но, к сожалению, я иначе жить не мог!

К поджогу рейхстага я не имею абсолютно никакого — ни прямого, ни косвенного — отношения. Поджигателя рейхстага Ван дер Люббе я вижу здесь, в этом зале, впервые. Когда утром 28 февраля в поезде, шедшем из Мюнхена в Берлин, я прочел в газетах о поджоге рейхстага, я сразу решил, что организаторами этого дела являются либо подлые провокаторы, либо умственно и политически ненормальные люди, во всяком случае, враги немецкого пролетариата и коммунизма.

Теперь я более склонен предположить, что поджог рейхстага — это антикоммунистическое деяние — возник на основе союза политической провокации и политического сумасшествия.

Устроители процесса чудовищной провокации с поджогом рейхстага отлично понимают, что Георгий Димитров, профессиональный революционер, один из руководителей антифашистского восстания 23 сентября в Болгарии, видный деятель Коммунистического Интернационала, — самая подходящая фигура, чтобы процесс стал поистине грандиозным и дискредитировал коммунистов в мировом масштабе.

И началась лихорадочная подготовка к хорошо разрабатываемому спектаклю. Шесть месяцев длится судебное следствие.

Георгия Димитрова переводят в берлинскую тюрьму Моабит, держат его на строжайшем тюремном режиме.

Большая часть его переписки не достигает адресов, ему не разрешают свиданий, даже с защитником. Отводятся все предлагаемые им кандидатуры защитников, право на выбор которых даже по немецким законам принадлежит ему. И наконец — наручники. С 4 апреля по 31 августа их не снимают с него ни днем ни ночью. И впоследствии Димитров пишет:

Только на четверть часа днем руки оставляли свободными для того, чтобы можно было одеться и принять пищу. Каждую ночь я просыпался от болей по двадцать, тридцать и пятьдесят раз.

И дальше пишет:

И особенно меня утешает превосходный афоризм Гёте:

Богатство потерять — немного потерять.

Честь потерять — много потерять.

Мужество потерять — все потерять!

В этих нечеловеческих условиях он готовится к будущему процессу, вырабатывая свою линию поведения. Он делает все возможное, чтобы предупредить мир о готовящемся фарсе. Пишет письма Анри Барбюсу, Ромену Роллану, Марселю Кашену, чтобы через них рассказать мировой общественности правду. Бомбардирует письмами следователя, когда у него хотят отнять последние, жалкие права заключенного. Борется и протестует, требует и настаивает.

После долгих проволочек ему наконец дают немецкий кодекс об уголовном судопроизводстве, и впоследствии на процессе, пользуясь им, он будет уличать председателя имперского суда в незнании законов. Получив учебник немецкой грамматики, он совершенствует свой немецкий язык, чтобы не пропустить ни одного слова на процессе. Изучает английский и французский языки. Запрашивает все книги по немецкой истории, какие есть в тюремной библиотеке, шекспировского «Гамлета» и стихи Гёте.

Титаническая работа ума, неимоверное, кажется, на первый взгляд, невозможное напряжение всех душевных сил. Но это позволит Георгию Димитрову, изолированному «почти герметически» от внешнего мира, прийти к процессу с блестяще разработанной и продуманной до мелочей тактикой поведения и выиграть этот поединок в борьбе с немецким фашизмом.

Из письма к Марселю Кашену
22 апреля 1933 г.

Г-ну депутату Марселю Кашену

Дорогой Марсель Кашен!

Хотя это и совершенно невероятно, но, к сожалению, это факт: с 9 марта 1933 г. я нахожусь под арестом, и притом по обвинению в том, что имел какое-то отношение к поджогу рейхстага.

...Ввиду того, что германская и иностранная пресса распространила неправильное утверждение, будто я имел связь с поджигателем рейхстага, утверждение, которое глубоко затрагивает мою политическую и личную честь как коммунистического писателя, члена ЦК Болгарской коммунистической партии и Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, я прошу вас сообщить общественности, в частности специально опубликовать, что:

Я никогда в моей жизни не видел, не встречался и не разговаривал с поджигателем рейхстага Ван дер Люббе и, конечно, не имел никакого — ни прямого, ни косвенного — отношения к поджогу рейхстага, к этому безумному, преступному поступку, враждебному народу и явно антикоммунистическому.

Для меня особенно важно, чтобы это мое категорическое заявление стало известно в самой Болгарии и чтобы болгарские соотечественники и друзья за границей узнали о нем.

Г. Димитров

Г-ну Ромену Роллану

Люцерн

Дорогой г-н Роллан!

Я чувствую себя обязанным выразить Вам свою искреннюю благодарность за Ваше решительное выступление в защиту моей невиновности.

...Рассмотрение дела наконец назначено на 21 сентября. Поскольку я не имею никакого отношения к поджогу рейхстага, то я с величайшим спокойствием и уверенностью ожидаю процесса, результатом которого, судя по всем обстоятельствам, должно быть мое освобождение.

...Я буду очень рад получить от Вас несколько строк и узнать о Вашем драгоценном здоровье и работе.

Привет нашему другу Барбюсу!

С сердечным приветом

Г. Димитров

Петр Григоров¹

Из воспоминаний о Г. М. Димитрове

Я впервые увидел его в каменном подземелье берлинской тюрьмы Моабит. Вид его меня поразил. Видимо, он перенес многие физические и моральные пытки. Но на лице его была непреклонность и решительность.

— Очень рад, — проговорил Димитров, встав навстречу мне. — Первое дружеское лицо, которое вижу в этой преисподней за многие месяцы страданий и унижений.

Нас сопровождали судебный следователь, секретарь и

¹ Петр Григоров — болгарский адвокат, который должен был защищать Димитрова, но фашистские власти не разрешили ему участвовать в процессе.

стенографистка, полицейский капитан и четверо дюжих агентов гестапо. Последние встали у двери, положив руки на топырившиеся по их бокам параллелы.

— Ни слова по-болгарски! — грозно распорядился судебный следователь. — Ни слова! Хорошенько запомните это.

Разговор шел о состоянии здоровья заключенного, его личных нуждах и о его семье.

Неожиданно по какому-то срочному делу судебный следователь на минутку отлучился. Он вышел со своим секретарем.

— Какие новости? Помнят ли меня товарищи? — спросил быстро Димитров по-болгарски.

— Очень хорошо помнят и надеются на тебя, — поспешил я ответить.

И прежде чем раздался грозный окрик капитана, всегда находчивый Димитров добавил:

— Чертовски трудно отвыкать от родного языка, особенно невозможно обойтись без него в разговоре о близких тебе людях.

Однако встреча на этом была прекращена. Судебный следователь догнал меня в коридоре и с досадой сказал:

— Что за чудак этот ваш соотечественник! Он преступник, а читает день и ночь книги по истории, философии, поэзии...

Я не стал ни в чем убеждать заурядного фашистского служаку. Мне просто не хотелось с ним разговаривать.

Через месяц после ареста Георгия Димитрова началось международное движение в его защиту.

Видные политики, писатели, юристы выражали свое возмущение. В Париже, в зале «Ваграм», проходят многотысячные митинги. Выступают писатели, политические деятели, требуя освобождения Димитрова. Выступает мать Георгия Димитрова, семидесятилетняя Парашкева.

Волнуются Париж, Лондон, бурлит Москва, вся Европа, весь мир.

Комитет по оказанию помощи жертвам немецкого фашизма образовал комиссию по расследованию дела о поджоге рейхстага. В комиссию во-

шли юристы многих стран мира. За пять месяцев работы комиссия выслушала показания свыше ста свидетелей и установила, что Ван дер Люббе не являлся членом Голландской коммунистической партии, как это представляли устроители провокации.

1 августа была опубликована «Коричневая книга», доклад комиссии по расследованию поджога рейхстага.

М. Сукманджиева

Директор Центрального музея Г. М. Димитрова в Софии

„Коричневая книга“

Вскоре после ареста фашистами Г. М. Димитрова и его товарищей 1 августа 1933 года в Париже на немецком языке вышла «Коричневая книга» под редакцией Ромена Роллана. Она не имеет автора. Ее создали многие люди различного происхождения и различных профессий. Это сборник документов и материалов, разоблачавших гитлеровцев как поджигателей рейхстага и рисовавших ужасающую картину фашистского террора в Германии.

Эта книга подлинно интернациональная. Издание ее поддержали антифашисты Англии и Франции, Голландии и Америки, Италии и Польши. Спустя несколько недель она была переведена на семнадцать языков и выдержала во многих странах по несколько изданий.

Ныне страницы ее пожелтели, и ее с трудом можно найти даже в крупных библиотеках Запада. Ибо фашисты ее преследовали, резали и жгли как своего страшного врага и обличителя.

«Впервые я взял ее в руки, — писал Г. Димитров, — уже будучи в Москве. Но задолго до этого я знал, что она существует. Ибо она была больше чем просто «книга». Она была оружием: элементом огромной борьбы двух миров...»

14 сентября в Лондоне начинается контрпроцесс. Открыл заседание английский юрист Денис Ноэлл Притт.

Денис Ноэлл Притт

Контрпроцесс в Лондоне

Мое первое непосредственное соприкосновение с деятельностью Димитрова относится к сентябрю 1933 года, когда я председательствовал на заседании проводившегося в Лондоне известного контрпроцесса по расследованию дела о поджоге рейхстага.

Мировая общественность с большим вниманием следила за его работой, но никто еще тогда не мог предположить о той огромной борьбе, какую поведет в последующие три месяца Георгий Димитров против фашистской провокации.

О контрпроцессе в свое время было написано много. Помню лишь, что в ходе разбирательства нами были собраны и опубликованы весьма ценные и неопровержимые доказательства о подлинных виновниках поджога — нацистах...

При каждой встрече с Димитровым меня покорила его искренность и дружелюбие. Как подлинно великий человек, он всегда с достоинством представлял класс, к которому принадлежал, будучи абсолютно лишен фальши и надменности, свойственных иным политикам. Почти в любых обстоятельствах Георгий Михайлович оставался жизнедеятельным и веселым, серьезным и деловым во всех своих поступках, прямым и сердечным в общении с людьми.

20 сентября 1933 года, за день до начала Лейпцигского процесса, был опубликован приговор контрпроцесса в Лондоне, в заключении которого говорилось:

1. Ван дер Люббе является не членом, а противником коммунистической партии.

Нет абсолютно никаких данных, свидетельствующих о причастности Коммунистической партии Германии к поджогу рейхстага.

2. Документы и другие материалы, находящиеся в распоряжении комиссии, говорят о том, что поджог был совершен не одним Ван дер Люббе.

3. Изучение всех возможностей проникновения в рейхстаг указывает на то, что поджигатели, по всей вероятности, пользовались подземным ходом, связывающим рейхстаг с рейхсканцлерством.

Так еще до начала процесса в Лейпциге был вынесен оправдательный приговор Георгию Димитрову и его товарищам и предъявлено обвинение гитлеровским вожакам, устроителям провокации с поджогом рейхстага.

В тот же день, 20 сентября 1933 года, это решение стало известно всей Европе. Всюду начались митинги и демонстрации в защиту Георгия Димитрова.

Но сам Георгий Димитров, отрезанный от мира в фашистской тюрьме, мог только догадываться обо всем происходящем.

Из фашистских газет он узнает о существовании «подстрекательского документа» и о его названии — «Коричневая книга». В дни процесса он увидит эту книгу на столе председателя суда и потребует ее у суда, ссылаясь на закон об уголовном судопроизводстве. Разумеется, просьба Димитрова была отклонена, а книга названа политическим «памфлетом».

После многомесячной подготовки 21 сентября 1933 года в Лейпциге начался процесс о поджоге рейхстага. «Процесс века», как его назовут впоследствии. Большой зал заседаний имперского суда заполнили руководители эсэсовских и штурмовых отрядов, «сливки общества» гитлеровской Германии.

Прожекторы. Восемьдесят два зарубежных корреспондента, сорок два немецких. Заседание передается по радио.

Утром к зданию подъехала колонна автомобилей с вооруженными до зубов полицейскими. Они препровождали в зал суда обвиняемых.

...Ровно в 9 часов в зал суда входят судьи и прокуроры. Чопорные господа в красных мантиях вскидывают руки в гитлеровском приветствии. Все присутствующие отвечают тем же.

Председательствует доктор Бюнгер. Обвинение поддерживает прокурор доктор Паризиус. Здесь же присутствует следователь Фогт. Об этом следователе Димитров написал в своем дневнике: «Годен для ведения мелких уголовных дел. Для исторического процесса перед мировой общественностью слишком мелок. Мелочен, идиот. Будь он умнее, он должен был бы после наших первых столкновений руками и ногами бороться за то, чтобы я не предстал перед судом».

Но гитлеровское правительство хотело, чтобы все выглядело правдоподобно и как можно сильнее действовало на воображение немецкого обывателя. Обвинительное заключение составлено больше чем на двухстах страницах, но это — единственное, что придавало ему весомость. Его не смогли не только опубликовать, но даже огласить в суде. «Его опубликование, — отмечал Димитров, — было бы для меня наилучшей защитой. Во всяком случае, я убежден, что мое положение как обвиняемого по этому делу несравненно легче, чем положение прокурора, который должен представлять обвинение на суде и перед общественным мнением и отвечает за него. Я ему отнюдь не завидую».

Процесс начинается по задуманному плану. 21 сентября допрос подсудимого Ван дер Люббе. Многословный на предварительном следствии, сейчас он односложно отвечает «да» и «нет». Вид у него абсолютно слабоумного. Вызываются многочисленные свидетели обвинения. В зале то и дело слышны слова «поджог», «сигнал к восстанию», «коммунистическая провокация»...

Димитров внимательно следит за ходом процесса.

22 сентября. Процесс идет по задуманному плану. Передача по радио продолжается. Опять звучат слова из уст многочисленных свидетелей: «восстание», «компартия».

23 сентября. Третий день процесса. Допрос подсудимого Димитрова. В зале суда словно взрыв бомбы. Первое выступление Димитрова — и процесс из инсценировки, задуманной фашистами, превращается в судилище над фашизмом.

День 23 сентября 1933 года случайно совпал с десятой годовщиной Сентябрьского восстания. И Георгий Димитров учел это обстоятельство. Суду придется выслушать урок по стратегии и тактике коммунистического движения.

Суд растерян. Радио прекращает трансляцию.

Иностранные корреспонденты бросаются к телефонным кабинам, передавая: «Димитров не отвечает на вопросы — он атакует!», «Это законченный психолог», «блестящий мыслитель-диалектик, совершенный стратег и тактик».

А Димитров говорит, где следует искать подлинных поджигателей рейхстага.

Михаил Кольцов

Из цикла статей „Димитров обвиняет“

Беспримерное зрелище

23 сентября 1933 года

Спокон веку принято сравнивать с театральным представлением всякий нечестно сфабрикованный судебный процесс, используемый для политических провокаций и обмана широкой публики. Но представления бывают разные. По-разному весело бывает в зрительном зале, на сцене и за кулисами.

Трагическая пьеса, какую вздумали поставить и разыграть на подмостках Верховного суда в Лейпциге, пугает и нервирует прежде всего самих постановщиков.

Оттого еще за два дня до начала суда город превращен в вооруженный лагерь. Легионы полиции, жандармов, штурмовиков непрерывным потоком движутся по улицам на грузовиках и в автомобилях, мотоциклах, в конном и пешем строю.

Из боковых улиц выходят на главные угрюмые процессии обтрепанных людей и плачущих женщин в тесном кольце полицейских винтовок. Это жертвы новых и новых облав в рабочих кварталах. Совершенно фантастическое число арестов произведено среди рабочих-печатников. Это понятно: Лейпциг — мировой типографский центр. Наперекор всем ухищрениям и кровавым расправам фашистских палачей Лейпциг оказался к моменту процесса наводненным боевыми листовками компартии, разоблачающими смысл судебного обмана и подлинных поджигателей рейхстага.

На многих перекрестках ночью появились революционные надписи.

Надо удивляться силе классового мужества неведомых подпольных смельчаков, рисковавших жизнью буквально за каждую букву своих надписей в этом городе, прослоенном полицией, шпионами, вооруженными погромщиками.

Даже обладателей входных билетов в зал заседания суда, стократно проверенных и профильтрованных заранее, — даже их подвергают поголовному личному обыску при входе. Случай единственный за всю всемирную историю судебных процессов от царя Соломона!

В переполненном молчаливом зале сидят на скамье подсудимых три болгарских товарища. Впервые со времени ареста посаженные вместе, они приветственно переглядываются.

Ван дер Люббе в синем арестантском платье, с кандалами на руках тупо, неподвижно смотрит себе под ноги. Медленно поворачивая дегенеративное лицо, тяжело подыскивая слова, Ван дер Люббе отвечает на вопросы.

Какое жалкое, страшное впечатление производит этот человеческий подонок, на котором фашистская юстиция хочет построить ответственнейший политический процесс!

Каким убогим цинизмом надо обладать, чтобы посадить рядом с этим бандитом заслуженных революционных бойцов!

Председатель готов на любые уступки. Пусть Ван дер Люббе не состоял в партии. Может быть, он сочувствовал коммунизму? Или все-таки интересовался подобными идеями? Председатель готов на немногое. Но дело совсем не подвигается.

Зал тоскливо прислушивается. Какая в самом деле страшная задача — превратить жалкого полицейского подкидыша в центральную оперативную фигуру «коммунистического заговора»!

Недаром в конце первого дня процесса председатель Бюнгер предлагает растерянному голландцу «хорошенько подумать», — по-видимому, с тем чтобы завтра сказать, что он все-таки связан если не с коммунистами, то с коммунизмом.

Фашистские уши голландского провокатора прикрыты лейпцигским трибуналом. Прикрыты плохо. Торчат напоказ всему миру.

Обвинение идет от провала к провалу

25 сентября

Третий день процесса — третий день нарастающего скандального провала обвинения начинается повальной проверкой всех присутствующих в зале. Личному обыску подвергаются также поголовно все журналисты, в особенности представители иностранных газет. Протесты не помогают. Секретариат суда отвечает, что это делается... для «общей безопасности».

Эта полицейская мера, лишний раз свидетельствующая о растерянности организаторов процесса, все же не спасает обвинение от провалов, следующих один за другим.

Показания Димитрова, его великолепное мужество пролетарского революционера сразу выбивают из колеи фашистское судилище. Какая это потрясающая картина: с одной стороны — откормленное, вооруженное до зубов, торжественно разодетое, расшитое золотом полчище тю-

ремщиков и палачей; с другой стороны — человек с мертвенно-бледным лицом, на котором светятся умные, насмешливые, спокойные глаза. С каким достоинством и превосходством отвечает он нервозному председателю в шелковой мантии! Как дергается на кресле г. Бюнгер после каждого слова своего беззащитного пленника!

Когда Димитров заявляет, что «взрыв Софийского собора был совершен не коммунистами, а болгарским правительством и подобным же образом теперь поступают в Германии», председатель нервно прерывает Димитрова.

Не обращая внимания на угрозы председателя, Димитров громко заявляет: «В течение шести месяцев меня держали без всякой вины в тюрьме закованным в кандалы».

Категорически отвергая обвинение в участии в поджоге рейхстага, Димитров разоблачает метод предварительного следствия, заявляя, что германские власти пытались собрать обвинительный материал против него, нагромоздив одну фальшивку на другую. «Компартия, — говорит Димитров, — отвергает индивидуальный террор».

Не случайно отмечает вся иностранная печать, что Димитров явно не питает никакого уважения к фашистскому судилищу. Не обвиняемым, а обвинителем выглядит Димитров, когда он прерывает прокурора во время чтения обвинительного акта и заявляет, что сегодня он только впервые слышит большинство обвинений, содержащихся в обвинительном акте.

Димитров разоблачает также комедию «защиты», заявляя, что Тейхерт — официальный защитник Димитрова — ничего не предпринял для получения необходимых материалов для защиты. Тейхерту нечего возразить Димитрову. Он мямлит что-то невразумительное о том, что он собирал лишь «такой материал, который ему казался необходимым».

Допрос Попова не облегчает положение суда ни в какой мере. Все попытки суда как-нибудь «поймать» Попова терпят провал. Попов категорически отвергает обвинение. Его точные и ясные показания не дают никакого материала для провокации.

Насколько затруднительно положение организаторов Лейпцигского процесса, можно судить по пущенной германскими источниками версии о возможности отсрочки

процесса ввиду... неудовлетворительного состояния здоровья Ван дер Люббе, неожиданно потерявшего аппетит.

Сейчас трудно еще сказать, что побудило организаторов процесса лишить Ван дер Люббе аппетита: стремление ли прекратить вообще всю эту незадачливую инсценировку или желание выиграть время. Так или иначе, но режиссура лейпцигского судилища стоит перед неприятным выбором: либо пойти на полный провал, отказавшись от продолжения процесса, либо пойти на цепь следующих один за другим провалов в случае продолжения процесса.

Обвиняемый разоблачает „судей“

26 сентября

Четвертый день процесса начался с опозданием на целый час, так как «защитник» Зак не мог ранее прибыть в суд.

В обычных условиях даже буржуазного суда, конечно, опоздание защитника отнюдь не причина для отсрочки заседания. Но ведь процесс необычный, и защитники тоже далеко не обычные, в особенности доктор Зак, которому поручена «защита» одного из обвиняемых.

Зак — один из самых ретивых помощников фашистского суда. Он себя проявил в качестве такового уже во время допроса Ван дер Люббе, когда свидетель бургомистр города Броквина Кейль подверг сомнению утверждения свидетеля национал-социалиста Зоммера о том, что посетивший Зоммера в 1932 году человек был не Ван дер Люббе. Кейль, как известно, заявил, что из разговора с Зоммером он вынес убеждение, что посетитель Зоммера был именно Ван дер Люббе.

Зак коршуном накинулся на свидетеля. «Позвольте,— заявил тогда Зак,— вы дали присягу. Разве депутат Допперт не от вас получил материал, который послужил для запроса в саксонском ландтаге и который был опубликован в «Коричневой книге»? Не вы ли сами были автором известной телеграммы имперскому суду?»

«Защитник» Зак, как явствует из этого допроса, не скупится на угрозы. Шантажируя свидетеля, Зак дает ему

понять, чем грозит авторство в «Коричневой книге». Заявлено стремление добыть для суда нужные показания. Но Зака постигает та же неудача, что и председателя суда, ибо свидетель отвечает отрицательно на все каверзные вопросы «защитника».

Для четвертого дня характерно то, что по существу инициатива опять часто переходила к Димитрову.

По предложению защиты суд допустил в качестве свидетельницы сестру Димитрова, которая давала показания на болгарском языке. Точно так же, как при допросе Попова, переводчик пытается исказить показания, но тут энергично вмешивается Димитров, заявляющий, что переводчик неточно переводит. На этой почве происходит ряд конфликтов между Димитровым и председателем суда.

После допроса сестры Димитрова допрашивается Танев, который показывает, что он дважды был приговорен в Болгарии к 12½ годам каторжных работ за принадлежность к компартии. На вопрос, какие функции исполнял Танев в ЦК Болгарской компартии, обвиняемый отказывается отвечать.

Трюк с лишением аппетита Ван дер Люббе, по-видимому, не выгорает. Хотя германская печать сегодня также сообщает о его подавленном состоянии, но появились и другие нотки. Дело в том, что в одной из шведских газет появилось сообщение лейпцигского корреспондента газеты, присутствовавшего на процессе, о том, что «Ван дер Люббе умирает». Вся заметка была озаглавлена: «Ван дер Люббе умирает, — не отравлен ли он?»

Такой поворот дела, по-видимому, оказался невыгодным для режиссуры процесса. Немедленно же в германской печати появилось сообщение, что защитник Ван дер Люббе — Зейферт посетил своего подзащитного в тюрьме и нашел его в прекрасном настроении духа, не имеющего ничего общего с тем подавленным состоянием, которое он проявляет на процессе. Зейферт узнал также, что Люббе «прекратил голодовку».

Что означает эта путаная галиматья, распространяемая германской прессой, догадаться не очень трудно. Сами то-

го не замечая, авторы этих заметок выдали себя с головой. Очевидно, «голодовка» Ван дер Люббе — один из многочисленных мифов, созданных в связи с процессом.

Новые разоблачения тов. Димитрова

27 сентября

Новый порядок допроса Ван дер Люббе, введенный с сегодняшнего дня, вызывает всеобщее удивление международной печати. Главный обвиняемый отныне ничего не говорит сам, а только слушает, что за него показывает полиция и официальные «свидетели». При этом ему предоставляется делать свои «реплики»: кивать головой положительно или отрицательно. При таком методе допроса теряются последние возможности получить от Ван дер Люббе какие-либо заявления из его собственных уст.

Сегодня суд «допросил» полицейского комиссара и следователей, допрашивавших Ван дер Люббе на предварительном следствии. Эти показания, конечно, полностью совпадают с официальными материалами следствия.

Перед началом допроса разыгрывается любопытная сцена. Судебные власти разрешили одному шведскому врачу и корреспонденту амстердамской газеты «Телеграф» посетить Ван дер Люббе в тюрьме. Выступив в качестве «свидетелей», эти лица показали, между прочим, что с Ван дер Люббе тюремные власти обходятся «лучше, чем с другими заключенными».

Полицейский Гейзиг вторично повествует о том, что говорил Ван дер Люббе в ходе предварительного следствия. Гейзиг утверждает, якобы Ван дер Люббе высказывал «коммунистические тенденции».

Полицейский Цирпиус говорит, что Ван дер Люббе произвел инкриминируемые ему поджоги один.

Третий полицейский, выступающий в роли свидетеля, Маровский, утверждает в противовес общеизвестным фактам, будто бы Ван дер Люббе заявлял на допросе, что он «коммунист». При этом он добавляет, якобы Ван дер Люббе называл ему фамилии отдельных коммунистических депутатов германского рейхстага.

Суд с радостью воспринимает эту удивительную «улику». Но в дело вмешивается Димитров, задающий вопрос Маровскому: «С какого времени приглашался на допросы Ван дер Люббе переводчик?»

По предложению фашистского «защитника» Зака председатель суда Бюнгер спрашивает Димитрова о цели этого вопроса. Димитров возражает: «Потому что при моих допросах с самого начала присутствовал «переводчик», хотя я хорошо знаю немецкий язык».

Тов. Димитров спрашивает дальше: «Спрашивал ли Маровский Ван дер Люббе на допросе обо мне?»

Маровский вынужден сделать признание:

«Я не называл имен. Но я показывал Ван дер Люббе фотографии остальных обвиняемых, и он утверждал, что этих людей не знает».

Взбешенный председатель Бюнгер вопит истерическим голосом:

«Димитров! Мое терпение исчерпано! Лишаю вас права задавать вопросы свидетелям!»

Вчера вечером находящиеся в Лейпциге высшие чиновники германского министерства пропаганды собрали всех представителей германской печати, присутствующих на процессе. Они категорически запретили им давать какие-либо комментарии к судебным отчетам. Начальство приказало излагать эти отчеты «сдержанно».

По-видимому, в целях подобной «сдержанности» корреспондентам запрещено передавать реплики подсудимых, особенно Димитрова.

А. Курелла

Обвиняемый становится обвинителем

В своей книге «Пожар рейхстага» корреспондент «Таймс» Дуглас Рид пишет: «В конце процесса его личность господствовала над судом, хотя вначале атмосфера была явно враждебна ему».

После процесса весь мир говорил: «Димитров был не обвиняемым, а обвинителем!» Но такой вывод возникал постепенно. На самом процессе Димитров ни разу не произнес, говоря о себе, слова «обвинитель». Сам он никогда публично не именовал себя им. Наиболее резкой формулировкой, которую он употребил для характеристики своей роли на процессе, явилось слово «кредитор»...

Корреспондент будапештской газеты «Пештер ллойд» уже 25 октября счел возможным написать: «Он мог бы занимать место не на скамье подсудимых, а рядом с верховным прокурором — таково его поведение на процессе и так он действует».

Но таким общепризнанным обвинителем Димитрову по началу еще предстояло стать. Это превращение — от начала и до конца — дело его собственных рук.

На первый взгляд поведение Димитрова на процессе производило впечатление вполне цельной, планомерной системы. Но это было верно лишь наполовину — в действительности оно являлось сочетанием планомерности и импровизации.

Димитров сумел наметить только общий план своей политической защиты. Она коренилась в политическом анализе нацистской провокации, а основные линии этой защиты намечены в его заявлениях полицейским и судебным следственным властям от 20 марта и 30 мая 1933 года.

Но преобладающая часть материала, в которой нуждался Димитров для осуществления своей защиты, оставалась неизвестной ему вплоть до начала процесса. Он изучил обвинительный акт. Но относительно общего хода политического развития после ареста Димитрову было известно только то, что он смог вычитать из доступной ему нацистской прессы. Весь остальной материал приходилось собирать во время процесса: единственным источником являлись события, происходившие в самом зале суда, да комментарии нацистских газет. Поэтому он и следил за слушанием дела с таким вниманием, как никто другой в зале.

...Таким образом, во время процесса Димитров заранее продумывал все свои вопросы, предложения и требования, но их формулировка как устная, так и письменная, являлась импровизацией. Димитров, как он однажды выразился, постоянно держал свои карты при себе и пользовался любой возможностью сделать нужный ход. Иногда он зара-

нее решал обязательно задать тот или иной вопрос, а иногда — когда представлялся удобный случай. Но именно потому его вопросы в большинстве случаев и были такими разящими и меткими.

Однако было бы неправильно охарактеризовать роль Димитрова только как роль обвинителя. Обвинителем он мог стать, лишь являясь — и притом прежде всего — защитником и следователем.

Как защитник он выступал вполне открыто в течение всего процесса, официально заявив об этом.

Еще во время своего первого допроса 23 сентября Димитров говорит:

«Я здесь для того, чтобы защищать коммунизм и самого себя».

Он публично клеймит попытки лишить его права на защиту. Когда после переноса заседаний в Берлин д-р Бюнгер 10 октября объявляет, что суд вновь назначил Тейхерта официальным защитником болгар, Димитров перебивает его и громко бросает в зал:

«Я защищаю себя сам, господин председатель».

На следующий день, 11 октября, Димитров пытается задать вопрос в связи с выездом суда в рейхстаг для осмотра места преступления. Председатель не разрешает, говоря, что он злоупотребляет правом задавать вопросы. Но Димитров не успокаивается и, когда председатель лишает его слова, восклицает:

«Я не только обвиняемый Димитров (Председатель: «Молчите!»), но и защитник Димитрова»...

Когда же к концу процесса д-р Бюнгер попытался указать ему, что он должен защищать только себя, а не коммунизм и Коминтерн, Димитров ответил:

«Я уже сказал ранее, что защищаю себя как коммунист, а именно — веду политическую защиту. Полагаю, что коммунизм и Коммунистический Интернационал в моей защите не нуждаются. Но важно установить, что Коммунистическая партия не имеет ни малейшего отношения к пожару рейхстага...»

Во вторую очередь Димитров защищал самого себя. Но не просто ради спасения собственной головы, а ради того, чтобы снять с себя, как революционера, а следовательно, с коммунизма, порочащее его честь обвинение в участии в этой провокационной, антикоммунистической аванюре...

Но обстановка, в которой протекал этот единственный в своем роде процесс, не только ставила известные границы поведению Димитрова на суде, но и предписывала определенные формы.

Зал суда являлся для Димитрова не ареной поединка между ним и обвинением. Нет, зал суда был для него общественным форумом, который он превратил в важный участок фронта борьбы социализма против фашизма...

По опыту первых дней Димитрову приходилось считаться с тем, что судьи, включая и председателя, станут чинить ему все мыслимые препятствия. До самого конца процесса он так и не знал, будет ли у него возможность произнести большую обобщающую речь. Поэтому он старался все, что пужно было ему сказать, — разоблачения, факты, заявления и описания — распределить на весь процесс, преподносить малыми дозами в самой краткой форме, причем делать это всегда в связи с вопросами, так как это единственная форма, разрешенная обвиняемому уголовно-процессуальным кодексом. Надо было в ходе процесса прощупать все возможности для этого. Но д-р Бюнгер неизменно прерывал его:

«Стойте! Довольно! Садитесь!»

«Стоп! Предупреждение: вступление окончено. Теперь или задавайте вопросы, или садитесь; ничего другого здесь не разрешается...»

Существовала опасность, что своим неосторожным поведением он может потерять возможность присутствовать на судебных заседаниях и участвовать в них.

Этим и объясняется, что в течение всего процесса Димитров ни разу прямо не назвал национал-социалистов поджигателями, хотя сам ни в малейшей степени не сомневался в этом...

Чтобы выбить у суда почву из-под ног и не дать заткнуть себе рот, Димитров пользовался различными поводами для «заявлений о своей лояльности»...

25 ноября, когда вновь возникает критический момент, Димитров четко определяет свое отношение к суду. Это происходит в связи со ставшим знаменитым заявлением д-ра Бюнгера:

«Недавно одна иностранная газета написала, что, собственно, не я, а вы ведете процесс. Я должен опровергнуть это, по отсюда вы видите, что ваше поведение производит

такое впечатление, будто вы хотите здесь председательствовать... Я должен следить за тем, чтобы вы строго придерживались установленного мною порядка слушания дела».

На это предостережение, явившееся замаскированной угрозой, Димитров отвечает:

«Могу лишь заявить, что я, как обвиняемый, стоящий перед имперским судом, знаю только одного начальника — это председателя сената. — И тут же с явной иронией добавляет: — Так вот, я и прошу моего начальника дать мне возможность защищаться...»

Намерения суда лишить Димитрова возможности участвовать в заседаниях на данном этапе не были серьезной преградой, так как в ходе процесса сенат вскоре сам стал в известной мере заинтересован в его присутствии. Реакция заграницы доказала, что его удаление из зала суда было палкой о двух концах. После своего удаления 11 октября Димитров направил председателю суда письмо: он считает, что должен держать себя перед имперским судом как политический подсудимый, а не как солдат в казарме или военнопленный в концентрационном лагере, и протестует против произвола суда. Димитров подчеркивает: никакие удаления не могут его запугать. Письмо заканчивается словами: «Если все же такое нетерпимое для меня обращение будет продолжаться, тогда — я должен об этом прямо заявить — я буду вынужден подумать, независимо от возможных последствий, имеет ли смысл вообще появляться дальше перед судом».

Письмо возымело успех: Димитрова вновь допускают на заседания суда, и в течение двух недель не следует ни одного нового удаления.

Все эти обстоятельства и обуславливали особенности тех формулировок, которые выбирал Димитров. Ограничиваемый со всех сторон, он должен был все-таки найти пути, чтобы быть услышанным массами,

Георгий Димитров обвиняет преступника Геринга

День 4 ноября 1933 года навсегда вошел в историю, как большая памятная дата. В этот день Георгий Димитров величайшим усилием воли окончательно изменил течение Лейпцигского процесса, превратив его из суда над революционерами в суд над организаторами процесса — фашистскими авантюристами. Со скамьи подсудимых он учинил допрос самому Герингу, который совершил одну из крупнейших ошибок за свою карьеру, решившись явиться в суд в качестве свидетеля.

Геринг рассчитывал своим появлением в зале суда укрепить позиции обвинения, столь подорванные всем ходом предыдущего судебного разбирательства. Он думал, что ему удастся терроризировать Димитрова и заставить его покорно склонить голову перед палачами.

Вышло иначе. Димитров с первых же минут этого изумительного поединка, происходившего на глазах растерявшихся от неожиданности судей, захватил инициативу в свои руки и перешел в стремительное наступление на Геринга. Геринг был разбит, разгромлен Димитровым, и это предопределило весь дальнейший ход и исход процесса. Тщетно попытался несколько дней спустя Геббельс поправить дело своим появлением в суде, — Димитров сразил и его. В конце концов суд был вынужден отказаться от обвинения.

Это была великая победа сил демократии над силами фашизма. Это была победа прогрессивного общественного мнения, требовавшего во всем мире освобождения облыжно обвиненных деятелей. Это была победа коммунистических партий, поднявших рабочий класс всех стран на борьбу за спасение революционеров, над головами которых фашистский палач уже занес свой топор. И это была победа Георгия Димитрова, который мужественно вел борьбу против фашизма со скамьи подсудимых, превратившись из обвиняемого в прокурора.

В день 4 ноября двум советским журналистам, работавшим в то время в Берлине,— представителю ТАСС Беспалову и корреспондентке «Известий» Л. Кайт — было дозволено посетить процесс по случаю появления в этом зале самого Геринга. Самоуверенный руководитель фашистской пропаганды Геббельс, видимо, надеялся, что это будет день триумфа его коллеги, и он решил сделать советских журналистов свидетелями столь сенсационного события.

Этой ошибке Геббельса мы и обязаны тем, что советским журналистам удалось запечатлеть для истории день позорного поражения Геринга в поединке с Димитровым. Ниже мы приводим выдержки из описания заседания лейпцигского трибунала, составленного по сообщениям гг. Беспалова и Кайт, опубликованным в «Правде» и «Известиях» в те дни.

Для того чтобы попасть в помещение, где заседал суд 4 ноября, необходимо было пройти через большие кордоны полиции, находящейся в полном вооружении; внутри здания также находилось огромное количество полиции. Повсюду, во всех помещениях, были расставлены ширмы, разделяющие комнаты на отдельные секторы, занятые целыми отрядами полиции в полной форме, а также и в штатском. Эти усиленные мероприятия полиции были вызваны тем, что в этот день сам Геринг должен был выступить в суде в качестве свидетеля. Появление Геринга послужило поводом к тому, чтобы многочисленные виднейшие политические деятели явились на заседание в качестве почетных гостей. Так, например, в зале заседаний находились американский посол в Берлине, министр хозяйства Шмидт, прусский министр юстиции Керрль, берлинский полицей-президент Леветцов и др.

Геринг обстоятельно изложил первые мероприятия, осуществленные национал-социалистами после захвата власти 30 января 1933 года. Разъясняя, почему национал-социалистская партия в тот момент не запретила компартию Германии, Геринг заявил, что запрет компартии привел бы лишь к тому, что коммунисты перешли бы на нелегальное положение.

Он рассказал, что для борьбы с коммунизмом им был создан «действительно пригодный полицейский аппарат». Тут же Геринг заявил, что уже 1 февраля он твердо решил «уничтожить коммунизм» и что такова была непосредственная директива, данная ему Гитлером.

«Я сожалею,— воскликнул Геринг,— что известная часть коммунистического руководства временно спаслась от виселицы. Мой план заключался в том, чтобы получить их всех и разбить их в тот момент, который мне казался бы подходящим. Я хотел, чтобы нападение началось со стороны коммунистов».

Здесь трудно было не усмотреть решительного противоречия у Геринга: Геринг заявил, что пожар рейхстага якобы помешал стратегическому плану национал-социалистов, так как они выжидали выступления коммунистов после аннулирования мандатов. Но ведь поджог рейхстага как раз и изображался национал-социалистами как выступление компартии!

У верховного прокурора Вернера больше нет вопросов к Герингу, и тогда подымается с места Димитров, что производит в зале большое волнение. Напряжение достигло кульминационного пункта.

Димитров хочет сначала узнать, говорил ли Геринг с начальником берлинских штурмовиков графом Гельдорфом о тех мероприятиях по отношению к компартии, которые он раскрыл на сегодняшнем заседании. Димитров заявил, что Гельдорф недавно в своих свидетельских показаниях, которые он дал на процессе, сказал, что он действовал по собственной инициативе в ночь пожара рейхстага и своей властью приказал произвести аресты социал-демократических и коммунистических руководителей и активистов.

Геринг отвечает: «Когда Гельдорф услышал о пожаре, ему было так же ясно, как и мне, что поджигателями являются коммунисты. Я сказал тогда, что он должен мобилизовать штурмовые отряды, и я оформил в виде государственного приказа то распоряжение, которое Гельдорф произвел по собственной инициативе».

Димитров. В ночь пожара были ли еще какие-либо разговоры между Герингом и Гельдорфом?

Геринг. Да, он пришел ко мне.

Димитров. Карване, Фрей и Кройер дали показание,

что они были в прусском министерстве иностранных дел и там сделали сообщение о своих наблюдениях о том, что произошло двадцать седьмого февраля в послеобеденные часы. Говорили ли эти свидетели лично с господином премьер-министром?

Геринг. Нет.

Димитров. Знали ли вы об их показаниях?

Геринг. После того, как они сделали показания... В день после пожара...

Димитров. Утром или после обеда?

Геринг. Это могло быть до или после обеда...

Димитров (*торжествуя*). Но ведь эти три свидетеля категорически заявили, что они дали свои показания после полудня!

Геринг (*раздраженно*). Три человека пришли в министерство и дали свои показания перед другими чиновниками. Я не мог этого почуять. Я получил сообщение после обеда или до обеда, я не помню...

Димитров спрашивает дальше: на каком основании было сделано Герингом 28 февраля заявление, в котором говорилось, что пожар рейхстага является делом рук компартии, так как Ван дер Люббе якобы имел при себе в кармане членский билет, подтверждающий его принадлежность к партии? Ведь три чиновника уголовной полиции дали показания, что у него не было такого билета!

Геринг (*иронически*). Я не читал отчетов о процессе, а лишь слышал, что Димитров — особенно хитрый человек. Вы могли слышать, что я уже сказал, что я не занимался всем следствием. Чиновники, которые сообщили о партийном билете Ван дер Люббе, вероятно, ошиблись.

Димитров. Установлено, что ночь накануне пожара Ван дер Люббе провел в Кенигсдорфе и там познакомился с лицами, имена которых еще не известны. Что было вами сделано как министром внутренних дел двадцать восьмого и двадцать девятого февраля для того, чтобы установить, каким путем произошел поджог и как Ван дер Люббе проник в рейхстаг?

Геринг отвечает, что он дал общие указания полиции искать следы во всех направлениях.

Димитров. Вы заявили, что рейхстаг подожгли коммунисты. Не повлияла ли на полицейское расследование эта ваша установка?

Геринг. Полиции было поручено повести расследование во всех направлениях. Я, как министр внутренних дел, дал общие указания, а установление деталей и фактов — дело полиции. Деятельность компартии, ее преступное мировоззрение говорили за то, что искать надо именно в этом направлении...

По мере того как развивался этот поединок, атмосфера накалялась все больше и больше. Но подлинный взрыв произошел в тот момент, когда Димитров, смело приняв вызов Геринга, с гордостью заявил, что коммунисты ведут и будут вести борьбу против фашизма.

Председатель суда попытался оборвать Димитрова. Он закричал, что запрещает ему вести в зале заседаний коммунистическую пропаганду. Димитров в ответ спокойно заявил: «Это Геринг ведет здесь национал-социалистскую пропаганду. Коммунистическое мировоззрение не является преступным!»

Геринг в состоянии огромного возбуждения раздраженно закричал, обращаясь к Димитрову: «Я пришел сюда не для того, чтобы вы меня попрекали! Вы мошенник, который давно уже должен был болтаться на виселице! Вы для меня являетесь одним из преступников, которые подожгли рейхстаг».

Председатель суда растерянно пробормотал, повернувшись к Димитрову: «Вы можете не удивляться, что свидетель выходит из себя, если вы ставите такие агитационные вопросы...»

Димитров. Я очень доволен.

Председатель суда лишает Димитрова слова, после чего Димитров громко и отчетливо заявляет, прямо обращаясь к Герингу: «Вы боитесь моих вопросов, господин министр!»

Геринг *(в состоянии максимального возбуждения)*. Вы мошенник! Вы еще попадетесь мне, когда выйдете из тюрьмы!

Испуганный председатель суда заявляет, что Димитров исключается на три дня из зала заседаний. Когда же Димитров пытается что-то сказать, Бюнгер предлагает полицейским вывести его из зала суда. Двое дюжих полицейских уводят Димитрова. Багровый и потный Геринг покидает зал. Он проиграл это политическое сражение. Он проиграл процесс. Димитров оказался победителем...

Димитров и Геринг

*Статья Юлиуса Фучика, опубликованная
в журнале „Творба“ 9 ноября 1933 г.*

Схватка между подсудимым, коммунистом Димитровым, и фашистским «свидетелем» Герингом в имперском суде—это событие, внесенное сегодня в великую историю. Постановка была плохо подготовлена национал-социалистскими режиссерами, и суд, издерганный все время возникающими в результате этого скандалами, хорошо сознавал значение подобной встречи. Вот почему, когда стало известно, что Геринг намерен выступить в качестве свидетеля, суд начал подыскивать удобный повод, чтобы удалить Димитрова из зала суда и избавиться от него до появления Геринга.

Геринг не оценил доброй воли и опытности суда. Придя после укола морфия в приподнятое настроение, он приказал, чтобы Димитров, за день до этого удаленный из зала суда, был возвращен и смог присутствовать на его, Геринга, «допросе», присутствовать на суде, который, по существу, является организованной им самим политической провокацией.

Димитров пришел. Выступил Геринг. Может быть, никогда до сих пор не вставали так друг против друга два мира, столь ярко воплощенные в этих двух личностях. Давая «свои свидетельские показания», Геринг насмехался над утверждением, содержащимся в «Коричневой книге», о том, что он поджег рейхстаг. Насмехался, но не смог опровергнуть. Геринг насмехался над теми, кто изображал его Нероном, «закутанным в тогу из синего шелка», но показал, что он большой безумец, нежели римский диктатор — дегенерат и поджигатель.

Обычно правители капиталистического мира пытаются по крайней мере ловкими фразами прикрыть свою бессильную вражду, свою свирепую ненависть к революционному пролетариату, коммунистам и Советскому Союзу. Геринг этого не сумел сделать. Для того чтобы изрыгать грубость и бешеные угрозы по адресу коммунистов, Геринг даже не

смог найти подходящие слова. Никогда и ни один официальный представитель буржуазии не выражался прямолинейнее. Буржуазия всего мира может рукоплескать его напыщенным возгласам, его высказываниям о «Коричневой книге», пролетарской революции, стране рабочих.

Ведь Геринг выразил то, что чувствует буржуазия! Ведь на этом большом международном форуме (процесс о поджоге рейхстага в действительности является международным форумом) он сказал то, о чем буржуазия пишет на страницах принадлежащих ей газет, о чем, может быть, с большей осторожностью, но точно с такой же злобой она приказывает говорить своим менее официальным представителям на собраниях и во время каждой из очередных антикоммунистических кампаний.

Геринг называл коммунистов убийцами, преступниками, гангстерами, сбродом. Разве вы уже не встречали подобных слов на страницах «Народни листи», «Венкова», «Ческе слово», «Право лиду»? Геринг называл коммунистов злодеями, которые заслуживают виселицы. Разве «Венков», «Народни листи», «Право лиду», «Ческе слово» сегодня, как и в любой другой день, не кричат о том, что необходимо использовать государственный аппарат для самой жестокой ликвидации коммунистической опасности? Геринг грубо набрасывался на Советский Союз и называл его страной обанкротившейся экономики. А разве вы не читали многочисленных корреспонденций в «Право лиду», «Ческе слово», «Народни листи», «Венкове» о голоде в СССР, о финансовых трудностях в стране пролетариата, о существующей там нищете?

Нет никакой разницы между всеми этими мерзостями и бесстыдными вымыслами, которыми Геринг «награждает» революционное движение пролетариата, и тем, что мы видим в газетах социал-демократов, национальных социалистов и всей буржуазной прессе. Между ними нет разницы по существу. Только Геринг взял высокий тон и выразился без обиняков. Буржуазия всего мира может аплодировать речи, которую он произнес от ее имени.

Но буржуазия всего мира воздерживается от аплодисментов. Буржуазия вынуждена скрывать свои симпатии к Герингу, которому в имперском суде дал бой коммунист Димитров. Все высказанные Герингом мерзости, все его попытки сделать из коммунистов карикатуры, изобразить

их пугливыми преступниками и разбойниками, все, что он хотел внушить своим слушателям, падало к ногам Димитрова, громоздилось вокруг него, и каждый мог видеть облик настоящего коммуниста, противостоящего отъявленной клевете фашистских диктаторов и их «демократических» лакеев.

Здесь, в зале суда, звучали слова, полные злобы и бесилия, говорилось о негодях, которых надо отправить на виселицу. Но здесь потерявшему самообладание Герингу противостоял человек спокойный и смелый, слегка улыбающийся, противостоял коммунист, само олицетворение правды, который мастерски отбирал факты для того, чтобы нанести удар по клевете и цинизму буржуазных подстрекателей.

И Геринг вдруг почувствовал, что эта сила, это превосходство правды может покончить с ним самим, а вместе с ним и с его нахальной и крикливой самоуверенностью. Он понял: если ему не помогут, он проиграет. И он прибег к последней хитрости своего класса, прибег к «мудрости» насилия, уже использованной судом незадолго до этого. Он призвал суд на помощь, чтобы помешать говорить Димитрову.

Димитров знал это не хуже Геринга, не хуже суда. Но Димитров сказал: *«Вы, наверное, боитесь моих вопросов, господин премьер-министр?»*

Да. Геринг боится.

И у него нашелся лишь один ответ: он приказал полиции вывести Димитрова. Он, «свидетель», приказывает «суду» убрать «обвиняемого» и из последних сил кричит: *«Мы еще поговорим с вами, как только вы выйдете из зала суда!»*

Это — открытая угроза убийством. Димитров должен быть убит независимо от того, будет ли он осужден или нет. А Димитров должен быть осужден не потому, что он якобы поджег рейхстаг, а потому, что он коммунист. Именно поэтому для буржуазного государства и его правосудия он является величайшим преступником.

Поединок Димитрова с Герингом станет одной из страниц истории человечества. Олицетворяемые своими представителями, на Лейпцигском процессе столкнулись два класса: революционный пролетариат и буржуазия. Представитель буржуазии с пеной у рта от ярости прибег к са-

мому грубому насилию и приказал убрать своего пролетарского противника. Димитров исчез во мраке камеры. Геринг с триумфом удаляется, приветствуемый рядами своих приспешников.

Но победил Димитров.

А. Курелла

Перед судом — Геринг и Геббельс

Димитрова выводят, а Геринг, багрово-красный от ярости, громко крича, еще некоторое время стоит и потом покидает зал. Председатель спешно закрывает заседание. Иностранные корреспонденты штурмуют телефонные кабины. Выиграна решающая битва против нацистского режима!

Первоначально намечалось сразу же допросить в качестве свидетеля и Геббельса. Но сейчас об этом не может быть и речи. Суд как ни в чем не бывало продолжает допрос второстепенных свидетелей об обстоятельствах поджога. Это происходит в отсутствие Димитрова, удаленного с заседаний на три дня!

Тем временем тайное руководство процессом решает, что делать ему после катастрофического фиаско с допросом Геринга, весь масштаб которого становится еще яснее благодаря реакции мировой печати.

Умнее всего было бы просто-напросто отказаться от допроса Геббельса, но теперь это невозможно, ибо выглядело бы как признание провала Геринга.

И вот 8 ноября, когда Димитров снова допущен к заседаниям, в зале суда появляется Геббельс. И сразу же становится ясно, какая роль предназначена этому парадному оратору гитлеровской партии. Дело тут уже не в самом процессе о поджоге рейхстага. Геббельс призван любой ценой сгладить роковое впечатление, которое произвели приступы бешенства и угрозы Геринга. Поэтому Геббельс должен являть лик совершеннейшего спокойствия и, в противоположность Герингу, продемонстрировать свою готовность

отвечать на любой вопрос, лишь бы избежать впечатления, что кто-то покушается на право «обвиняемого и защитника» Димитрова ставить вопросы...

— Я не боюсь вопросов обвиняемого Димитрова, — говорит он и, глядя на Димитрова, добавляет: — Я справлялся с людьми покрупнее, чем этот мелкий коммунистический агитатор.

Геббельс, верно, рассчитывал оскорбить этим Димитрова, но просчитался. Димитров только усмехнулся: каждому видно, что он выше Геббельса даже ростом.

Димитров задает вопросы. Геббельс отвечает уклончиво, иногда отделяется дешевыми остротами.

Димитров хочет знать, что известно Геббельсу о политических убийствах, совершенных в Германии правыми кругами в годы Веймарской республики, и упоминает при этом об убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Председатель (*прерывает его*). Довольно!.. Дело заходит очень далеко. Нам нужно выяснить, кто поджег рейхстаг. Здесь мы не можем возвращаться к далекому прошлому.

Геббельс. Может быть, было бы целесообразнее, если бы начали от Адама и Евы. Когда были совершены эти убийства, национал-социалистского движения еще не существовало.

Димитров. Знает ли свидетель, что такие германские государственные деятели, как Эрцбергер и Ратенау¹, были убиты правыми кругами, а не коммунистами?

Председатель (*прерывая*). Я хочу этот вопрос немедленно отвести, если господин министр не пожелает ответить.

Геббельс. Я не стану обходить этого вопроса. Убийство Эрцбергера и Ратенау было совершено не национал-социалистскими кругами. Тогда наше движение было еще совсем маленькой группой...

Председатель. Димитров, это второй вопрос, кото-

---

¹ Эрцбергер Маттиас (1875—1921) — германский буржуазный политический деятель. Был убит как защитник Версальского договора офицерами-националистами. Ратенау Вальтер (1867—1922) — германский буржуазный политический деятель. В 1922 году занял пост министра иностранных дел Германии. В июне 1922 года был убит террористами.

рый я должен был отвести; вы, вероятно, помните, к чему это вело раньше. Я обращаю ваше внимание на это ¹.

Д и м и т р о в. Не являются ли круги, совершившие подобные политические убийства в Германии, теперь *союзниками* национал-социалистов?..

Геббельс. Я не знаю детально, кто совершил эти акты. Некоторые из них бежали за границу, частью были застрелены прусской полицией, а некоторые застрелились сами. Большинства из них уже нет в живых, и я ими не интересуюсь.

Главный прокурор д-р Вернер. Очень хорошо, что господин министр ответил на все эти вопросы. (Председатель: «Да, именно»). Но я думаю, что все же было бы правильнее вообще не давать ответа на такие вопросы, ибо они ставятся для того, чтобы вести здесь пропаганду с определенной целью. Я думаю, что, если вы ответите на все вопросы, обвиняемый Димитров всегда найдет повод к тому, чтобы задавать новые вопросы, которые будут служить целям его пропаганды.

Геббельс. Я отвечаю на вопросы Димитрова только для того, чтобы не дать ему, поддерживающим его людям и мировой прессе повода утверждать, будто я увернулся, увильнул от ответа на какой-нибудь вопрос.

Димитров разгадывает отвлекающий маневр Геббельса, парирует его и возвращается к главному политическому вопросу:

— ...Все эти вопросы связаны с предъявленным мне политическим обвинением. Именно поэтому я и задаю эти вопросы. Между прочим, меня обвиняют в том, что я хотел путем поджога рейхстага *насильственно изменить германскую конституцию*. Я спрашиваю: какая конституция действовала в Германии 30 января и 7 февраля?

Геббельс. Действовала Веймарская конституция. Была она хороша или плоха — это не имеет значения. Но она была законной, и мы ее признали. Изменение ее мы не хотели предоставлять коммунистической партии, а право такого изменения оставляли за собой. Проведенные уже изменения конституции я считаю недостаточными.

---

¹ Председатель имеет в виду удаление Димитрова из зала суда за ряд вопросов, разоблачавших фашистских поджигателей рейхстага. (Прим. автора.)

Димитров. Это доказывает, что вы не уважаете германскую конституцию.

Председатель. Обвиняемый Димитров! Оставьте в стороне эти юридические заключения!

Итак, Геббельс вынужден перейти к обороне! Это становится еще виднее, когда он явно в расчете на присутствующих иностранных журналистов пытается в первую очередь подчеркнуть легальность нацистского движения и оградить его от обвинения в терроре.

Димитров сразу же замечает это и направляет вопросы на доказательство обратного. Он спрашивает Геббельса насчет совершенного в Германии осенью 1932 года ряда покушений с бомбами, в связи с которыми имели место процессы и нескольким национал-социалистам были вынесены смертные приговоры. Димитров задает вопрос, не были ли эти террористические акты делом национал-социалистов?

Геббельс отговаривается тем, что, возможно, чуждые германской национал-социалистской партии круги направили в нее провокаторов, для того чтобы совершать такие покушения.

Тогда Димитров напоминает «забывчивому» Геббельсу, что Гитлер направил осужденным нацистским убийцам телеграмму, в которой в политических целях торжественно и демонстративно поздравил их.

Министр пропаганды не может увитьнуть и бормочет что-то невнятное насчет «субъективно правильных действий в интересах отечества».

Имперскому прокурору и председателю суда все чаще приходится спешить на помощь свидетелю.

Наконец Димитров преподносит Геббельсу тот факт, что в Австрии и Чехословакии его якобы строго легальная партия действует нелегальными методами, оперирует в своей политической борьбе фальшивыми адресами, шифрованной корреспонденцией и т. п.

В ответ Геббельс ищет спасения в дешевом трюке:

— Вы, как видно, хотите оскорбить национал-социалистское движение. Я отвечу вам словами Шопенгауэра: «Каждый человек заслуживает того, чтобы на него смотреть, но не того, чтобы с ним разговаривать!»

Д-р Бюнгер улавливает намек и тут же хочет лишить Димитрова слова. Но тот не остается в долгу:

— Я доволен. Отсутствие ответа — часто лучший ответ! Димитрову все же удается задать еще несколько вопросов, и Геббельс попадает в западню.

— Как, по мнению свидетеля, имели ли национал-социалисты в период до января 1933 года право защищаться при помощи оружия от коммунистических нападений, которые, как утверждает свидетель, будто бы имели место? — спрашивает он.

Геббельс отвечает утвердительно.

— А оборонялись ли национал-социалисты?

Геббельс дает ответ особенно громко:

— Само собой разумеется! А вы думали, мы дадим себя на закланье без сопротивления?

Тогда Димитров еще громче спрашивает:

— А не думаете ли вы, что и коммунисты теперь тоже имеют право обороняться?

Председатель запрещает Димитрову подобный тон, но Димитров повторяет свой вопрос в еще более конкретизированной форме. Геббельс сбив с позиции. Он не отвечает прямо на вопрос, а лишь повторяет то, что уже в общей форме говорил о праве национал-социалистов на оборону. С него хватит. Он собственной волей прекращает свой допрос, заявив, что «с педантичной точностью опроверг все обвинения «Коричневой книги», и удаляется, предупредив иностранных корреспондентов, чтобы они в своих сообщениях осветили все правдиво.

Тем и закончилась интермедия с Геббельсом. После Геринга он показал другую сторону фашистской медали. Если Геринг воплощал воинствующее зверство германского фашизма, то Геббельс — его безудержную демагогию.

Лейпцигский процесс продолжался 93 дня. Он приковал к себе внимание всей международной общественности. Благодаря неустанной борьбе Димитрова перед всем миром был разоблачен провокационный характер обвинения в поджоге рейхстага, выдвинутого против коммунистов. Прокурор, потративший много месяцев на фабрикацию фальшивого обвинения, в своей речи вынужден был предложить «оправдать болгарских подсудимых за недостатком улик».

16 декабря Георгий Димитров получил «последнее слово подсудимого». Перед этим, на одном из заседаний суда, он заявил:

«Мы находимся на политическом процессе. Поэтому должны быть до конца уяснены политическая подоплека и политический характер вопроса. Вы хотели политического процесса, пусть будет политический процесс».

Именно с этих позиций готовил Димитров свое последнее выступление на суде. Оно явилось итогом и высшей точкой его борьбы против фашизма на процессе.

Г. Димитров

**Из заключительной речи
на Лейпцигском процессе,
произнесенной 16-ХІІ 1933 года**

...Димитров. Я допускаю, что я говорю языком резким и суровым. Моя борьба и моя жизнь тоже были резкими и суровыми. Но мой язык — язык откровенный и искренний. Я имею обыкновение называть вещи своими именами. Я не адвокат, который по обязанности защищает здесь своего подзащитного.

Я защищаю себя самого как обвиняемый коммунист.

Я защищаю свою собственную коммунистическую революционную честь.

Я защищаю свои идеи, свои коммунистические убеждения.

Я защищаю смысл и содержание своей жизни...

Я должен решительно возразить против утверждения, что я преследовал цели пропаганды. Возможно, что моя защита перед судом имела известное пропагандистское действие. Допускаю, что мое поведение перед судом мо-

жет также служить примером для обвиняемого-коммуниста. Но не это было целью моей защиты. Моя цель состояла в том, чтобы опровергнуть обвинение, будто Димитров, Торглер, Попов и Танев, Коммунистическая партия Германии и Коммунистический Интернационал пмеют какое-либо отношение к пожару.

Я знаю, что никто в Болгарии не верит в нашу мнимую причастность к поджогу рейхстага. Я знаю, что за границей вообще вряд ли кто этому верит. Но в Германии иные условия, здесь таким странным утверждениям могут поверить. Поэтому я хотел доказать, что коммунистическая партия не имела и не имеет ничего общего с участием в таком преступлении.

Если говорить о пропаганде, то многие выступления здесь носили такой характер. Выступления Геббельса и Геринга также оказывали косвенное пропагандистское действие в пользу коммунизма, но никто не может их сделать ответственными за то, что их выступления имели такое пропагандистское действие. *(В зале движение и смех.)*

Меня не только всячески поносила печать — это для меня безразлично, — но в связи со мной и болгарский народ называли «диким» и «варварским»; меня называли «темным балканским субъектом», «диким болгаринном», и этого я не могу обойти молчанием.

Верно, что болгарский *фашизм* является диким и варварским. Но болгарский рабочий класс и крестьянство, болгарская народная интеллигенция отнюдь не дикари и не варвары. Уровень материальной культуры на Балканах безусловно не так высок, как в других европейских странах, но духовно и политически наши народные массы не стоят на более низком уровне, чем массы в других странах Европы. Наша политическая борьба, наши политические стремления в Болгарии не ниже, чем в других странах. Народ, который 500 лет жил под игоземным игом, не утратив своего языка и национальности, наш рабочий класс и крестьянство, которые боролись и борются против болгарского фашизма, за коммунизм, — такой народ не является варварским и диким. Дикари и варвары в Болгарии — это только фашисты. Но я спрашиваю вас, господин председатель: *в какой стране фашисты не варвары и не дикари?*

Председатель (*прерывает Димитрова*). Вы ведь не намекаете на политические отношения в Германии?

Димитров (*с иронической улыбкой*). Конечно, нет, господин председатель...

Задолго до того времени, когда германский император Карл Пятый говорил, что по-немецки он беседует только со своими лошадьми, а германские дворяне и образованные люди писали только по-латыни и стеснялись немецкой речи, в «варварской» Болгарии Кирилл и Мефодий создали и распространили древнеболгарскую письменность.

Болгарский народ всеми силами и со всем упорством боролся против иноземного ига. Поэтому я протестую против нападок на болгарский народ. У меня нет основания стыдиться того, что я болгарин. Я горжусь тем, что я сын болгарского рабочего класса...

Что дало судебное следствие, господа судьи? Легенда, будто бы пожар рейхстага — дело рук коммунистов, совершенно рухнула. Я не буду здесь цитировать свидетельских показаний, как это делали другие защитники. Но этот вопрос может считаться совершенно выясненным для всякого человека с нормальным рассудком. Пожар рейхстага не находится ни в какой связи с деятельностью компартии — не только с восстанием, но и с демонстрацией, со стачкой или с другим выступлением подобного рода... Но доказано, что *пожар рейхстага был предлогом, прелюдией к широко задуманному истребительному походу против рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии Германии...*

Верховный прокурор предложил оправдать обвиняемых болгар за отсутствием доказательств их виновности.

Я предлагаю вынести следующее решение:

1. Верховному суду признать нашу невиновность в этом деле, а обвинение — неправильным...

2. Вап дер Люббе рассматривать как орудие, использованное во вред рабочему классу.

3. Виновных за необоснованное обвинение против нас привлечь к ответственности.

4. За счет этих виновных возместить убытки за потерянное нами время, поврежденное здоровье и перенесенные страдания,

Что касается полного выяснения вопроса о поджоге рейхстага и выявления истинных поджигателей, то это, конечно, *сделает* всенародный суд грядущей пролетарской диктатуры.

В XVII веке основатель научной физики *Галилео Галилей* предстал перед строгим судом инквизиции, который должен был приговорить его как еретика к смерти. Он с глубоким убеждением и решимостью воскликнул:

«А все-таки земля вертится!»

И это научное положение стало позднее достоянием всего человечества...

Мы, коммунисты, можем сейчас не менее решительно, чем старик Галилей, сказать:

«И все-таки она вертится!»

Колесо истории вертится, движется вперед, в сторону советской Европы, в сторону Всемирного союза советских республик.

И это колесо, подталкиваемое пролетариатом под руководством Коммунистического Интернационала, не удастся остановить ни истребительными мероприятиями, ни каторжными приговорами, ни смертными казнями. Оно вертится и будет вертеться до окончательной победы коммунизма!

А. Кореньков

Как был совершен поджог рейхстага

В свое время во французских газетах был опубликован подлинный документ, разоблачающий действительных поджигателей рейхстага. Это было письмо берлинского штурмовика Карла Эрнста от 3 июня 1934 года. Он писал его, предвидя, что Геринг и Геббельс намерены расправиться с ним. Так оно и произошло. И тогда это письмо было тайно переслано друзьям погибшего в Швецию, а оттуда передано для опубликования во французской печати. В письме содержалось следующее признание:

«Заявляю, что 27 февраля 1933 года я поджег рейхстаг с помощью двух лиц, упомянутых ниже...

Перед этим по телефону меня вызвали на квартиру Геббельса. Там был Геринг... Посоветовавшись, решили, что я организую поджог. Геринг заявил, что снабдит нас сильнодействующими и легковоспламеняющимися веществами, не занимающими много места. Он предложил использовать подземный ход, соединяющий его дворец с рейхстагом...

Геринг договорился с Геббельсом относительно некоторых мероприятий, которые должны были павлечь подозрение на коммунистов...»

За несколько дней до поджога начальник берлинских штурмовых отрядов граф Гельдорф сообщил участникам заговора о появлении в Берлине «голландского коммуниста» Ван дер Люббе, которого он привлек к этому делу, чтобы использовать его участие как «доказательство», что поджог якобы дело рук коммунистов.

Чтобы Ван дер Люббе не отступил в последний момент, специально приставленный к нему охранник не покидал его ни на минуту. В назначенный час он его проводил к рейхстагу и наблюдал за ним, пока Ван дер Люббе не влез через окно внутрь здания. Затем охранник позвонил во дворец Геринга.

После этого начали действовать штурмовики. Они незаметно проникли в здание и доставили в зал заседаний горючие вещества, заранее приготовленные в подземелье. Ими были созданы несколько очагов пожара: смазаны стулья и столы фосфором, занавеси и ковры облиты керосином. Через полчаса произошло самовозгорание фосфора, и пламя быстро распространилось по всему огромному зданию.

В 1969 году, по прошествии 36 лет со дня поджога рейхстага¹, «Европейской комиссией по научному исследованию причин и последствий второй мировой войны» были подготовлены к публикации новые документы по делу о поджоге рейхстага. Эти документы окончательно развеяли миф о поджоге рейхстага.

1. Среди прочих материалов комиссия приводит показания полицейского Линдмана, живущего и поныне,

---

¹ Журнал «За рубежом», № 49—51, 1969 год.

того самого Линдмана, который первым задержал Ван дер Люббе и одним из первых услышал, как Геринг отдавал указание: «Арестуйте Димитрова и других террористов. Смотрите, чтобы они не успели удрать в Москву».

Полицейский Линдман, один из самых главных свидетелей процесса, в имперский суд вызван не был.

2. Не менее интересны приводимые комиссией показания вдовы председателя имперского суда в Лейпциге В. Бюнгера, центральной фигуры процесса. Она показала, что на ее мужа во время подготовки процесса и в период самого процесса постоянно оказывал давление специальный курьер из Берлина и что голландца Ван дер Люббе заставляли молчать с помощью каких-то медицинских препаратов, добавляемых в пищу.

3. Геринг и Гитлер в день поджога рейхстага прерывают свои предвыборные поездки по стране и возвращаются в Берлин. Геббельс устраивает ужин в честь Гитлера и специально приглашает шефа отдела зарубежной печати. Все действующие лица спектакля расставлены по местам.

4. Пожарные, тушившие рейхстаг, уже на следующий день сделали заявление, что одному человеку было бы не под силу совершить этот поджог.

Тогда же, перед процессом, компетентной Государственной организацией по расследованию крупных пожаров было сделано заключение, бесследно исчезнувшее впоследствии. Оно было восстановлено только в 1969 году. В нем говорилось, что пожар возник одновременно в 25 местах... Поджог был тщательно подготовлен и совершен несколькими людьми, которые пользовались факелами и такими горючими веществами, как фосфор, сера, керосин, бензин, порох... Рейхстаг запылал через десять минут, и тогда же обрушился стеклянный потолок. А для этого потребовалось бы от 100 до 200 килограммов горючего вещества.

5. Показания свидетелей-очевидцев, восстановленные комиссией в 1969 году, говорят со всей точностью, что поджогом занималась группа эсэсовцев.

Эта группа эсэсовцев принесла в рейхстаг по подземному туннелю горючие вещества и затем произвела поджог в нескольких местах.

Заключение экспертизы по поджогу рейхстага представляло собой ключ к разгадке всей этой грандиозной провокации, и поэтому оно бесследно исчезло.

К этому трагическому событию было приковано внимание всего мира больше чем три десятилетия. И не случайно.

Ведь именно поджог рейхстага послужил сигналом к тому, что в течение одних суток были брошены за решетку тысячи и тысячи людей и нацисты получили тем самым «входной билет в третий рейх».

Пламя пожара рейхстага отметило час рождения гитлеровской диктатуры.

Димитров был оправдан. Однако немецкие фашисты не хотели выпускать его из своих рук. Вскоре после суда на специальном совещании в гитлеровском министерстве иностранных дел выступивший от имени Геринга гитлеровский чиновник Дильс заявил: «Димитров является величиной международного значения. Можно с уверенностью сказать, что в будущем он станет одним из наиболее ярких противников национал-социалистской Германии. Именно поэтому, продолжал Дильс, Геринг настаивает на отправке Димитрова в концентрационный лагерь. Геринг считает немыслимым, чтобы такой человек, как Димитров, который в результате Лейпцигского процесса стал известен всему миру и который ни в малейшей степени не поставил под сомнение свои чисто большевистские убеждения, покинул без каких-либо препятствий Германию и отправился, так сказать, в победоносный поход по всему миру».

По приказу Геринга, поддержанному Гитлером и Гессом, Димитрова бросили в берлинскую гестаповскую тюрьму — Моабит, камеры которой были совершенно изолированы от внешнего мира. Там

узников даже не регистрировали. Все они должны были бесследно исчезнуть.

Однако заточение Димитрова в тюрьму после оправдательного приговора вызвало бурю негодования мировой общественности. Со всех концов света в Берлин шел поток телеграмм и писем с требованием освободить Георгия Димитрова.

30 декабря 1933 года Димитров направил телеграмму на родину с просьбой к болгарскому правительству взять его под свою защиту. Однако последнее, выслуживаясь перед Гитлером, поспешило заявить, что не считает Димитрова болгарским подданным... И тогда Советский Союз предоставил Георгию Димитрову, Попову и Таневу советское гражданство.

А. Курелла

Под защитой советской звезды

Димитров елишком хорошо знал своего фашистского противника, чтобы не понимать: задержка с решением судьбы оправданных болгарских коммунистов будет иметь для него и его товарищей роковые последствия. Пока еще эхо, вызванное во всем мире, а также и в Германии процессом и поведением Димитрова, препятствует их убийству, которое наверняка задумано свирепым Герингом. Но с каждым днем эхо это будет замирать, возникнут другие политические вопросы, о «Димитрове и сообщниках» постепенно забудут, а потом однажды с ними можно будет и расправиться!

Димитров понял, что только он один способен изменить положение, что все зависит от его собственной инициативы. Надо снова бросить в бой политические силы.

Одним из формальных моментов, которым гитлеровское правительство обосновывало продолжающееся за-

ключение болгар, являлся вопрос об их государственном подданстве. Еще в Лейпциге мать и сестра Димитрова, по его просьбе, обратились к болгарскому консулу с вопросом, почему правительство Болгарии ничего не предпринимает для выяснения судьбы трех болгарских граждан, которых после вынесения оправдательного приговора продолжают держать в тюрьме. Консул ответил, что болгарское правительство не интересуется судьбой Димитрова, Попова и Танева. При этом консул в качестве своего личного мнения выдвинул аргумент, что Димитров сам виноват в том, что его и его товарищей держат в тюрьме и после оправдания: он так вел себя на суде, что ни одно правительство не выпустило бы его за границу. Германское правительство, высказал мнение консул, по-прежнему считает Димитрова опасным для своего государства и вряд ли освободит его.

Сразу же после перевода заключенных в Берлин мать и сестра Димитрова вместе с женой Танева посетили болгарского посланника Помянова и предложили, чтобы правительство Болгарии запросило германское правительство, почему оно не освобождает трех оправданных болгарских граждан и как оно намерено поступить с ними в дальнейшем. Помянов лично принял посетительниц и заявил им, что имеет директиву своего правительства: ни во время Лейпцигского процесса, ни после него не вмешиваться в дело Димитрова, Попова и Танева. Болгарское правительство не считает их более болгарскими подданными, ибо они утратили свое гражданство.

— Единственное, что я могу сделать,— добавил Помянов,— но уже не как дипломатический представитель Болгарии, а как частное лицо,— это поговорить с каким-либо ответственным сотрудником германского министерства внутренних дел и частным образом попросить его сообщить мне о положении арестованных.

Когда через три дня Помянов снова принял престарелую мать Димитрова, он сообщил ей, что разговаривал с Дильсом, тогдашним шефом гестапо, и узнал от него следующее. Германское правительство не может решить, освободить Димитрова и его товарищей, потому что во всем мире ведется, как сказал Дильс, «кампания травли» национал-социалистской Германии. Германское правительство не может допустить, чтобы создалось впечатле-

ние, будто оно готово пойти на какие-либо уступки под давлением этого движения за границей. Такова первая причина. Вторая же причина, по которой германское правительство не желает так быстро освободить Димитрова: оно по-прежнему считает его опасным. Это объяснение дали Помянову в министерстве внутренних дел такие высокопоставленные лица, как д-р Эрбе и министерский советник Фрик.

Узнав во время следующего свидания об этом мало-приятном известии, Димитров советует матери еще раз пойти к Помянову и попросить изложить свое заявление в письменной форме. Помянов отказывается, но добавляет, что его сообщение о лишении Димитрова, Попова и Танева болгарского подданства соответствует официальной точке зрения правительства Болгарии. Димитров сразу же осознает, что это дает ему возможность предпринять следующий шаг. Он поручает матери и сестре обратиться в посольство СССР в Берлине, сообщить там о решении болгарского правительства и от него, Димитрова, имени официально просить Советское правительство о предоставлении ему советского гражданства.

Через три дня, 16 февраля, мать и сестра снова получают свидание с Димитровым. Они еще только входят в помещение для посетителей, а Димитров уже чувствует: они принесли радостную весть! Торопясь и перебивая друг друга, мать и сестра рассказывают ему, что утром получили ответ на ходатайство. Ответ гласит: «Передайте товарищу Димитрову, что Советское правительство удовлетворило его просьбу и что он, Попов и Танев со вчерашнего дня, то есть с 15 февраля 1934 г. являются гражданами Советского Союза».

Можно представить себе радость Димитрова и его близких! Сообщение производит глубокое впечатление и на присутствующих полицейских.

С чувством триумфа возвращается Димитров в свою камеру. Это спасение! Теперь, когда Советский Союз взял под защиту своих новых граждан, планам Геринга не суждено осуществиться! Пусть даже нацистское правительство продержит заключенных еще месяц-два, но убрать их потихоньку с лица земли оно уже не решится.

Получение тремя болгарами советского гражданства

производит воздействие и на тюремную охрану — даже здесь, в застенках гестапо, к Димитрову появляется что-то вроде симпатии, в основе которой лежит уважение. Не только рядовые охранники, но и высокие чиновники становятся гораздо внимательнее и вежливее.

На следующий день Димитров требует беседы с Гелером.

Разговор начинается Димитров:

— Как вы знаете, с 15 февраля мы являемся гражданами Советского Союза. Наше незаконное заключение в тюрьме теперь еще более недопустимо. Поэтому мы требуем немедленного освобождения и отправки на нашу советскую родину.

Димитров требует, чтобы освобождение было произведено немедленно, а до выполнения всех формальностей ему предоставили номер в том же отеле, где сейчас живут его мать и сестра.

Гелер так ошарашен этим, что выходит из себя.

— Да вы с ума сошли! — грубо кричит он. — Ведь вас же придется охранять! А кто заплатит за эту охрану?

— Мне охрана не нужна, — отвечает Димитров. — Никто меня не убьет, если только вы сами не организуете убийство. Сообщите, пожалуйста, Гитлеру: если его правительство считает, что я действительно представляю серьезную угрозу существованию третьего рейха, оно может уничтожить меня. Но в этом случае я требую одного: публичного заявления Гитлера, что Димитров устранен по этой причине и что он, Гитлер, берет на себя ответственность за это перед всем миром и перед историей.

Гелер не находит, что ответить, и велит увести Димитрова в камеру.

Последние дни жизни в этой неизвестности тянутся невыносимо долго. Но Димитрову удается добиться от тюремной администрации необычной любезности: ему дают настольную лампу, заявив, что подобное исключение делается лишь для него лично. Итак, теперь он имеет возможность работать. Он возобновляет занятия историей и учит английский язык.

Ночью 26 февраля Димитров, как обычно, сидит, склонившись над английской грамматикой. Куранты на башне уже пробил четыре часа утра, когда он ложится на кой-

ку. Но едва он засыпает, как дверь открывается. Входит комиссар в форме штурмовиков:

— Вставайте и берите свои вещи!

— Что случилось? Что вам надо?— спрашивает разбуженный Димитров.

Комиссар повторяет свои слова резким тоном приказа. В коридоре звучат голоса. Димитров слышит, как будят Попова и Танева. Раздраженный ночной помехой, невыспавшийся, Димитров собирает свои вещи. Он нарочно медлит, чтобы спокойно обдумать, как себя вести. Комиссар торопит:

— А ну, поживей немного, иначе уйдет машина!

Какая машина? О чем, собственно, идет речь? Димитров еще не понял, но отвечает:

— Без нас машина не уйдет! Сначала я должен поговорить с вашим начальником.

Комиссар не отвечает и все торопит.

— Если я должен куда-то ехать, значит, вы со мной ничего не сделаете,— замечает Димитров.

Наконец в сопровождении двух полицейских комиссаров в камеру входит собственной персоной начальник гестапо Дильс. Он подходит к трем болгарам с такой важной миной, словно судьба их зависит от него лично.

— Вещи свои собрали?— спрашивает он.

— Да.

— Все?

— Все. Но в чем дело?

— Вы должны ехать.

— Куда?

— Увидите.

Димитров возражает: так дело не пойдет! Если им следует куда-то ехать, то должен явиться представитель советского посольства.

Дильс явно нервничает и, бросая искоса взгляд на штурмовиков, говорит:

— Пройдемте в мой кабинет, там поговорим.— Затем поворачивается и уходит.

Димитрова доставляют наверх.

В кабинете Дильса уже собрались полицейские чиновники и комиссары в штатском. Дильс поднимается из-за письменного стола и читает:

— «Вы и двое ваших соотечественников изгоняетесь

с территории Прусского государства, а следовательно, и из германского рейха. Поэтому вы, а также *Попов* и *Танев* по указанию господина премьер-министра Пруссии освобождаетесь из-под охранного ареста. Для осуществления изгнания вы и двое других вместе с сопровождающими лицами сегодня же будете отправлены самолетом до германской имперской границы».

Димитров едва дослушивает до конца. Входит Гелер, протягивает ему билеты на самолет «Дерулюфта» и говорит вполголоса:

— Пора ехать.

Димитров снова спрашивает, где же представитель советского посольства и знает ли оно об этом. Гелер подтверждает:

— С вашим посольством все согласовано. Но вы же должны понять, что мы хотим избежать излишнего шума с вашей отправкой. Люди увидели бы вас на улице, началась бы толчея, могли бы произойти всякие неприятности. Мы договорились с советским посольством, когда и куда вас доставим.

Димитров принимает сказанное к сведению. Все это, как выяснилось впоследствии, было чистейшим вымыслом. Болгар поодиночке сажают в машину, каждого между двумя комиссарами в форме штурмовиков. Дильс едет впереди в особой машине.

Около половины седьмого утра. На аэродроме Темпельгоф еще тихо. Ни полиции, ни штурмовиков, только Дильс и сопровождающие комиссары.

У контроля, где служащий авиакомпании «Люфтганза» регистрирует фамилии пассажиров, происходит небольшой инцидент. Димитров предъявляет билеты. Служащий берет их и хочет внести фамилии летящих в список. Глядит на билеты, потом на пассажиров, опять на билеты: оказывается, в списке числятся совсем другие люди; билеты аннулированы. На аэродроме толком не знают, кто же летит. Служащий смотрит на новых пассажиров отсутствующим взглядом, но тут замечает Дильса, вздрагивает и быстро вписывает новые фамилии.

Попов и Танев уже у самолета, кладут свои вещи, а Димитров еще стоит рядом с Дильсом.

— Ну вот, теперь летите в Москву, — говорит Дильс подчеркнуто небрежным тоном.

— Да, это прекрасно! — отвечает Димитров и добавляет: — Передайте мой самый горячий привет немецкому народу, а вашему правительству — мое глубочайшее презрение.

Дильс пытается отнестись к этим словам как к шутке. Конечно, он не может передать этого своему правительству, отвечает Дильс.

— Мне жаль трудолюбивый и талантливый немецкий народ, — продолжает Димитров. — Своей политикой и особенно своим враждебным отношением к СССР ваше правительство ведет народ к новой катастрофе.

Дильс даже и не предполагает, насколько прав этот бывший заключенный!

Самолет готов к старту. Гелер и еще один чиновник уже в кабине. Прежде чем подняться по трапу, Димитров многозначительно говорит Дильсу:

— До свидания!

Дильс смотрит с удивлением, обдумывая, какой смысл вложил Димитров в эти слова. Тот уже в дверях самолета. Последний привет Германии — Димитров поднимает сжатый кулак:

— Рот Фронт!

Дильс только выдавливает из себя:

— Неисправимый!

Самолет делает разбег, отрывается от земли, летит над аэродромом, быстро набирает высоту, пробивается сквозь нависшие облака и берет курс на северо-восток.

До Кенигсберга полет продолжается над облаками — земли не видно. Около половины десятого утра стрелка альтиметра показывает снижение. Самолет делает промежуточную посадку на кенигсбергском аэродроме. Димитров надеется хоть здесь встретить советского представителя. Но, кроме обслуживающего персонала, никого не видно. Наготове уже стоит другой самолет, в него сразу же переносят вещи. Перед тем как болгары пересаживаются, Гелер вручает им предписания о высылке из Германии. К своему удивлению, Димитров обнаруживает, что гестаповцы забыли проставить дату, на документе стоит только «...февраля 1934 г.». Теперь ясно: все делалось в страшной спешке и тайне, по всей вероятности, по секрету не только от общественности и печати, но и за спиной министерства внутренних дел. В национал-социа-

листском руководстве явно имелись разногласия по этому вопросу.

Гелер и другой комиссар уже не садятся в новый самолет. Они прощаются по всей форме, и Гелер говорит Димитрову:

— Господин Димитров, надеюсь, что после своего освобождения вы будете объективны и не станете рассказывать о Германии всяких гадостей!

— Конечно,— отвечает Димитров.— Я буду объективен так же, как был объективен и на Лейпцигском процессе. И я надеюсь возвратиться в Германию, но уже в качестве гостя германского рабоче-крестьянского правительства!

— Пока я жив, этого не случится!— заявляет Гелер.

— Никто не знает, как долго вы еще продержитесь, господин Гелер! До свидания.

Еще несколько минут, и самолет уже окончательно отрывается от земли — от земли той страны, где господствует Гитлер. Вскоре внизу — сплошная пелена облаков, а паверху сияет солнце. У Димитрова прекрасное настроение. Целый год он дышал тюремным воздухом, целый год не видел солнца! А сейчас он, вырвавшись из темной, душной камеры, очутился посреди необозримого, пронизанного солнечными лучами воздушного океана!

...Три часа спустя самолет идет на посадку, солнце снова исчезает за облаками, становится видна земля. Димитров смотрит на деревни, мелькающие среди огромных полей: это советская земля! Еще три часа — и уже темно. Но вот в темноте появляется россыпь огней. Город. Ярко освещенные улицы, автомобили...

Гулко гудят моторы, самолет делает круг над аэродромом и медленно идет на посадку.

Димитров уверен, что в Москве никто не знает о его прибытии и никто не будет встречать на аэродроме. Но едва самолет садится и смолкает шум моторов, кругом слышатся приветственные возгласы, их заглушают мощные звуки «Интернационала».

Дверь самолета распаивается.

— Привет Димитрову!— Входят Уншлихт, Мануильский, Куусинен, Ярославский.

Вокруг все дрожит от грома приветствий, от многоголосого гула встречающих, от радостно и победно звуча-

щего «Интернационала». Неопишуемая радость охватывает всех — радость встречи с героем Лейпцига, радость долгожданного освобождения, ощущение той уверенности в победе, которой жил весь Советский Союз.

Димитров — в Советском Союзе, на своей новой родине, в стране, во имя идей которой он жил, боролся и победил!

Михаил Кольцов

Этапным порядком по воздуху

Москва, 28 февраля 1934 года

Радиотелеграфист «Правды» прибежал сверху и неспокойно сказал:

— Вот я только что принял. Как будто очень важная...

Мы разобрали узкую полоску из двух английских строк: Агентство Рейтер сообщало, что трое оправданных болгар сегодня вылетели на самолете в Москву.

Кинулись к телефону. Никаких официальных подтверждений, хотя, конечно, весьма возможно...

Срочный звонок в Берлин. Полпредство сообщает: германские власти ничего не сообщили о высылке Димитрова, Попова и Танева. Когда полпредство обратилось в министерство, там ответили, что сейчас перерыв на обед и никто ничего толком сообщить не может. Что за черт!

Дежурный «Дерулюфта» отвечает с аэродрома, что самолет из Берлина ожидается в восемь вечера. По данным из Кенигсберга, на нем летят трое пассажиров. Кто именно, неизвестно.

Трое... Цифра весьма подходящая! Скорей на аэродром.

В высоких залах аэропорта пустынно и тихо. Дежурный сообщает, что кенигсбергский самолет с тремя неизвестными пассажирами на борту миновал без посадки

Великие Луки, идет прямым курсом на Москву и потому будет не позже семи часов. Значит, меньше чем через час!

Волнение и недоверчивая радость брызнули по телефонным проводам красной столицы. Пока самолет с неизвестными пассажирами мчится через вечернюю снежную мглу, люди выскакивают из-за столов, бегут друг к другу и, на ходу споря, сами себе не веря, кидаются к машинам. Внезапно, без предупреждения, этапным порядком по воздуху... это похоже на фашистскую манеру обращения с арестованными. Но вдруг не они! Или они, но в последний момент случится что-нибудь страшное...

Группка людей выходит из машины и быстро идет через весь вестибюль аэропорта. Это — президиум Исполкома Коминтерна. Приехали представители ЦК и Исполкома МОПР, представители братских компартий, командование Московского военного округа, гражданского воздушного флота, корреспонденты газет. Построились делегации сотрудников аэропорта со знаменами. Справятся о самолете. Через тридцать минут будет. Может быть, через двадцать пять.

— Куда поедут Димитров, Попов и Танев отсюда?

Мануильский хмурится:

— У них есть куда поехать. Но подождите, пусть они сначала прилетят. Пусть прилетят именно они. Пока не увижу их «собственноручно», ничему верить не хочу!

У старого большевика есть свои правила в отношении классового врага. Пока пленники не вырваны из вражеских лап, пока их нельзя пощупать целыми и невредимыми, рано торжествовать. Таков закон непримиримой классовой борьбы.

Вышли наружу, на воздушный перрон, на снежную летную площадку. Раздражают ожидание и тишина. Ведь если бы знать на два-три часа раньше, здесь собрались бы сотни тысяч московских рабочих! Сейчас уже поздно предупреждать. Как жаль, как обидно!

Но вдруг откуда-то слева, из темноты, многоголосый шум, песни, радостный, звенящий оркестровый марш. Ах, как хотелось в эту минуту музыки, и она пришла! Откуда?! Это рабочие соседних с аэродромом заводов, чудом узнав о волнующей вести, буквально в несколько минут собрались тысячными колоннами и с оркестром, со знаменами шагают сюда.

Ожидание становится нестерпимым. Что, если это все-таки фашистская утка? Что, если в самолете не они?

Громадные неоновые буквы сияют на карнизе аэропорта, далеко лучатся в воздушную тьму. На трех языках — «Москва». Они горят и призывают воздушных путников, они указывают надежную и крепкую пристань на твердой советской земле.

И из мглы, сверкая ослепительными фарами на концах широких крыльев, возникает громадная птица. Она исчезает на минуту, делая посадочный круг, и вот опять распласталась уже совсем низко, над головами. Рев моторов, пробег по земле, — скорей к кабинке, хоть с риском угодить под лопасти винта! Ревнивое чувство, задорное стремление первым ворваться и узнать содержимое летающего вагона. Но нет, первым по-хозяйски открывает дверцу начальник авиации. Зато вторым — пусть вторым! — можно схватить, обнять и прижаться губами к холодным щекам живого, настоящего, спасенного из фашистского ада, усталого, но улыбающегося Димитрова.

— Ну как?!

Неленый вопрос.

Он спокойно, тихо смеется и отвечает простым веселым московским:

— Ничего!

А дальше — шумный, радостный ералаш, объятия, крики, давка, музыка, хлопанье автомобильных дверок. Ленинградское шоссе, огни. Тверская. И наконец первый разговор в советской комнате, в кругу друзей.

— Разбудили на заре, скомандовали «одеваться», «с вещами», а куда — неизвестно. Усадили в машины — и на аэродром. Только там сказали, что отправляют в Москву... Десять месяцев не видали никаких книг и газет, кроме фашистских... Только короткий срок после оправдания давали «Правду», потом опять прекратили... Вдоровье? Не знаю, кажется, плохо...

Попов и Танев тут же, рядом. Димитров говорит:

— Мы знаем, кому мы обязаны своим спасением. Если бы не Коминтерн, не международная пролетарская активность, не наша печать, не «Правда», если бы не грозная сила советского рабочего класса, не бывать бы нам живыми здесь...

Мануильский прерывает его:

— Это так. Но не скромничай, не преуменьшай своей роли. Твое мужественное поведение на суде имело громадное значение для исхода процесса. Лично ты показал образец того, как должен держаться коммунист перед лицом фашистских палачей. Это будет примером для многих и многих. Я не преувеличу, если скажу, что со скамьи подсудимых лейпцигского судилища ты, гремя коммунистской правдой, приблизил к Коминтерну не один миллион новых рабочих.

Димитров смущается. Он, кого не смогли смутить угрозы всемогущих фашистских министров, безотчетно распорядившихся его головой, — смущается от похвал товарищей здесь, дома, в московской тихой комнате. И замывает разговор, и старается перейти на другие темы.

Каждую минуту, прорывая товарищеский караул у дверей, вламывается кто-нибудь еще, прибежавший вполных, вскочивший с постели больной, примчавшийся из-за города...

— После оправдательного приговора к нам в тюрьму начали разными путями проникать весточки, приветы, записочки от немецких рабочих, от молодежи. И была записочка от подпольных берлинских пионеров, которая показалась нам самой подходящей к моменту. Дети-ленинцы писали: «Жить нам очень тяжело, но есть на свете Москва!..»

— Товарищ Димитров, вас просят сделать последние усилия на сегодняшний день. Там, в приемной, собрались корреспонденты мировой печати, они просят вас сказать хоть несколько слов.

...Принесли цветы, с записочками — от Надежды Константиновны Крупской, от Марии Ильиничны Ульяновой. В приемной приготовились к обстрелу фотоаппараты, взяли наизготовку свои записные книжки репортеры и представители телеграфных агентств.

Усилием воли он стирает с лица усталость, и опять гремит его голос перед рупором всего мира, голос коммуниста...

Вечером 27 февраля 1934 года Георгий Димитров и его товарищи прибыли в Москву. Их горячо встретили советские люди. М. Горький направил тов. Димитрову телеграмму: «Всем сердцем приветствую образцового революционера-большевика. Страшно рад приезду его товарищей. Крепко жму руку». Алексей Толстой в свою очередь телеграфировал: «Приветствую героя — пламенного большевика. Приветствую ваших товарищей, — вас, прилетевших на стальных крыльях из страны смерти в страну жизни и свободы».

О том, как встретили Георгия Димитрова в Москве, свидетельствует репортаж с аэродрома Л. Кассиля, опубликованный на следующий день в газете «Известия».

Лев Кассиль

Товарищи, сограждане

Накатанная гладь шоссе неслась мимо аэропорта столицы, где над воздушными воротами города, над входом с неба, горят огромные красные и синие буквы: Moskau — Москва — Moskau. И эти раскаленные буквы жгли сегодня ночь насквозь, как жгли они, вероятно, сердца тех, кто должен был их увидеть сегодня впервые с высоты ночного неба.

Здесь встречали мы когда-то цеппелин. Здесь незабываемым осенним рассветом провожали мы в небо наш первый стратостат. Но сегодня предстояла совсем особая встреча, еще недавно казавшаяся нам несбыточной, невероятной. Радостная гордость сменила наши опасения. Сегодня трое наших сограждан вернутся на волю с Запада.

Над вышкой аэровокзала вращался маяк-прожектор. Гигантская светящаяся стрелка бежала по горизонту, и ночь ходила вокруг на ослепительной привязи... А в тот

момент, когда мы на ходу выскочили из подомчавшейся к вокзалу машины, высоко над нами в непроглядном небе родилась зеленая звезда. Она покатилась по небосклону, очертила над портом несколько кругов. Навстречу ей с земли взлетела другая звезда, лопнула с треском и рассыпалась сигнальной ракетой. Зеленая звезда стала снижаться. Черное небо над нами рокотало. Но вот около звезды, слепя и освещая все вокруг, блеснула яркая вспышка, и мы все увидели большой германский самолет, который, выпустив посадочную ракету, в 19 часов 05 минут мягко опустился на залитый светом снег. И тогда вокруг нас все сорвалось с места, все побежало, все ринулось туда... Бежали красноармейцы оцепления, бежали всей делегацией рабочие завода № 39, бежали стиснутые в толпе Мануильский, Кнорин, Лозовский, Геккерт, Ярославский, Уншлихт, бежал оркестр, играя на ходу «Интернационал». Огромный единый рывок нес нас через сугробы, и мы по колено в снегу бежали к самолету, в кабине которого были они трое... Моторы, остывая, давали последние выхлопы. Пропеллеры медленно взмахивали в серебряном сечении луча, посланного прожектором. Кто-то из встречающих вошел в кабину, затем дверца раскрылась, все подались вперед, и оркестр, весь качнувшись, сбился и замолчал. Но песня уже была подхвачена тысячью голосов, как подхватывают выпавшее знамя. Песня поднималась с земли вместе с паром горячего дыхания толпы. Мы пели «Интернационал».

Димитров, Попов, Танев вышли из кабины. Вздволнованные, немножко ошеломленные, они медленно ступили на советскую землю, на заснеженную почву страны, которая стала их новой родиной.

— Ну, теперь уж, конечно, на воле, — с облегчением сказала около меня какая-то женщина, — а то в воздухе все-таки, мало ли что...

Ей, видимо, казалось, что настоящая воля для Димитрова, Попова и Танева началась только теперь, за дверцей кабины.

— Ну вот, ну слава богу, выпустили как-никак! — говорили вокруг меня, стараясь протолкнуться поближе.

— В чем дело... раз тем более оправданы вчистую и, потом же, наши граждане.

Мы видели тов. Димитрова. Прекраснейшая из слав

мира лежала на непогнувшихся плечах этого железного человека. У него было взволнованное и утомленное слегка лицо и те решительные, прямые, насмешливые глаза, которые столько раз глядели на нас со страниц газеты.

— Петр Иванович, видал?

— Видал, Вася...

— Похудел все-таки...

Это было сказано с огромной, до сердца прошибающей теплотой, словно говоривший встретил родного, близкого человека, с которым давно не виделся.

Они приехали в тех костюмах, в каких мы видели их на фотографиях. На Димитрове была коричневая шляпа и уже забывавшаяся нам наизусть кожаная куртка. Только сегодня, на рассвете, последний раз щелкнул для них ключ в тюремном замке... Им несли шубы, а вокруг тысячи людей согревали их своим горячим дыханием.

Кругом кричали «Рот Фронт», кричали «ура», приветствовали, порывисто пели «Интернационал». Со вновь разительно открывшимся смыслом звучало в эти глубокие минуты встречи даже простое трамвайное слово «гражданин». Мы встречали трех наших товарищей, трех своих сограждан, трех граждан Союза Советских Социалистических Республик! Это возвращались победившие в смертной схватке. Их отвергла географическая родина. Но другая великая родина — родина по крови, по классу, по борьбе — радостно встречала их, и по взрыхленному снегу Московского аэродрома, по советской земле шли три советских гражданина: Димитров, Попов, Танев.

С. Маршак

Окончательный приговор

В этом году нам повезло. Дважды представился нам случай узнать из первоисточника, чем живут дети нашего Союза, о чем они думают, к чему готовятся.

Для того чтобы ребенок заговорил с вами полным голосом, искренне, смело, не стыдясь ни своего веселья, ни своих огорчений,— так, как разговаривает он с товарищем,— вы должны либо заработать его доверие, либо как-то особенно ему понравиться, до того понравиться, чтобы он влюбился в вас по уши.

Димитров добился в этом году у наших ребят и того и другого. Он вызвал не одну тысячу школьников, пионеров и октябрят на большой, серьезный разговор, слышимый по всему Союзу.

Ребята пишут Димитрову о нем самом, о его революционном героизме, о том, как они рады его пребыванию в СССР.

Но в эти письма проникают мысли и факты, по которым можно угадать и характер корреспондента, представить себе его родителей и товарищей, место, где он живет.

«Я не могу поехать в Москву,— жалуется девятилетняя Наташа из города Горького,— я не знаю, на какой поезд садиться».

Зато все авторы писем уверены в том, что тов. Димитров знает, «на какой поезд садиться», и смело приглашают его к себе. Приглашают в Ленинград, Кременчуг, Архангельск, Одессу, Кривой Рог, в деревню Притыкино, в Красную Чувашию.

Если бы тов. Димитров принял все эти приглашения, ему пришлось бы бросить всякие дела и посвятить ближайшие годы своей жизни путешествию на пароходе, в поезде, в автомобиле, на лошадях, а кое-где и пешком.

«Приезжайте к нам в гости в г. Минск, хотя бы на несколько дней, мы все хотим вас видеть — и мой папа, и мама, и Люся. Я хожу в детский сад-нулевку».

Так пишут маленькие. Те, кто ходит в 3-й или 4-й класс, приглашают тов. Димитрова не только от имени своей семьи, а от всего своего звена, от всей школы, от всего города.

У каждого есть чем похвалиться:

«Дядя Димитров, мы бы хотели, чтобы вы приехали к нам и увидели, какой завод тут построили. А пока до свидания. Вова Краков, 9 лет».

«Можно ли тов. Димитрова попросить приехать к нам в Шатуру, можно ли с ним лично поговорить? Если можно, то как это сделать? Мы бы его сводили на нашу электростанцию.

Пионеры 2-го отряда.

«Дядя Димитров, наши пионеры просят вас приехать к нам в Гуляй-Поле посмотреть, как школа работает, как колхозы к посевной кампании подготовились, как наш завод работает и все остальное.

Пионер Каменев».

Только в очень немногих письмах ребята пытаются заманить тов. Димитрова в гости не домной или нефтяным фонтаном, а красотами природы.

«Я очень прошу, чтобы вы приехали к нам в Киев, город очень красивый, много цветов и зелени. По своим природным богатствам Киев берет одно из первых мест по СССР. У нас вы бы отдохнули. Жду вашего приезда.

Леня Хватова».

Когда-то семь городов спорили из-за Гомера.

Георгий Димитров может с полным правом сказать, что из-за него спорят 77 городов и 777 колхозов.

Даже Большой Сундырь предъявляет на него права:

«Мы просим приехать к нам в Красную Чувашию. Как мы хорошо живем и строим хорошие дороги. Нашего Большого Сундыря райисполком премировал двумя легковыми машинами за дорожное строительство».

Одни москвичи и ленинградцы убеждены, что тов. Димитров и без их указаний узнает все, что есть примечательного у них в городе, и поэтому они пишут просто:

«Наш адрес — Ленинград, улица Халтурина, дом 4/1, кв. 30, второй этаж, дверь направо».

Или:

«Приезжайте ко мне, мне очень хочется лично побеседовать с вами. Я ученик 2-го класса. Учусь от 1 ч. до 6 ч. Выходные дни: 5, 11, 17, 23, 29. Н. Полоцкий, 9 лет (Москва)».

В один из этих дней — 5-го, 11-го или 17-го тов. По-

лоцкий, очевидно, будет ждать тов. Димитрова у себя дома.

Но может ли тов. Димитров обойти все московские и ленинградские квартиры, в которых его ждут по выходным дням пионеры и школьники?

Большинство ребят не задумывается над этим вопросом. Только один деловой парень лет 11 написал в редакцию такое трезвое и обстоятельное письмо.

«Просим тебя, редакция, чтобы вы нам устроили свидание с тов. Димитровым, Поповым и Таневым. Но если нельзя, то напишите, почему нельзя. Некоторые ребята просят, чтобы тов. Димитров к нам в гости ходил. Это невозможно, чтобы к каждому на квартиру ходить, помереть можно. Скорей помремь, чем всех обойдешь. Вы, товарищи из редакции, устройте нам свидание и объявите через газету. Мы все соберемся. Дорогая редакция, постарайся!..»

Начиная примерно с девяти — одиннадцати лет человек ищет для себя подходящего героя.

У каждого времени, у каждой социальной группы всегда был свой детский герой юности, образец ума, доблести, находчивости, силы.

Но подумайте, что почувствовал бы двенадцатилетний школьник, если бы в его город прибыл собственной персоной Последний могикан или Ричард Львиное Сердце?

К счастью или к несчастью, таких сюрпризов никогда не бывало.

Но мы живем в исключительную пору. Наш ребенок может встретиться со своим героем лицом к лицу. Если это не полярный капитан Гаттерас, то это летчик Водопьянов, если это не Овод из романа Войнич, то это революционер Георгий Димитров!

Много месяцев следили наши ребята за великолепным поединком Георгия Димитрова с фашистскими судьями. И наконец их герой победил своих врагов, его вырвали из тюрьмы и перенесли по воздуху прямо в Москву — чуть ли не в объятия к его десяти—двенадцатилетним друзьям.

Теперь его можно встретить на московской улице, ему можно послать по почте письмо...

Чем же завоевал Георгий Димитров всех этих ребят из Запорожья, всех подростков из Большого Сундыря и Гуляй-Поля?

Ребята сами отвечают на это:

«Товарищ Димитров, мы следили за каждым твоим словом на Лейпцигском фашистском суде, мы чувствовали, что их замыслы о поджоге неверны. Каждое твое слово на суде звучало справедливостью...»

А один десятилетний школьник, Борис Курганов из Владимира, посылает Димитрову чуть ли не почетную грамоту. «Я очень доволен вашей речью. Как героически вы защищали компартию и своих товарищей: Танева и Попова. Вы больше защищали товарищей, чем себя самого, и не помогли Герингу угрозы о смерти».

О Геринге, о фашистских судьях ребята говорят страстно, насмешливо, злорадно:

«Я читала, как фашисты хотели вас обвинить и как вы сами их здорово крыли. Я особенно радовалась, когда вы своими вопросами выводили из терпения председателя».

Это пишет школьница 4-го класса, девочка лет двенадцати, Нина Ольховская.

К председателю Лейпцигского суда, которого фашистские газеты называли «симпатичной фигурой в сединах», она относится как к своему личному врагу.

Но еще острее ребята ненавидят Геринга. Димитров и Геринг стали для них главными фигурами процесса. Один — коммунист, другой — фашист.

«Мне очень понравилась ваша выдержка на суде,— пишет Димитрову московский третьеклассник,— особенно тот момент суда, когда Геринг сказал вам: у меня бы рука не дрогнула уничтожить ваше существование. А вы спокойно ему ответили: на это вы способны!»

Не один московский третьеклассник — тысячи наших ребят с восторгом повторяли каждое меткое слово Димитрова на суде.

Сейчас, вспоминая это время, они говорят Димитрову: «Приходя из школы, я прежде всего бросался к газете, так как я боялся, что вас убьют или замучают в тюрьме».

Зато какая шумная радость была у ребят, когда газеты сообщили о прилете Димитрова в Москву!..

Какое дело Герингу, Геббельсу до того, что думают о них советские ребята! Разве может сколько-нибудь беспокоить их негодование Лени Хватова, ученика 3-го класса Киевской школы, или возмущение Лиды Белоус из 2-го класса Краматорской школы?

А между тем и Лида Белоус, и Леня Хватов пишут так, как будто выносят приговор по делу Геринга о поджоге рейхстага.

Они обвиняют и оправдывают, утверждают и отрицают.

Этот детский приговор окончателен и обжалованию не подлежит.

В сущности, это суд будущего поколения, суд Истории.

Этот суд Истории над немецким фашизмом, который пророчески предсказал Георгий Димитров в Лейпциге, свершился на Нюрнбергском процессе.

«От Лейпцига до Нюрнберга» — так и назвал главу из своей книги «В конце концов» советский писатель Борис Полевой, присутствовавший на этом процессе в качестве корреспондента газеты «Правда». По дороге в Нюрнберг Борис Полевой встречается в Софии с Г. М. Димитровым, живо интересующимся Нюрнбергским процессом. Вот об этой-то встрече и делится в своих воспоминаниях писатель.

Б. Полевой

От Лейпцига до Нюрнберга

Сколько в дни войны журналистская братия потешалась над моей привычкой в свободное время вести дневники! Сейчас, когда непогода пришила меня к Софии, а писать в «Правду» уже нечего, я вновь предаюсь этому занятию.

Впрочем, сегодняшний день прошел недаром. Удалось еще раз увидеться с Георгием Димитровым. Провел с ним интересную беседу, и как раз о том, что меня вскоре ожидает. Я попросил его принять меня, чтобы попрощаться, и получил согласие. На этот раз встреча была назначена в рабочем кабинете. В служебном кабинете товарищ Димитров выглядел совсем другим, чем дома. Он казался выше, осанистей. На лице, которое стало собранным, твердым и словно даже помолодело, лежала тень усталости, но руку он пожал по-прежнему энергично, крепко. Указал на кресло у коротконогого столика, уселся напротив, придвинул хрустальную папиросницу: «Курите — хороший табак. Наш, болгарский. По-моему, лучший в мире».

Я поздравил его со славной и столь значительной победой Народного фронта. Задал несколько вопросов о выборах в Плевне, но он тотчас же перевел разговор на другое:

— Слышал, вас направляют на нюрнбергское судилище. Значит, будете судить моего старого знакомого Германа Геринга? Любопытно, как-то поведет себя сейчас этот «второй наци» гитлеровского рейха.

— Вы, Георгий Михайлович, были его первым судьей там, в Лейпциге. Помню, как мы, комсомольцы, зачитывались вашей речью и полемикой с обвинителями. И как мысленно вам аплодировали, когда вы в самом логове у фашистов положили на обе лопатки эту глупую жирную свинью.

Нам принесли ароматнейший кофе. Чашечка маленькая и тоненькая, как раковинка, целиком исчезла в большой, сильной руке Димитрова. На мгновение он прикрыл усталые глаза, потом задумчиво сказал:

— Но Лейпциг все-таки не Нюрнберг. Учтите, это будет очень нелегкий суд. Кстати, советую вам заблаговременно отрешиться от старых комсомольских представлений о наших врагах. Все это не так просто. Геринг, конечно, свинья, но отнюдь не глуп. Согласитесь, для меня не было бы большой честью, если бы тогда в Лейпциге я просто отбился палкой от глупого животного. Если вы станете изображать подсудимых только фанатичными шизофрениками, то едва ли раскроете все величие побед вашего народа и Красной Армии.

Он залпом осушил маленькую чашечку и поставил ее на стол легким, изящным движением.

— Нацпзм — это самое страшное, что породил империализм... — продолжал он. — Да, самое страшное. Но, может быть, для современного империализма и самое рациональное? И мечта Гитлера о так называемой всемирно-нацистской империи, по крайней мере на ближайшую тысячу лет, — это ведь не бред маньяка, это, может быть, и сейчас самая заветная мечта империализма как социальной системы. Ведь многие острые его проблемы — социальные, национальные, моральные — куда как легче решать, получив возможность тасовать народы, точно карты, и сжигать инакомыслящих в крематориях...

Димитров довольно свободно, я бы даже сказал, красиво говорил по-русски, а болгарский акцент придавал его речи какую-то особую прелесть.

— Я ведь следил за подготовкой процесса и повторяю: это будет очень нелегкий, а главное, небывалый в истории суд. Человечество вело войны с тех пор, как помнит себя, но всего дважды сделало попытку судить агрессоров. Вот хотя бы Наполеон — сколько людей он погубил, сколько земель испепелил! У нас, в славянских странах, его называли антихристом, проклинали в церквах, и Венский конгресс держав-победителей пытался его наказать. А чем кончилась эта затея? Подарили «антихристу» остров Эльбу и, как говорят у вас, создали все творческие условия для сочинения мемуаров. — Мой собеседник поднялся из-за стола.

Я тоже вскочил, ибо десять минут, которые я просил у него для свидания, давно истекли.

— Нет, нет, вы сидите. Я только закончу свою мысль. Антанта в тысяча девятьсот восемнадцатом году тоже вознамерилась было судить Вильгельма Второго, но сами же противники, по существу, организовали его побег в Голландию, где он и дожил благополучно свой век в королевской роскоши. Почему так? Да потому, что, если бы страны Антанты осудили Вильгельма, они осудили бы идею агрессии как таковую, а следовательно, и собственные свои мечты о захватах и агрессиях. Они побоялись создать прецедент. Видите, что говорит история. А болгарский народ говорит: ворон ворону глаз не выклюет. — Он как-то очень по-молодому присел на край столика. —

Понимаете, какие сложные у суда проблемы. Придется создать прецедент, заклеить любую агрессию и зафиксировать осуждение соответствующими международными законами... Мне, вам, всем коммунистам все это ясно, но у советской юстиции будет там всего один голос из четырех. Вашим юристам предстоит тяжелая работа. Если процесс будет доведен до конца, агрессоры осуждены, а международные законы относительно агрессии получат жизненное воплощение, это будет большая историческая победа.— И добавил тихо, доверительно:— Мне бы самому хотелось увидеть, как нацисты будут вести себя там, как будут оправдывать и защищать свою идеологию.— Взглянул на часы:— Извините, я вас задержал. Желаю успеха.— И, уже провожая меня к двери, улыбнулся, открывая ровный ряд белых зубов.

Димитров в Москве. В своем первом интервью иностранным корреспондентам он анализирует цель и ход Лейпцигского процесса и подчеркивает, что он и его товарищи были спасены благодаря единству действий всех прогрессивных сил мира. В ответ на вопрос корреспондента о его дальнейшей деятельности Димитров, не задумываясь, отвечает: «Я солдат пролетарской революции, солдат Коминтерна. Им я был на суде. Здесь я буду выполнять свои обязанности солдата пролетарской революции — до последней минуты своей жизни».

Он снова ведет огромную работу в Исполкоме Коминтерна, разрабатывает вместе с представителями других братских партий вопросы стратегии и тактики борьбы против фашизма и войны, призывает снова и снова крепить единый пролетарский и Народный фронт. Обстановка в Европе очень напряженная. В Италии и Германии — фашистская диктатура. Режимы военно-фашистской диктатуры установлены в Польше и на Балканах. Рабочий класс в этих странах ведет борьбу в условиях глубокого подполья.

Во Франции Народный фронт в 1934 году ведет борьбу с наступающим фашизмом. Димитров обращается к Народному фронту Франции, к ее проле-

тариату с призывом проявлять бдительность в борьбе с фашизмом и покончить с недооценкой фашистской опасности. Он пишет: «Лишь борьба масс, организованных и руководимых революционной партией, борьба не только оборонительная, но и наступательная, может привести к победе».

С лозунгом «Фашизм не пройдет» трудящиеся массы Франции и все прогрессивные силы выходят на улицы, и в результате в 1934 году — победа Народного фронта, преградившего путь фашизму, а в 1936 году — создание правительства Народного фронта.

С радостью он приветствует стремление к единому фронту в Испании.

Так он продолжает борьбу с фашизмом, начатую на Лейпцигском процессе, продолжает ее в новых условиях, на новом уровне.

В конце июля 1935 года в Москве открылся VII Всемирный конгресс Коминтерна. Как член Исполкома Коминтерна, Димитров провел огромную организационную работу по подготовке конгресса.

В центре работы конгресса стоял доклад Димитрова.

Это был страстный призыв пролетарского трибуна к трудящимся всех стран подняться на борьбу против фашизма, призыв ко всем рабочим и крестьянам, ко всем честным интеллигентам объединить для этого свои действия в национальном и международном масштабе.

Доклад назывался «Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма».

В докладе были охарактеризованы специфические особенности обстановки в отдельных странах, подмечены некоторые тенденции будущего развития событий. И наконец, дана стройная теория единого фронта.

Фашизм не случайное явление, говорилось в докладе, империализм нуждается в фашизме. Он прибегает к нему всегда, когда у него нет возможности бороться с трудящимися прежними методами. Тогда империализм устанавливает открытую

террористическую диктатуру, делая ставку на самые реакционные и шовинистические элементы финансового капитала.

Это не обычная смена правительства, подчеркивалось в докладе, а смена форм классового господства буржуазии...

Участники конгресса избрали Георгия Димитрова Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна. На этом посту Димитров неизменно оставался в течение восьми лет, проявив себя выдающимся деятелем международного рабочего и коммунистического движения.

Сразу же после конгресса развернулась гигантская работа по претворению в жизнь его решений.

В Испании благодаря единым действиям и сплоченности была отбита первая попытка наступления фашизма. В дни разгрома контрреволюции испанский народ скандировал имя Димитрова наряду с именами Хосе Диаса и Пассионарии.

В июле 1936 года фашистские генералы подняли мятеж, и в Испании вспыхнула гражданская война. Димитров выступил одним из инициаторов создания интернациональных бригад. Отдельная 129-я бригада, состоявшая из болгар, югославов, чехов, венгров, носила имя Георгия Димитрова.

Из письма Г. М. Димитрову инженера Н. Алмазова

(Московский автомобильный завод)

Когда-то вы говорили о большом влиянии, которое оказали на вас литературные герои Чернышевского. Я же хочу вам сказать о том, какое большое воздействие на нас и наших детей оказала жизнь подлинного героя — Димитрова. Когда в Лейпциге вы защищали не только себя, но и коммунистическую партию, мы, студенты Лепинградского университета, начинали день с именем Димитрова на устах и так же заканчивали его.

Я имею сына. Ему еще только два года. Мы с женой хотим воспитать его таким же мужественным и честным, как Димитров, преданным делу коммунизма, как Димитров».

Аркадий Чадратов

Встреча с Георгием Димитровым

В августе 1934 года вместе со своей матерью, бабушкой Парашкевой, и сестрой Магдалиной Георгий Михайлович Димитров приехал на отдых в Боржом. Я в то время был начальником агитпоезда, стоявшего в тот момент на этой станции, и видел горячую встречу, оказанную ему народом. Дорогого гостя приглашали в каждый дом. Побывал он и в нашем поезде. Димитров внимательно слушал рассказ о нашей работе, но, когда мы вошли в вагон-типографию, тут он не сдержался, отдал мне свою трость и встал за наборную кассу. Начал набирать какой-то текст и сказал, улыбаясь:

— Ведь это моя профессия! Я сам печатник...

Началась сердечная беседа, в конце которой мы преподнесли ему в подарок пару туфель, изготовленную в нашей передвижной мастерской.

— Это за что же?— спросил Димитров.

Я объяснил ему, что этот скромный подарок мы преподносим ему как ударпику мирового значения. Он от души рассмеялся и похлопал меня по плечу.

Г. Димитров

Сохраняйте верность борьбе пролетариата

(Письмо пионерам Амстердама и Недерхорст ден Берга)

Москва, 8 июня 1934 г.

Дорогие друзья пионеры!

С большой радостью прочитал ваше приветствие в связи с освобождением меня и моих болгарских товарищей.

Действительно хорошо (как вы пишете), что нацисты нас освободили, но еще лучше то, что они должны были нас освободить, так как совместная борьба трудящихся масс во всем мире и наше поведение в суде принудили их это сделать. Из этого вы можете видеть, насколько велика сила международной пролетарской солидарности, если она к тому же находится под правильным революционным руководством.

Вступив в ряды пионерского движения, вы включаетесь в освободительную борьбу пролетариата. Никогда не забывайте, что вы сможете жить достойной жизнью, только если сохраните верность этой борьбе. Ваши германские товарищи пионеры рука об руку со взрослыми борются против германского фашизма. Всеми силами поддерживайте их, неустанно участвуйте в кампании за освобождение еще томящихся в фашистских застенках пролетарских борцов во главе с Эрнстом Тельманом.

«Будьте готовы!»— обращаются к вам с призывом ваши германские товарищи. Докажите на деле, что вы имеете право ответить им:

«Всегда готовы!»

Ваш Г. Димитров

Галина Серебрякова

Г. М. Димитров

...Впервые я увидела Георгия Димитрова в Москве зимой 1934 года на вечере в ВОКСе (Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей). Все присутствующие там с откровенным волнением ожидали его появления. Незадолго перед тем Димитров вернулся из Германии после провокационного, подстроенного фашистами Лейпцигского процесса, увенчавшего лаврами его имя. Только верность идее коммунизма и огромное мужество спасли его от смерти.

Когда Димитров вошел, нас всех поразили цвет его немного одутловатого лица, болезненный, зеленовато-пепельный. Запомнились мне его великолепная шевелюра и беспокойные, несколько резкие движения рук. Он много говорил с нами в тот вечер. Недавнее прошлое все еще кипело в нем. Характерная черта для узника, только что вырвавшегося на свободу.

Говорил Димитров нетерпеливо, сопровождая каждую фразу порывистой жестикуляцией. Русским языком он владел отлично, но в выговоре слышался мягкий акцент...

Летом 1935 года в подмосковном санатории «Барвиха» я оказалась соседкой Димитровых по комнате. Мы сидели за одним столом. Часто я приходила в часы отдыха на террасу к Димитровым. Обычно, кроме них, там же находился и Дмитрий Захарович Мануильский. В ту пору я никогда почти не видала Георгия Михайловича сумрачным или недовольным. Он мог бы быть донором

жизнерадостности, щедро отдающим другим избыток веселья и хорошего настроения.

Жена Димитрова, Роза Юльевна, говорила по-русски с трудом и стеснялась этого. Она недавно поселилась в Советском Союзе. Это была превосходно воспитанная, выдержанная и очень приветливая женщина. Я не помню, чтобы ее руки когда-нибудь были свободными. Всегда она что-либо переписывала, читала или вышивала. Даже на прогулке с ней была изящная рабочая корзиночка, и стояло ей присесть, как она тотчас же принималась за свое нескончаемое «ришелье» или «гладь». Она хорошо знала немецкую и славянскую поэзию, и не раз я слышала ее читающей наизусть Гейне. Димитров относился к жене с нежной почтительностью и часто, говоря с кем-нибудь в ее присутствии, искал ее взгляда.

В эту вторую встречу Георгий Михайлович выглядел совсем иначе, чем на вечере в ВОКСе. Он заметно помолодел, посвежел. Исчезла одутловатость лица, ярко блестели черные глаза. У него была привычка, может быть после заключения, но скорее свойственная живому, действительному темпераменту, во время разговора ходить, внезапно останавливаясь на полуслове и снова двигаться. Я почти не помню его сидящим, разве только в столовой.

Письменный стол Димитрова был завален стопками газет на разных языках, а также книгами. Среди них много современной художественной литературы, творения мировых классиков. Я несколько робела в присутствии Димитрова, так как скоро заметила, что он весьма осведомленный и придиричивый собеседник, о чем бы ни заходила речь. С ним нельзя было говорить, не будучи глубоко знакомым с предметом беседы. Он не терпел пустословия, но очень любил умные шутки и веселые пересказы, мастером которых был Мануильский. В то время эти два совершенно различных по характеру человека были очень дружны.

Оба они любили музыку и как-то в лесу долго и очень приятно пели болгарские и украинские песни.

Мануильский был очень мнителен, и это вызывало насмешки Димитрова, который относился совершенно равнодушно к опасности и смерти...

Димитров был горяч, вспыльчив в спорах, которые

изредка возникали у него с Мануильским, когда они обсуждали международные вопросы.

Уже в 1935 году Георгий Михайлович убежденно доказывал, что фашизм очень силен, что он вызовет войны и будет стоить миру огромного количества человеческих жертв. В то время мне, как и некоторым другим, казалось, что Гитлер, несущий мракобесие и дикость, вот-вот падет, что немецкому народу нетрудно избавиться от этого смертоносного нароста. Но Димитров совершенно не выносил легковесности суждений.

— Гитлер даже не Муссолини, это страшная, убийственная угроза цивилизации,— заявлял Димитров.

Прошло очень немного времени, и трезвое политическое провидение Димитрова подтвердилось.

НА НОВОМ ПУТИ

В 1939 году вспыхнула вторая мировая война. Поджигатели рейхстага подожгли мир... 22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз.

С первого же дня войны Димитров и его соратники начали работу по организации освободительной борьбы в оккупированных гитлеровцами странах. Большое значение этой борьбы, кроме вклада в общее дело победы над фашизмом, состояло еще и в том, что она оказала огромное влияние на последующее демократическое развитие стран, освобожденных от фашистской тирании.

Особенно пристально Димитров следил за событиями в Болгарии. Он руководил развертыванием в стране партизанского движения. В этом большую роль сыграли созданные и действовавшие под руководством Димитрова подпольные радиостанции «Христо Ботев» и «Народный голос». Время от времени они включались в эфир на волнах радиостанции Софии и разоблачали фашистскую ложь о положении на фронтах, призывали народ к борьбе. Уже в 1941 году в Болгарии начали действовать первые партизанские отряды.

Борьба болгарского народа против фашизма приобрела новый размах после создания летом 1942 года Отечественного фронта. Инициатива его организации исходила от Георгия Димитрова.

Подпольные комитеты Отечественного фронта действовали по всей стране и даже во многих воинских частях. Они издавали нелегальные газеты, устраивали диверсии, вели агитацию среди населения, создавали партизанские отряды.

Деятельность руководимого коммунистами Оте-

чественного фронта, его влияние на массы способствовали тому, что болгарское правительство так и не решилось двинуть свои войска непосредственно против Советской Армии. «И если Гитлеру и царю Борису не удалось послать на Восточный фронт ни одного болгарского солдата, то это произошло главным образом потому, что основные силы болгарской армии были скованы борьбой с партизанами в Болгарии и в Югославии», — говорил впоследствии Георгий Димитров.

В начале сентября 1944 года советские войска, освобождая захваченные территории от гитлеровцев, вступили в Болгарию.

Таким образом патриотические силы страны приобрели в лице Советской Армии верного союзника в борьбе с фашизмом. Партизаны спускались с гор, поднялась небывалая волна забастовок, открывались тюрьмы, и из них выходили антифашисты. Население всюду встречало советские части цветами. В ночь на 9 сентября 1944 года вспыхнуло восстание и в Софии. Было арестовано болгарское фашистское правительство. Вооруженные рабочие встали на охрану здания, где заседало первое правительство Отечественного фронта. 9 сентября 1944 года власть Отечественного фронта была установлена по всей стране.

Выдвинутый первым кандидатом Отечественного фронта, Димитров дал согласие баллотироваться на выборах в Народное собрание 18 ноября 1945 года.

Отмечая выдающиеся заслуги Георгия Димитрова в борьбе против фашизма, Советское правительство наградило его орденом Ленина.

В канун годовщины Великого Октября 1945 года Г. Димитров вылетел из Москвы в Софию.

Интересные воспоминания об этом периоде оставил Маршал Советского Союза С. Бирюзов. В то время он командовал советскими войсками, временно находившимися в Болгарии, и возглавлял Контрольную комиссию.

Из книги „Суровые годы“

6 ноября 1945 года произошло событие, глубоко взволновавшее весь болгарский народ: в страну после двадцатилетней разлуки с ней возвратился вождь Болгарской рабочей партии (коммунистов), вдохновитель и боевой руководитель революционной борьбы трудящихся масс Г. М. Димитров. Тысячи жителей Софии и крестьян из окрестных сел торжественно встречали его на столичном аэродроме. Затем торжества переместились в центр города. В зале Народного театра собрались представители всех слоев населения. Улицы, прилегающие к театру, тоже были запружены людьми. Народ дружно скандировал:

— Ди-ми-тров! Ди-ми-тров!

Георгий Михайлович вышел на балкон. В этот миг над Софией, казалось, пронесся шквал. Болгария восторженно приветствовала своего великого сына и вождя.

Я смотрел на человека, к которому тянулись тысячи и тысячи рук, и не верилось, что он рядом. Помню, как волновались врачи, которым было поручено наблюдать за здоровьем Георгия Михайловича, основательно подорванным в фашистских застенках. Кто-то из окружающих тихо предложил:

— Георгий Михайлович, может быть, вы сядете? Вам нельзя долго стоять...

— Нет, нет, что вы! — возразил Димитров со счастливой улыбкой. — Я чувствую себя хорошо. Да и могу ли я сидеть перед своим народом!

В этих словах весь Георгий Михайлович со своей неизменной любовью к простым людям... Вечно юный, негибаемый борец за счастье болгарского народа зримо видит осуществление своей заветной мечты...

Мои личные отношения с Георгием Михайловичем отличались исключительной теплотой.

И в то же время каждая встреча с ним была проникнута деловитостью...

Вспоминается такой случай. Однажды в серое и до-вольно прохладное утро мне вдруг доложили, что Димитров сам прибыл в СКК. Я поспешил навстречу дорогому гостю и буквально столкнулся с ним на пороге своего кабинета.

— Георгий Михайлович, зачем же вы утруждаете себя? Я могу приехать к вам в любое время.

Димитров посмотрел на меня своими соколиными глазами и решительно шагнул через порог.

— Ничего, товарищ Бирюзов, не волнуйтесь. Я хочу посмотреть, как вы тут живете, как работаете...

Мы прошлись с ним по всему помещению СКК. Затем у меня собрались все наши ответственные работники.

Завязалась непринужденная беседа. Димитров говорил о международном положении, о задачах, решаемых Болгарской рабочей партией. Все это мы как будто бы знали и сами, но вместе с тем убеждались, что он анализирует явления глубже, судит о них очень смело, а главное — далеко видит перспективы развития своей родной страны.

Георгий Михайлович с восторгом рисовал нам будущее Болгарии.

Глаза его светились.

— Скоро, скоро расстается Болгария с древней сохой да серпом. Будут у нас и тракторы и комбайны. А вместо обушка шахтеры возьмут в руки пневматические молотки. По ленинским заветам мы электрифицируем страну...

И тут же — в который уже раз! — я опять услышал от него:

— Строительство социализма — дело великое, но трудное...

Меня всегда поражало, что этот пламенный трибун, умеющий говорить так, что у врагов холодеет сердце, а друзьям хочется кричать «ура», во время обычной беседы как бы преображается. Его речь спокойна, тиха, мягка, с лица не сходит добрая улыбка.

Поразительным казалось и глубокое знание Димитровым не только военного дела вообще, но и подробности жизни Советской Армии, постановки в ней политического и военного воспитания личного состава. На военные темы

мы говорили с ним часто и много. Во время одной из таких бесед Димитров вдруг спросил меня:

— Ну, а как ваши войска поживают? Нет ли каких-нибудь просьб? Почему ко мне не заходит член Военного совета товарищ Шабанов?

Я ответил, что у нас все идет хорошо, что личный состав гордится выпавшей на его долю почетной миссией — нести службу в такой замечательной, гостеприимной стране, как братская Болгария.

С той поры не редкостью стали телефонные звонки ко мне прямо из полков, а то и из батальонов. И все по одному поводу:

— Докладываю, у нас только что был товарищ Димитров...

При своих довольно частых поездках по стране Георгий Михайлович нет-нет и свернет в какой-либо наш военный городок, попавшийся на его пути. Явится запросто, как отец родной, и попросит:

— А ну-ка, угостите-ка чайком.

Подсядет к солдатам, начнет расспрашивать, как дела, каково настроение. И люди охотно открывают перед ним душу, говорят ему начистоту.

Для Георгия Михайловича не существовало ни рангов, ни чинов. Его интересовал человек, а не должность, которую тот занимает. К каждому он относился с уважением. Не терпел только людей мелочных, беспринципных, нечестных.

...Однажды утром при моем появлении на службе дежурный по СКК полковник П. Н. Скрозников, как обычно, доложил, что за ночь, мол, никаких происшествий не было. Но по глазам полковника я видел: не договаривает чего-то.

— Так-таки ничего и не случилось? — переспросил я. — Ничего интересного?

— Товарищ Димитров приходил, — улыбаясь, ответил Скрозников. — Был в вашем кабинете, звонил по ВЧ.

— И с вами, конечно, поговорил?

— Так точно... Расспросил обо всем, о семье, давно ли служу в армии, нравится ли Болгария... Даже как-то на душе повеселело.

Я поймал себя на мысли, что и у меня после встреч с Георгием Михайловичем всегда оставалось такое же

ощущение. Это было, можно сказать, свойством Димитрова. Его отличала глубоко естественная связь с народом.

Мне часто приходилось видеть Георгия Михайловича беседующим с рабочими, крестьянами, служащими, солдатами, школьниками. И каждый раз к любому из них он находил свой ключик. Его внимание к окружающим, предупредительность всегда вызывали ответные чувства. Никто, кажется, из простых людей не упускал возможности сделать что-то приятное для него...

18 июня 1946 года Георгию Михайловичу исполнилось шестьдесят четыре года. Мы решили преподнести ему от имени советских войск букет цветов. Это поручение было возложено на подполковника А. А. Голубева.

Не успел он переступить порог дачи, как навстречу вышел Димитров:

— О, какие чудесные цветы! Кому же они предназначены?..

Подполковник Голубев рассказывал потом, что, идя к Димитрову, он все время твердил про себя заранее заготовленную поздравительную речь. И, конечно, очень волновался. Но стоило ему увидеть этого доброго и чуткого человека, как все пышные фразы вылетели из головы. Посланец нашего коллектива в обычных выражениях поздравил Георгия Михайловича с днем рождения, пожелал ему крепкого здоровья и большого счастья.

Г. М. Димитров, органически не переносивший казенных почестей и славословия, был тронут простотой голубевского поздравления. Он крепко пожал подполковнику руку и, как давнего своего друга, пригласил к столу. Вместе они выпили по рюмочке славного виноградного вина, а при расставании Георгий Михайлович попрощался:

— Передайте большое-большое спасибо всему вашему коллективу. Мне очень приятно, что сегодня первым поздравил меня советский человек...

Как-то Георгий Михайлович захворал, и мы приехали к нему целой группой...

Димитров, как всегда, встретил нас очень гостеприимно. Зная его пристрастие к кино, мы привезли с собой новый фильм. После просмотра пили кофе и дружески беседовали.

Было уже далеко за полночь, а наша беседа все продолжалась. О том, как во время Лейпцигского процесса он превратился из обвиняемого в обвинителя фашизма, Георгий Михайлович мог рассказывать часами. Но доктор уже начал проявлять озабоченность, и мы вынуждены были распрощаться.

Посчастливилось мне бывать в гостях у Георгия Михайловича и на скромных семейных праздниках. Тон на них задавала Роза Юльевна, верный друг Георгия Михайловича, душевная и умная женщина.

Единственный сын Георгия Михайловича и Розы Юльевны умер в возрасте десяти лет. И тогда они удочерили девочку из семьи погибших китайских коммунистов.

Ее звали Аней.

Потом, уже по возвращении в Болгарию, ими был усыновлен мальчик Бойко, сын активных болгарских коммунистов, павших в борьбе с фашистской диктатурой.

Роза Юльевна и Георгий Михайлович были очень привязаны к своим приемным детям, которые отвечали им такой же любовью и лаской.

Говоря о Димитрове, не могу не подчеркнуть его мудрой, истинно философской рассудительности и в больших и в малых делах. На память приходит такой эпизод. Когда стало известно, что на процессе военных преступников в Нюрнберге отравился Геринг, к Георгию Михайловичу нагрянули иностранные корреспонденты. Все они подготовили один общий, с виду обычный и естественный вопрос: как он, Г. М. Димитров, которого Геринг лично грозился повесить, относится к смерти гитлеровского сатрапа? Корреспонденты, видимо, рассчитывали на сенсационный ответ. Но никакой сенсации не получилось.

— Я полагаю, это логический и неизбежный конец матерого авантюриста, — сказал Димитров.

И всё. Ни тени злорадства. Ничего «личного».

Лишь за поздним ужином в узком кругу Георгий Михайлович пошутил:

— Пожалуй, надо поминки по Герингу справить! Говорят, когда не устраивают поминок, покойники возвращаются как привидения. А такому, как Геринг, возвращаться негоже,

О жизни и деятельности Георгия Димитрова в последние годы продолжает свой рассказ болгарский писатель Петр Димитров-Рудар. В 1946—1948 годах он работал ответственным секретарем Союза болгаро-советского общества, почетным председателем которого был Георгий Димитров. В это время П. Димитров-Рудар часто бывает у Георгия Димитрова, ближе с ним знакомится, узнавая любопытные подробности его жизни.

Петр Димитров-Рудар

Когда враг тебя хвалит

В кабинете Георгия Димитрова светло, просторно. Каждый предмет на своем месте. Здесь всегда образцовый порядок. Однажды товарищ Димитров сказал: «Кто не может навести порядка в своей комнате, тот не наведет порядка и в своей работе».

На столе его лежит записная книжка. В нее он записывает самые важные задачи на день. Под номерами. По важности. Встреча со мной записана в конце.

Наш служебный разговор закончен. Георгий Димитров берет красный карандаш и зачеркивает «последнюю задачу». Очки его спустились низко, почти на кончик носа. Он заметил, что я наблюдаю за движением его руки, смотрит на меня из-под очков и с шутливыми нотками в голосе говорит:

— Первая часть плана на сегодня выполнена...

— А разве есть еще и вторая часть?— отвечаю я шуткой на шутку.

— Да, есть... Во второй части чтение научной и художественной литературы, фильмы... И некоторые чрезвычайные задачи.— Он многозначительно подчеркивает слово «чрезвычайные».— Но до второй части еще есть

время. А сейчас мы немного подкрепимся ягодами. Прощу!

Перед нами стоит большое блюдо крупной свежей клубники. Аромат ее наполняет комнату и возбуждает аппетит. Но мне больше хочется начать разговор, о котором я давно мечтаю. Я хочу что-нибудь услышать о Лейпцигском процессе от самого Георгия Димитрова. Мне кажется, что наступил удобный момент.

— Товарищ Димитров,— начинаю я несколько нерешительно,— могу я вам задать один неслужебный вопрос?

— Раз неслужебный, можно... Если только смогу ответить,— улыбнулся он.

— На Лейпцигском процессе вы говорили на немецком языке. Произнесли блестящую речь. Даже использовали иронию в качестве оружия в репликах во время произнесения речи. Очевидно, это может сделать человек, у которого есть не только чувство иронии, но и знание всех языковых нюансов. А в те годы, да и позже, некоторые люди в нашей стране утверждали, что до задержания вас гитлеровскими властями вы не знали немецкого языка и что выучили язык в тюрьме. Верно ли это?

— Нет, не верно. До моего ареста я прилично говорил по-немецки. В тюрьме я только совершенствовался в знаниях языка. Там я был поставлен в невыносимо тяжелые условия. На руках были кандалы. Но, несмотря на это, я не бездействовал ни одного дня, ни одного часа. Я работал с большим напряжением — изучал немецкие законы, читал и другую литературу. Что же касается реплик в моей речи, то я не могу сказать, были ли они на блестящем немецком языке,— это лучше знают немцы. Гораздо важнее, что своими репликами, по оценке прогрессивных людей во всем мире, я достиг цели, которую поставил перед собой: защитить нашу коммунистическую правду и разоблачить фашизм как самого злейшего врага народов.

— Товарищ Димитров,— снова продолжаю я беседу,— один мой друг, который находился во время процесса в Латинской Америке, рассказывал, с каким небывалым интересом трудовые люди читали в прогрессивных газетах о вашем героическом поведении на суде, с каким уважением произносили слова «Болгария», «болгарин».

«Не имея возможности пожать руку Георгию Димитрову,— сказал мне мой друг,— они пожимали наши руки — немногих болгар, обнимали нас, восторженно приветствовали: «Вива Димитров!», «Вива България!»

— Сочувствие и симпатии прогрессивных людей различными путями доходили и до меня. Я принимал все это с глубокой благодарностью. После процесса я получил поздравления от многих людей из различных уголков земного шара. Как ни странно, но я получил поздравление даже от царя Бориса.

— Интересно!

— Действительно интересно. Но это было единственное поздравление, которое меня не порадовало. Мы, революционеры, знаем, что, когда тебя хвалит враг,— это значит, что ты в чем-то ошибся.

— А когда и перед кем он вас похвалил?

— Перед бывшим советским дипломатом в Турции Караханом. Он проезжал через Болгарию, и тогда-то царь Борис с ним встретился. Он его настоятельно попросил передать мне поздравления и его восхищение моей речью на Лейпцигском суде. Дипломат его выслушал и вежливо ответил: «С удовольствием выполню вашу просьбу, если мне удастся встретиться с Георгием Михайловичем в Москве. Это очень трудно, и не знаю, удастся ли мне». — «Почему?» — спросил царь. «Вам, наверно, известно, что он сейчас большой человек — Генеральный секретарь Коминтерна, и, как у нас говорят, работы у него «по горло». — «Неужели такой большой человек?» — удивился царь. «Большой, очень большой», — подтвердил дипломат. Смущенный и сбитый с толку, царь Борис еще раз повторил свою просьбу и поспешно попрощался.

Некоторое время спустя Карахан рассказал мне всю эту историю. Конечно, она меня не обрадовала. Я был неприятно поражен «добрыми чувствами» этого злейшего врага коммунизма и коммунистов. Как известно, после Лейпцигского процесса я направил прошение его правительству разрешить мне вернуться в Болгарию. Я настаивал на том, чтобы предстать перед болгарским судом и защищаться, так как я был заочно приговорен к смерти. Правительство царя Бориса отклонило это мое законное требование. А теперь — «поздравления», «восхищение»?!

Первая мысль, которая пришла мне в голову,— наверно, я в чем-то ошибся. «Но где и в чем?»— спрашивал я себя и не мог найти ответа. Я вспоминал все, что сделал и сказал на процессе, и не мог найти ошибку. И до сих пор я задаю себе вопрос, в чем же я ошибся, и не могу ответить...

— Может быть, эта похвала была вызвана другими побуждениями?— осмелился я высказать предположение.— Как известно, царь Борис был демагогом. Он прекрасно знал, что после Лейпцигского процесса ваш авторитет среди народа вырос во много раз. Почему же не допустить, что своими «поздравлениями» этот демагог, который любил «играть в демократию», хотел пустить пыль в глаза?

— Возможно, что его побуждения были такими... Но, как революционер, я должен был и должен впредь оглядываться на себя, искать ошибки в своей деятельности... Но мы отвлеклись и забыли про клубнику... Пожалуйста!

Я беру ягоды и думаю: какой светлый человек! Миллионы людей во всем мире говорят с восхищением о его беспримерном подвиге в Лейпциге, а он до сих пор ищет какую-то свою ошибку только потому, что его похвалил враг!

Петр Дмитриев-Рудар

А я не брошу тень?

Советская воинская часть, квартировавшая в Софии, превратила двор бывшей духовной семинарии в парк культуры и отдыха. Тысячи жителей столицы посещали парк — слушали концерты и лекции в летнем театре, смотрели фильмы, бывали на выставках, танцевали на цементных площадках, веселились в беседках, кафе и ресторанах.

Когда Советская Армия ушла, парк, по рекомендации

Георгия Димитрова, должен был быть превращен в Парк болгаро-советской дружбы. Планы были разработаны и посланы товарищу Димитрову на одобрение. Через несколько дней мне сообщили, что он их просмотрел, но хотел бы проверить на месте, как будет выглядеть все, что запроектировано. Мне сообщили, что через двадцать минут он будет в семинарии и что я должен ехать туда.

Я знал, каким точным был товарищ Димитров. Он не только сердился, но и переживал, когда кто-нибудь опаздывал. Однажды, в разговоре на эту тему, он сказал: «Быть точным, это признак не только дисциплинированности, главное — уважение к людям».

Мне не хотелось опаздывать и огорчать его. На легкой машине до семинарии всего минут десять езды, но я попросил шофера немедленно приготовить машину. И вот уже машина трещит во дворе. Шофер Пешо, добродушный и всегда улыбающийся, сдвигает набок кепку, берется за руль и шутливо говорит:

— Ну, старушка!

На улице все идет благополучно. Но когда мы начинаем подниматься по крутому семинарскому шоссе, машина фыркает и.., останавливается. Пешо выпрыгивает, берет ручку, сует ее машине в нос, поворачивает ее с перерывами — раз, два... пять... десять раз... Мотор молчит. Ручейки пота текут по лицу шофера. Он бросает ручку и лезет под машину. Тяжело дышит. А время летит. Я смотрю на часы и начинаю нервничать с каждой минутой.

— Что, Пешо, едем или мне идти пешком?

— Сейчас, сейчас... — В его голосе слышится какая-то надежда.

Проходит еще несколько минут.

— Пешо, мы опаздываем! — И я почти уже готов сказать ему, с кем я должен встретиться.

Смущенный моим тоном, грязный, мятый, шофер вылезает из-под машины, вытирает измазанные руки, виновато смотрит на меня и вздыхает:

— Подвела меня старушка. Старая трофейная машина...

Не дожидаясь, когда он договорит, я бросаюсь по шоссе. Считаю минуты, секунды... Мне не хватает воздуха.

Ноги подгибаются, в ушах звенит. Я опаздываю — минута, полторы...

Еще у ворот я вижу высокую, внушительную фигуру Георгия Димитрова. Он стоит на условленном месте. Ждет. У меня темнеет в глазах. Задыхаясь, я останавливаюсь перед ним и едва могу сказать:

— Прошу извинить, товарищ Димитров... наша машина... трофейная... старая... и...

У Георгия Димитрова замечательная способность сразу улавливать тревогу, душевное состояние людей. Он не дает мне переживать; вместо того чтобы погрозыть пальцем, как я ожидаю, он улыбается. Сочувственно кивает головой:

— Трофейная машина? Старая? Почему же вам ее дали? Ее место в военном музее.

Но через минуту лицо его снова принимает строгое выражение. И, тяжело вздохнув, он повышает голос, словно говорит не со мной, а со всей страной:

— Да, приходится все еще ездить на старых трофейных машинах... У нас еще много трудностей... Нужно решать большие, жизненно важные задачи, чтобы улучшить жизнь у нас, вывести Болгарию из ее отсталости на широкую дорогу социалистического строительства. Наш народ, наш рабочий класс найдет в себе силы, чтобы выполнить эту историческую задачу. Пройдет немного времени, и маленькая Болгария превратится в сильно развитую промышленную страну. У нас будут большие заводы... У нас будут заводы по выпуску легковых машин — наших, болгарских, легковых машин...

* * *

Мы идем по парку. Я объясняю, где что будет построено, что изменится. Товарищ Димитров слушает с видимым вниманием, одобрительно кивает головой и время от времени приговаривает:

— Да, хорошо, хорошо...

Когда мы дошли до восточной аллеи, я указал на предмет в форме прямоугольника:

— Вот здесь, на этом месте, мы намечаем построить высокую, пятиметровую стену, на которой будет нарисована карта Болгарии. Перед картой-стеной поставим

пьедестал — на него вашу статую в естественную величину...

Вдруг глаза Георгия Димитрова расширяются и угрожающе сверкают. Брови хмурятся. Он смотрит на меня строго, сосредоточенно и, указывая резким движением указательного пальца на меня, многозначительно спрашивает:

— А я не брошу тень на Болгарию?

Этот вопрос ошелолил меня. Прежде чем я опомнился, Георгий Димитров отрезал:

— Никакой статуи! Не разрешаю! Вычеркните из плана!

Отказ был выражен так категорически, что возражать было бесполезно.

Петр Димитров-Рудар

Я дал слово

В Народном театре царило оживление. Делегаты и гости III съезда Союза болгаро-советских обществ уже заняли свои места, шумно разговаривали и с нетерпением поглядывали, когда поднимется занавес.

Открытие съезда было поручено мне. Нужно было дожидаться почетного председателя Союза — Георгия Димитрова.

Когда он появится в ложе, я должен буду приступить к выполнению своих обязанностей.

Время шло. Оставалось десять минут до открытия, а почетный председатель все еще не появлялся.

Я беспокойно вышагивал за занавесом, ожидая, что вот-вот мне сообщат, что Димитров уже в театре. Но вместо этого ко мне подошел один из сотрудников Центрального комитета партии и сказал:

— Вас просят в комнату за председательской ложей.

В комнате находились только секретари Центрального

комитета. Все были встревожены: Георгий Димитров внезапно заболел, у него высокая температура.

Что делать? Открыть съезд без него? Пока мы обдумывали, как поступить, зазвонил телефон — из дворца Брава сообщали:

— Товарищ Димитров выехал в Народный театр...

Эта весть еще больше беспокоила присутствующих.

— Он рискует своим здоровьем, — сказал кто-то из них.

— Надо было раньше нам вмешаться, — прибавил второй.

— Что мы можем сделать?

— Как — что? Остановить его как-нибудь...

За две минуты до назначенного времени дверь маленькой комнаты открылась, и перед нами появилась стройная и высокая фигура Георгия Димитрова. Обычно бледное его лицо было румяным. Тяжело дыша, он за руку поздоровался со всеми. Рука его обжигала!

Мы молчали в смущении и замешательстве. Один из секретарей, преодолев неловкость, с легким упреком сказал Георгию Димитрову:

— Не надо было приезжать в таком состоянии...

Георгий Димитров изумленно посмотрел на него:

— Как — не надо? Но ведь я же обещал. Я дал слово!

Никто больше не стал обсуждать этот вопрос. Все знали, что для него значит: «Я обещал. Я дал слово!»

Георгий Димитров принял лекарства, которые принес сопровождавший его врач, потом обернулся ко мне и сказал:

— А теперь — за работу.

Президиум занял места на сцене, и занавес поднялся. В тот же миг в председательской ложе появился Георгий Димитров. Зал огласился громогласным «ура». Проекторы, фотоаппараты, глаза людей — все было направлено на него, на любимого вождя и учителя. Поднявшись, делегаты и гости аплодировали, воодушевленно скандируя:

— Ди-ми-тров! Ди-ми-тров!

А он в свете прожекторов, прямой, величественный, принимал любовь людей, благодарил их от всего сердца,

кланяясь, приветствовал их, легко помахивая рукой, а глаза его просили остановить оvation, сесть на места.

Но никто не садился — из партера и балкона неслись всё новые и новые лозунги, возгласы приветствия...

Никто не подозревал, какие огромные усилия делал этот человек, чтобы стоять. Никто не подозревал, что он пришел к ним с температурой 38 градусов, потому что обещал, потому что дал СЛОВО!

Н у ш к а   Г р и г о р о в а

Встречи с Димитровым

Это были славные, незабываемые годы. Не хватало хлеба. Не было обычной одежды. В домах не всегда топили. Но глубока была вера в правое дело партии, и энтузиазму людей не было границ.

При районных клубах молодежи стали создаваться первые дружины сентябрат. Мы были еще малышами и, конечно же, не понимали, что происходило вокруг, но уже знали, что имя легендарного сына болгарского народа Георгия Димитрова — это знамя всех трудящихся нашей страны. Малые и большие повсюду на митингах и демонстрациях провозглашали:

...Мы молодая гвардия —
С Димитровым идем.

Это значило, что мы идем с Димитровым, учимся у него, боремся за те же идеи, за которые боролся он.

Имя этого человека было для меня дорогим. Родители говорили мне о нем с любовью и уважением. И все мы с нетерпением ожидали его возвращения из Советского Союза. Обстановка была сложной. Предстояли выборы, а силы реакции еще не были сломлены. Я очень хорошо помню день возвращения Димитрова в Болгарию. Тогда я лежала в больнице.

И всего несколько месяцев спустя я своими глазами увидела Димитрова. В офицерском клубе проходила встреча бывших партизан. Не помню уже, кто нас пригласил туда — маму и меня. Я должна была декламировать стихотворение. Делала я это, по всей вероятности, не ахти как, но знала несколько революционных и патристических стихотворений. Вышла на сцену и со смелостью, присущей только, наверное, семилетнему ребенку, начала декламировать стихи о подвигах партизан. Когда окончила, кто-то меня подхватил и передал на руки Димитрову. От радости и счастья я не могла проронить ни слова. Слышу, Димитров спрашивает: «Где мать этой девочки?» Подошла мама, и я, как бы в полусне, слышала, как Георгий Михайлович советовал ей непременно дать мне возможность заниматься искусством. Этот совет стал для меня впоследствии законом. И следуя ему я всю свою жизнь.

Как раз в тот же год при городском молодежном комитете создавался художественный коллектив сентябрат. Я записалась в драматическую секцию. Начала учить повые стихи. В канун нового, 1947 года большая группа сентябрат — членов художественного ансамбля и активистов организации — направилась поздравлять товарища Димитрова. К его дому мы подъехали под вечер. Все очень волновались. Повторяли накануне сочиненное приветственное слово, всячески оберегали суровачки¹ и подарки, приготовленные для Димитрова. С трепетным волнением вошли в дом. Димитров нас встретил широкой, отеческой улыбкой, и вся наша скованность тут же растаяла. Мы дружно запели веселые новогодние песни, пожелали здоровья, бодрости и долголетия любимому вождю.

Я еще прочитала два стихотворения. Когда кончила читать, Димитров подхватил меня и расцеловал. Тут же был сделан снимок. Нужно ли говорить, как он дорог мне и как я берегу его!

Затем Георгий Михайлович стал беседовать с нами. Говорил он тихо и спокойно о значении нашей организации, о том, что все дети Болгарии должны входить в нее,

¹ Суровачка — разукрашенная кизиловая веточка, которой дети поздравляют в Болгарии с Новым годом, ударяя слегка поздравляемых и читая стихи-пожелания.

о том, как много надо учиться, чтобы стать достойной сменой.

Георгию Михайловичу было очень приятно наше посещение. Он говорил, что мы должны усердно заниматься, весело отдыхать. «С песней лучше работать и легче идти вперед, преодолевать трудности», — говорил он. Димитров пожелал, чтобы наша художественная группа выросла в большой и хороший коллектив. И действительно, спустя несколько лет хор «Бодрая смена» своим мастерством удивил мир.

Нам предложили очень вкусное угощение, а в соседней комнате мы пели хором вокруг большой и нарядной елки со множеством великолепных игрушек. Все это приготовила для нас заботливая жена Георгия Михайловича, Роза Димитрова. Мы были несказанно счастливы. Еще долго после этого рассказывали друзьям и родным о незабываемом вечере. После этой встречи для меня Димитров остался родным человеком, отцом. Я всегда ношу в себе его обаятельный образ, с проникновенным и добрым взглядом, необыкновенно человечным, таким, каким обладают только люди с поистине большим, исключительно большим сердцем. С его именем я живу и учусь, он самый строгий судья всех моих дел и поступков.

После встречи нового, 1947 года мне еще несколько раз пришлось видеть товарища Димитрова. Помню день, когда он подарил нам отличный новый автобус. Мы тогда провели большой митинг. Мы, сентябрята, бесконечно радовались этому великолепному подарку.

В 1948 году состоялся всенародный смотр коллективов художественной самодеятельности. Победителей фестиваля Георгий Михайлович принял в Совете министров. Он горячо поздравил нас с успехом, от души радовался нашей встрече и с удовольствием смотрел наши выступления.

Волнующим в моей детской жизни был день, когда нам довелось поздравлять от имени сентябрят делегатов Пятого съезда партии. Мы понимали, какое ответственное поручение нам дала организация. Очень тщательно готовились, репетировали каждый день. В назначенный час с букетами в руках пришли в огромный зал. Овации и аплодисменты нас прямо-таки воодушевили. На сцене я вышла вперед, и зал замер. Слышала удары своего

сердца. Перевела дух и начала произносить слова благодарности любимой партии и людям, которые строят счастливое будущее всего народа. В завершение подбежала к Димитрову и передала ему цветы.

Помню еще несколько встреч сентябрят с товарищем Димитровым, на которых мне также посчастливилось быть. Несмотря на усталость и тяжелую болезнь, многочисленные дела и заботы, он находил время встретиться и поговорить с ребятами, посоветоваться с ними. Он поступал так потому, что глубоко верил в завтрашнюю смену, в завтрашних борцов за коммунизм и понимал, каким большим делом является их воспитание.

Второе июля 1949 года стало скорбным днем для всего болгарского народа. Люди потеряли не только великого борца против фашизма, своего учителя и мудрого вождя, но и дорогого человека. Хорошо помню тот час, в который страшная весть разнеслась в эфире. Я была в гостях у своей подружки и, как только услышала о тяжелой утрате, сразу же побежала домой. В трамвае не могла сдержать слез. Едва добежала до дома, как услышала тревожные гудки заводских сирен. Какая-то женщина обняла меня и разрыдалась. На следующий день мне сообщили, что я должна перед гробом Димитрова от имени всех сентябрят произнести слова клятвы. Это было огромное поручение. Предстояло давать клятву перед всем народом, перед всей партией.

День был трудным. Шел легкий дождь, будто сама природа, сочувствуя людям, оплакивала их горе. Я очень волновалась, и вначале голос мой дрогнул, слезы потекли по щекам, но вскоре постаралась овладеть собой и громко стала произносить слова клятвы, что мы, сентябрыта:

«...Будем бесстрашными и твердыми, честными и правдивыми, сильными и трудолюбивыми, как наказывал нам Георгий Димитров».

Не нужно слез. Лучшим памятником бессмертному вождю становилась верность этой клятве.

Давно прошли годы, проведенные в организации сентябрят. Но воспитание, полученное в ее рядах, все, чему научилась в ней, навсегда останется со мной. Как и любой молодой человек, я так же увлекаюсь и ошибаюсь, но всегда стараюсь вовремя исправить ошибку. В этом мне помогает Георгий Димитров. Потому что каждый свой

поступок я мысленно сверяю с ним: одобрил бы он тот или иной мой шаг и как бы поступил сам. Его жизнь словно маяк или яркая звезда, которая всегда указывает мне самый верный путь.

Елин Пелин

Из коротких бесед с Г. Димитровым

Я был знаком с ним еще в молодости. Несколько раз встречался и разговаривал и в последние годы. Это были случайные и мимолетные встречи.

Впервые увидев меня после 9 сентября, он крепко стиснул мою руку, удивленно и внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Елин Пелин! Ты все такой же. Ничуть не постарел! А сколько лет тебе?

— Уже к семидесяти.

— Нет, тебе не дашь столько.

— Что же, недоразвитый старик, — пошутил я.

Он рассмеялся, потом серьезно сказал:

— Большинство известных людей нашего поколения, которых я встретил по возвращении, очень хорошо сохранились. Наверное, мы были не слабого десятка...

— Как себя чувствуешь? — спросил он.

— Не ахти хорошо. Сердце пошаливает... видать, поизносились подшипники...

— Знаю. Слышал я об этом... Ты держись. Выполним еще по четыре пятилетки. — И, пристально вглядываясь в лицо, добавил: — Если тебе не повредит морской климат, я пошлю тебя на великолепный курорт, где ты будешь иметь отличный уход и помолодеешь еще больше.

Я ответил, что врачи не рекомендуют мне море.

— Ты посоветуйся и дай мне знать, какой курорт они тебе порекомендуют.

Его внимание меня глубоко тронуло. Но, зная о его занятости, я не стал его беспокоить.

Димитров вблизи

(Из записок секретаря)

Январь 1946 года. Уже месяц, как я работаю с товарищем Димитровым. Работа напряженная. Ежедневно, с утра до поздней ночи. Без выходных и праздников. Димитров кажется неустойчивым: принимает людей, беседует с ними, участвует в заседаниях, пишет статьи, выступает с речами, напутствиями.

Таким я помню Димитрова в те дни. Всегда улыбающийся, с пламенем неукротимой веры в глазах и всегда приветливый, с бодрым настроением, неугасающим оптимизмом, который передается людям, словно электрический ток. Все у него было преисполнено энергией — и походка, и разговор, все свидетельствовало о его устремленности и непреклонности.

К такому напряженному режиму мы еще не привыкли. Работаем, не жалея себя. Но у меня пока нет необходимого опыта да и должной закалки. Наш рабочий день начинается в восемь часов, а когда заканчивается, понять невозможно. Всегда засиживаемся до позднего вечера. Нередко дела задерживают и после полуночи.

Как-то утром я опоздал.

Димитров был уже за своим письменным столом, работал. Я заметно смутился. Поздоровался и сел за стол в противоположном углу кабинета. Так тогда мы работали. Не было условий — в одной комнате он и его секретари. Тут же стояли телефоны и пишущая машинка.

Димитров поднял голову. В его взгляде не было обычной приветливости и мягкой доброжелательности. Отложив сигарету в сторону, он сказал:

— Надо стараться приходить на работу вовремя.

От стыда я готов был провалиться сквозь землю. Я уже привык к его расположению, которое придавало уверенность, что он все может тебе простить. И знал, что Димитров не любит делать замечания своим сотрудникам,

упрекать или подгонять их. Они сами, считал он, должны понимать, что к чему, и действовать так, чтобы не было нужды делать им замечания. Была в нем и великодушная терпимость, и деликатность. Если он и делал замечание, что бывало крайне редко, лишь в необходимых случаях, то высказывал его очень мягко, с чувством явного стеснения.

И вот я вдруг дал такой повод.

Я попытался в нескольких словах объяснить и извиниться.

— Мне пришлось подстричься и побриться...

— Хорошо, хорошо! — Он повторял обычно это слово таким тоном, что ты невольно начинал испытывать неловкость и досаду.

К тому же в кабинете были уже и люди, пришедшие с утра. Что больше объяснять? Как оправдываться, что до двух часов ночи ты был на работе и не успел пораньше забежать в парикмахерскую, когда сам он работал еще более напряженно, чем мы, и тоже до двух часов, а вот сумел вовремя встать, побриться и к восьми часам свежим и бодрым быть в кабинете...

Библиотека. Некоторое время до 1923 года Георгий Димитров жил в городе Самокове. Оказалось, что с тех времен там сохранилась его библиотека. В 1946 году она была переведена в Софию.

Книгами, по всей видимости, пользовались многие. Они обветшали и выцвели, но все были в сохранности.

Библиотеку потом разместили в доме Димитровых на улице Ополченской. Она заняла два огромных, во всю стену, шкафа и еще две специально изготовленные этажерки. В ее каталоге значится 2954 книги, изданных до 1923 года. Как видно, собрание было не из маленьких. Это хорошо подобранная личная библиотека. При самом беглом знакомстве с ней нельзя не согласиться с мнением старого партийного и профсоюзного деятеля Болгарии Николы Пенева, писавшего: «...Этот человек с двухклассным образованием, простой типографский рабочий, обладал обширной для своего времени личной библиотекой и путем самобразования достиг удивительных высот».

Хотите кого-нибудь лучше узнать — поройтесь в его книгах. Вы хорошо поймете мысли и волнения хозяина книг, его прошлое и настоящее. Почувствуете, чем он жи-

вет и что его занимает. Ощутите богатство или скудость его духовного мира. Библиотека Димитрова — это своего рода зеркало. В ней ярко отражается его личность.

Библиотека — семейное собрание Георгия и Любицы Димитровых. Она принадлежала двум людям, которые с благоговейной любовью относились к книге, искали и выбирали ее, по-настоящему ценили, отпосились к ней бережно и заботливо. Подбор книг далеко не случайный. Он свидетельствует о широких и многосторонних политических и культурных интересах людей, пополнявших полки этой библиотеки. Разнообразие содержащейся в ней литературы говорит о том, что ее владельцы были людьми высокой культуры и обширного кругозора, людьми, обладавшими завидным вкусом и пониманием книги. Они заботились о хорошей сохранности своего книжного богатства — большинство книг в добротном и изящном переплете. Переплетены и годовые комплекты журнала «Ново время»¹, подшивки других журналов и даже газет.

Трудно разграничить, разделить, что здесь результат стараний Димитрова и что отвечало стремлениям Любицы, кто из них приобрел или выписал из-за границы ту или иную книгу. Оба они были активными общественными деятелями, яркими публицистами, оба любили хорошую книгу. И все же пометки на полях говорят об особом интересе Любицы к поэзии и художественной литературе вообще. Об этом свидетельствует и такой факт. В одной обложке переплетены две книги по истории мировой литературы — классической и средневековой, и обе — с дарственными надписями Димитрова. И хотя на второй при переплете оказалась срезанной часть страницы и нельзя прочитать, к кому относятся слова: «...в знак глубокой признательности», но на первой сохранилось посвящение Димитрова Любице со словами трогательной нежности и глубокого уважения. Есть все основания полагать, что обе книги подарены им Любице, так как надписи на них датированы одним и тем же числом — 4 августа 1917 года.

В то же время не вызывает сомнения глубокое пристрастие Димитрова преимущественно к политической литературе. Марксистские издания на болгарском, русском и не-

---

¹ «Ново время» — теоретический и политический орган Коммунистической партии Болгарии.

мецком языке. Именно эта литература преобладает здесь, составляя основное ядро библиотеки. Тут по семь-восемь томов сочинений Маркса и Энгельса. А «Капитал», помимо болгарского издания в переводе и с предисловием Димитра Благоева (экземпляр, который после многих лет страптивный вновь вернулся в 1947 году к его владельцу), имеется и на французском языке. Рядом книга Франца Меринга «Карл Маркс. История его жизни», изданная в 1920 году в Петрограде, и два томика Поля Лафарга. На этой же полке брошюры В. И. Ленина «Две тактики...» (на русском языке) и «Очередные задачи советской власти». Последняя в двух изданиях: венском 1919 года на немецком языке и софийском 1920 года на болгарском. Тут же книга Карла Либкнехта «Мой судебный процесс», изданная тоже в Петрограде. В ней собраны письма, заявления, записи судебных заседаний (невольно напрашивается какая-то связь между этой книгой трагически погибшего выдающегося немецкого революционера и Лейпцигским процессом 1933 года). Годовой комплект журнала «Коммунистический Интернационал». На полках стоят много других аккуратно подобранных изданий самого различного свойства — журналы, ежегодники, своды законов и уложений.

Художественная литература также представлена широко. На первом месте русская классика: Гоголя — 9 томов, Горького — 26, Достоевского — 26, Островского — 10, Толстого — 12, сочинения Лермонтова, Леонида Андреева... Двенадцать томов Белинского, изданных в 1872 году, Чернышевский в тринадцати томах. В десятом томе роман «Что делать?» — издание 1906 года.

Из болгарской литературы видим собрание сочинений Константина Величкова, «Записки о болгарских восстаниях» Захария Стоянова, различные фольклорные сборники, выходившие в период с 1892 по 1914 годы. Среди других книг — два тома Жан-Жака Руссо, «Книга песен» Гейне (на немецком языке), произведение Робиндраната Тагора — опять же в немецком издании, четыре тома Шопенгауэра и др.

Не только языковым и тематическим разнообразием отличается это книжное собрание. В нем собраны различные пособия, учебники: для изучения английского языка, самостоятельных занятий французской грамматикой, «Образцы русской словесности», различные словари и т. д.

И все-таки все перечисленное здесь еще не в полной мере дает представление о библиотеке. О напористом стремлении Димитрова к знаниям говорят его многочисленные пометки на полях книг. Я был потрясен, когда стал листать их. Никогда ранее не встречался с такой страстью к чтению! Димитров читал книгу, словно отрывал колодец, — все глубже и глубже проникая в ее недра. Карандаш при этом играл важную роль: он был инструментом суждения и комментирования. Им Димитров заострял мысль, выделял самое важное и наиболее существенное, привлекал внимание, недвусмысленно, резко и категорично обнажал истину, опровергал ложь, выводил заключение. Книга кажется не просто прочитанной. Она, можно сказать, подобно глыбе рудоносной породы, разбита на части, раздроблена, и таким образом из нее извлечено все самое значимое и устранено несущественное и второстепенное.

Вот передо мной «Гражданская война во Франции» Карла Маркса. Целая геометрическая система различных подчеркиваний, линий, кружочков. Вместе с точками, восклицательными и вопросительными знаками они вплетены в строчки книги, ими испещрены поля ее страниц. Твердым росчерком синего карандаша почти через всю 11-ю страницу прочерчен восклицательный знак, а рядом — еще одна жирная линия, затем несколько коротких черточек и т. д. А вот еще одно произведение Маркса — «Революция и контрреволюция в Германии». И опять на полях многочисленные пометки — следы кропотливой работы. Синий и черный карандаши Димитрова буквально испестрили страницы знаменитой книги Энгельса «К критике политической экономии». Ленинская работа «Очередные задачи советской власти» была объектом самого тщательного и старательного изучения. Можно сказать, что этим четырем вышеперечисленным книгам и «Капиталу» Димитров уделял больше всего времени и внимания, их он изучал особенно пристально и серьезно.

Пометки карандашом встречаются и в книгах по другим отраслям знаний, например в «Классической литературе», принадлежащей перу доктора Александра Балабанова, или в «Истории литературы» Божана Ангелова. Трудно сказать, сделаны они Димитровым или Любича тоже перенила его метод читать книгу с карандашом в руках

(впрочем, в сочинениях Белинского есть подчеркивания и пером).

Но вернемся, однако, к рассказу о переправке библиотеки из Самокова в Софию.

Первоначально часть ее была размещена в кабинете на Велико Тырновской улице. Димитров встретил библиотеку с какой-то почти детской радостью.

— Следите за ней, сохраняйте ее, — наказывал он. — И берегайте всячески. Особенно от друзей берегите. За двадцать пять лет от врагов она не пострадала, но сберечь ее теперь от друзей будет поистине трудным делом.

Так он говорил не один раз. Это касалось и авторских экземпляров книг Димитрова, изданных в различные годы в Советском Союзе и хранившихся в шкафах его кабинета в Княжеве. В Болгарии это были редкие, почти единственные экземпляры.

И всякий раз, когда в этот кабинет приходили близкие соратники Димитрова, взгляды их неизбежно обращались к полкам с книгами. Они обычно брали их, внимательно листали, вчитывались.

И самому владельцу эти экземпляры были особенно дороги. Вот почему Димитров просил беречь книги.

— Ведь других экземпляров нет, а они еще сгодятся, — говорил он. И с шутливой серьезностью просил: — Особенно от друзей берегите. Они любят уносить книги с собой. Другую вещь в доме никто не возьмет, а книги и фотографии друзья растаскивают, не опасаясь быть обвиненными в чем-то предосудительном.

И это было так. Нам же, «сторожам», не всегда легко удавалось справляться с возложенной на нас задачей.

Однажды дожидавшийся приема товарищ Х., один из ближайших соратников Димитрова, стал осматривать книги, а потом и брать их. Заметив, что одна из книг библиотеки в нескольких экземплярах, он оживился.

— Я возьму одну, а? — подмигнул он.

— Товарищ Димитров строго запретил нам отдавать книги, — ответил я в сильнейшем смущении.

— Эх, и ты! — махнул рукой товарищ Х., заметно раздосадованный.

Не скрывая испытываемой им неловкости, он положил книгу на место, а я так и не смог подавить охватившую меня досаду, которую, кажется, чувствую и поныне.

Книги были слабостью Димитрова. Он намеревался собрать богатую личную библиотеку, но так и не успел сделать этого. Помню, как подробно он объяснял нам, в каком порядке расположить книги в его рабочем кабинете в Совете министров. К этим книгам он обращался каждый день. Сам поправлял их на полках, расставлял в наиболее удобном для него порядке. Затем стала работать специально приглашенная библиотечарша. Но и после этого у него все же личной библиотеки так и не появилось...

Однажды мне довелось быть свидетелем редкого случая. Два вождя Сентябрьского восстания¹, Димитров и Коларов, вдруг стали вспоминать те героические дни, не отказывая при этом в удовлетворении нашего острого любопытства. Помню этих двух легендарных людей, сидевших друг возле друга на диване с чуть затуманившимися и куда-то устремленными взглядами, и от нахлынувших на них волнующих чувств. Нельзя сказать, что разговор был оживленным. Мысли собеседников, очевидно, были заполнены возникавшими картинами минувших событий, и было ясно, что за каждым словом скрывалось для них многое. Ведь разговаривали два боевых товарища, судьбы которых были связаны так крепко историей, как это редко бывает. Коларов после 9 июня² ведущий, Димитров активнейшим образом помогает ему; в сентябре они вместе. После сентября оба пишут историческое письмо³; затем вместе работают в Исполкоме Коминтерна: Коларов — генеральным секретарем, а Димитров — членом Исполкома; когда Димитров оказался в фашистской тюрьме и перед Лейпцигским судом, Коларов возглавил Международный комитет по его спасению. Потом Димитров становится генеральным секретарем Коминтерна, а Коларов — членом его Исполкома. Димитров — вдохновитель идеи Отечественного фронта и его программы, а Коларов разраба-

¹ Имеется в виду антифашистское восстание, вспыхнувшее в Болгарии в сентябре 1923 года.

² 9 июня 1923 года в Болгарии произошел фашистский переворот.

³ Имеется в виду «Открытое письмо рабочим и крестьянам Болгарии», написанное Г. Димитровым и В. Коларовым в октябре 1923 года, с призывом к сплочению рядов партии и укреплению союза всех трудящихся города и деревни.

тывает эту программу. Когда Димитров умер, Коларов принял на себя большинство его функций, но он ненадолго пережил своего товарища.

Оба друга стали вспоминать дни подготовки восстания в сентябре 1923 года, перед тем как они покинули столицу, чтобы возглавить руководящий штаб во Врачанском округе — главном очаге восстания, как и где они укрывались. Припоминали не только дни, но и часы, вошедшие в нашу историю.

— Шемшото, это он организовал наш выезд из Софии. Подвижный, очень энергичный, преданный и честный товарищ.

— Извините, но кто носил эту странную кличку?

Оба весело рассмеялись. Так смеются люди, которым напомнили о чем-то давнишнем, но близком и дорогом.

— Йордан Панов — так его зовут, — пояснил Коларов. — Вы и теперь можете его встретить на улицах Софии. Всегда спешит и чем-то озабочен.

— Теперь уже, наверное, не такой расторопный, как тогда, — шутливо возразил Димитров.

Небольшое отступление. Как-то перед приятелями я в свою очередь заговорил о человеке с таким прозвищем. Спустя некоторое время к нам в дом пришел отец Искри Пазовой, которую я знал еще по царской тюрьме и с которой даже дружил, и коротко сказал:

— Я Шемшото.

И все мне стало ясно. Знаю я бай Йордана, доброго и благородного человека. Он уже поседел, но все такой же озабоченный и непоседа, всегда занятый каким-нибудь общественным делом.

— Был найден автомобиль, — Димитров и Коларов вернулись к рассказу, — за ночь надо было стать неузнаваемыми. На следующее утро мы оба, Гавриил Генев и шофер Павел Ненов, кажется, встретились в заранее условленном месте. Переодетые, даже с измененным цветом волос и отращенными бородами, с топографскими рейками в руках, мы походили на членов землемерной группы, собравшейся в путь.

— С нами еще два молодых парня для охраны были...

— Да, верно!

— Так, — подхватил другой, — мы благополучно выехали из Софии и направились к Петрокану. По дороге, однако, была устроена засада со строгим приказом схватить нас! Полиция получила сведения, что мы будем пробираться на легковом автомобиле во Врачанско. Ей был известен и цвет нашего автомобиля.

— Приблизившись к опасному месту, мы увидели большую группу полицейских. Чтобы лучше разглядеть автомобиль, они выскочили на дорогу. Мы, спокойно держа в руках свои землемерные инструменты и не сбавляя скорости, проскочили мимо них. Те только таращили на нас глаза, но ничего не предприняли...

— Но как так? Почему они не остановили автомобиль? — нетерпеливо спрашиваем их.

— У полицейских были сведения, что Димитров и Коларов будут ехать на красном автомобиле, а мы ехали в черном, и это их ввело в заблуждение.

— А что было потом? — допытывались мы. — Как добрались?

И оба вождя живо рассказывали о злоключениях тех далеких дней, как они укрывались в подвале одного из домов села Бершец и как в конце концов добрались в восставший город, чтобы возглавить славную народную эпопею.

Димитрий Полянов

Последняя встреча с Димитровым

Я был последний болгарин, которого видел и с кем говорил Георгий Димитров. Это было за четыре дня до его кончины. Случилось так, что на пушкинские торжества в Советский Союз поехал не только самый старый болгарский писатель, но и один из старейших современников и друзей товарища Димитрова. Я, знавший его еще молодым рабочим, многие годы следивший за его революционным подвижничеством и вместе со всем нашим народом восхищав-

шийся его самоотверженностью и делами, попросил разрешения навестить его в больнице.

И, к моей огромной радости, 27 июня вечером мне сообщили, что на следующий день в 11 часов утра у гостиницы «Метрополь» меня будет ждать машина, чтобы ехать к Георгию Михайловичу.

Почти всю ночь я не спал.

На другой день за полчаса езды мы очутились в санатории «Барвиха», окруженном красивым сосновым лесом. Остановились мы у небольшой двухэтажной виллы со стеклянней верандой. Нас пригласили в гостиную, где нас встретила Роза Димитрова. Рассказав о состоянии Георгия Михайловича, она попросила не задерживаться у него более десяти минут. Об этом же сказал и дежуривший здесь доктор.

Я поднялся по деревянной лестнице на верхний этаж и постучал в указанную мне дверь. Вошел в просторную, светлую комнату, которая мне показалась почти пустой, так как все мое внимание было обращено на больного. Он сидел в высоком кресле у небольшого столика со знакомой всем улыбкой на лице. Первым моим впечатлением было, что болезнь его изнурила. Но его глаза излучали все тот же димитровский пламень. Я подошел к нему с извинениями за настойчивость в желании встретиться с ним, мы поздоровались и обнялись. Он мне показал на стул напротив себя, и я сел.

— Хорошо сделал, что пришел навестить, — подбодрил меня Георгий Михайлович.

И тут я признался:

— Я уже думал, что если даже не увижусь с вами, то по возвращении домой все равно скажу, что встречался. Ибо на родине все встревожены последним бюллетенем о вашем здоровье...

Но тут Димитров прервал меня.

— Я следил по газетам за пушкинскими торжествами. Очень рад, что нашу страну представлял на них именно ты, наш старейший писатель... Читал твоё слово о Пушкине на торжественном заседании Академии наук... Хорошо... Очень хорошо.

Георгий Михайлович стал меня расспрашивать, где я побывал в Советском Союзе и что видел. Затем разговор зашел о нашей литературе.

Боясь, что десять минут уже прошли, я попытался было встать, но Георгий Михайлович дотронулся рукой до моего колена и сказал:

— Подожди еще немного.— И, заметив мое беспокойство, спросил: — Со здоровьем-то как?

— Еще не жалеюсь,— говорю в ответ.

— Это самое главное,— произнес с особой убежденностью больной.

— Но вы как-то говорили, что здоровье нужно, чтобы хорошо работать.

— Да, верно,— улыбнулся он.

— У нас дух крепкий, товарищ Димитров, и он иногда поддерживает наше пошатнувшееся здоровье.

Тут я поднялся, и на этот раз больной не задерживал меня. Наверное, устал.

— До свидания в Софии, товарищ Димитров! — сказал я.

— Привет всем товарищам! — были последние его слова.

Тут я подумал, что не следует при его состоянии обниматься и целоваться — это могло походить на последнее прощание, — и только пожал руку. Поспешил уйти, чтобы он не увидел слез, которые заволокли мои глаза. Но тут же почувствовал, что действительно вижу его последний раз, и пожалел, что не поступил так, как хотел: дружески не обнял и не расцеловал его.

Петр Димитров-Рудар

САМОЕ БОЛЬШОЕ БОГАТСТВО

Все, вероятно, помнят, как Антон Павлович Чехов в своей пьесе «Дядя Ваня» раскрывает идеал человеческой красоты. Доктор Астров, один из героев этой пьесы, говорит: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли...»

И всегда, когда я читаю, слушаю или произношу эти замечательные слова, перед моими глазами появляется во всем своем обаянии неповторимый образ Георгия Димитрова. Будто именно он служил прототипом для идеала великому писателю-гуманисту!

Так случилось, что в течение последних трех лет жизни Георгия Димитрова мне выпала возможность часто встречаться и разговаривать с ним. И я хорошо его узнал. И после каждой нашей встречи я все больше и больше убеждался, что этот человек весь, от начала до конца, соткан из физической и нравственной красоты. Высокий, стройный, внушительный, с выразительным, одухотворенным лицом, всегда аккуратно и со вкусом одетый, он внушал уважение всем своим видом всякому, кому довелось видеть его вблизи.

Возможно, найдутся и такие, которые скажут, что его аккуратность и подтянутость были вызваны требованиями этикета, обязательным для руководителя партии и правительства. Нет! Это было его сущностью, его глубокой внутренней потребностью. Об этом рассказывали его близкие, знавшие его еще с детских лет, рассказывали и друзья его юности.

Да, Георгий Димитров понимал и любил все краси-

вое, это было его глубокой внутренней потребностью. По своему душевному складу он был прирожденным эстетом — в хорошем понимании этого слова. Вид людей неопрятных, в безвкусной или измятой и грязной одежде вызывал у него истинное страдание.

Мне вспоминается, как однажды мы говорили с ним о необходимости прививать детям вкус к красоте с самого раннего возраста. Георгий Димитров увлекся и с большим воодушевлением заговорил об огромном значении эстетического воспитания при социализме и коммунизме.

— К сожалению, — сказал он, — все еще есть люди, которые недооценивают важности этого вопроса. Есть люди, наши товарищи — я подчеркиваю слово «товарищи», — которые считают заботу о внешнем виде, о красоте одежды буржуазной тенденцией. А некоторые идут еще дальше — им кажется, что замусоленная одежда и грязная обувь придают им более убедительный вид рабочего человека, подтверждают их принадлежность или привязанность к народу, к рабочему классу, к партии. Какое глубокое заблуждение! Какое превратное понятие о наших классовых нормах общественного поведения! Какое предосудительное искажение нашего коммунистического отношения к эстетическому, красивому! Я не могу не поделиться огорчением, что этой извращенной «классовой программе» порой поддаются даже образованные люди, даже женщины, которые обычно более заинтересованы в том, красиво ли они выглядят.

Разволновавшись, Георгий Димитров повысил голос и с присущей ему страстностью заговорил, словно не со мной одним, а с огромной аудиторией:

— Коммунизм — это не возвращение к примитивизму... Коммунизм — это борьба за красоту, за совершенство в самом широком смысле этого слова: в общественном отношении, в быту, в материальной и духовной жизни людей!

* * *

«И лицо, и одежда» у Георгия Димитрова всегда были красивы, по-чеховски красивы. Но во это крат красивей были «и душа, и мысли» его.

Еще до того как я с ним встретился и близко познакомился, я представлял себе Георгия Димитрова суровым, угрюмым человеком, который говорит всегда резко, никогда не улыбается, — таким, как его изображали художники в первые годы после народной победы. В этом навязчивом представлении о нем, вероятно, большую роль сыграли его слова на фашистском процессе в Лейпциге: «Я говорю языком резким и суровым. Моя борьба и моя жизнь тоже были резкими и суровыми...» И, может быть, поэтому я был так поражен, когда случай дал мне возможность с ним встретиться и увидеть его в совершенно другом свете. И я понял, что мое представление о нем было неверным, совершенно неверным. Я сразу почувствовал его непосредственность, внимание, его уважение к людям, задушевное тепло его большого человеческого сердца!

Когда мне сообщили, что я должен явиться к Георгию Димитрову, я растерялся. В первую минуту я не мог даже определить, какие чувства мной овладели. С одной стороны, я понимал, что это бесконечная радость и счастье для меня, с другой — мне стало ясно, что я внутренне не готов к этой встрече.

И вот я во Вране. В бывшем царском дворце. Я еще не успел прийти в себя, как открылась какая-то дверь — и вот он! Георгий Димитров! Я до сих пор не знаю, то ли он шел куда-то, то ли нарочно открыл дверь, чтобы сократить на несколько минут мое напряжение и душевную тревогу. Словно удивленный моим присутствием, он посмотрел на меня вопрошающими глазами, но тут же его взгляд стал гостеприимным.

— О, вы вовремя пришли. Заходите, заходите! — пригласил он меня любезно. И, не переводя дыхания, продолжал: — Я только что проводил советских специалистов и горю нетерпением поделиться радостью... Сюда, сюда, пожалуйста, посмотрите, какие чудесные богатства скрываются в недрах нашей болгарской земли!

И когда он подвел меня к столу, на котором лежали образцы разноцветных минералов и руд, он заговорил с таким заразительным увлечением о завтрашнем дне Болгарии, что, помимо воли, и я вместе с ним перенесся в будущее, радовался его радости, поверил в его веру,

и мне стало так хорошо, так легко, словно я сбросил со своих плеч мельничный жернов. А ведь я еще не сказал ему даже «здравствуйте»...

После этого наш служебный разговор проходил спокойно — будто мы уже давно, очень давно знакомы и это не первая, а сто первая наша встреча. Ничто больше не стесняло меня, не сжимало мне грудь, как по дороге сюда, во Враню. Георгий Димитров задавал мне вопросы, я отвечал. Некоторые подробности из этого разговора я уже забыл, но я всегда буду помнить, с каким вниманием он меня слушал. Так может слушать только человек, уважающий своего собеседника. Позднее я много раз убеждался, что с таким же вниманием и уважением он слушал всех: и интеллигента, и простого рабочего, и крестьянина, и ребят... И я все больше убеждался, что это было одним из секретов его обаяния и популярности среди народа, одной из тропинок, которой он добирался до человеческих сердец, заслуживал их доверие и любовь!

* * *

В один из вечеров товарищ Димитров позвал меня смотреть вместе с ним какой-то фильм. Мы вышли из столовой и пошли в маленький домашний кинозал. Внезапно Георгий Димитров остановился перед стоящим в коридоре шкафчиком с образцами разноцветных, искрящихся минералов и руд. Мне даже показалось, что он нежно прикоснулся к нему пальцами.

— Это один из лучших подарков, который я получил на съезде, — сказал он мне.

Я подошел и прочел надпись на маленькой латунной пластинке:

*По случаю V Съезда БКП Георгию Димитрову
от рабочих рудника „Пирин“
Кырджали*

— Сколько бы я раз здесь ни проходил, я обязательно останавливаюсь — что-то меня тянет к нему, — доверительно сказал мне товарищ Димитров. — Вам, может, покажется странным, но иногда я с ним даже разговариваю, мы говорим о будущем Болгарии.

Вот он каков! Я был приятно удивлен: у него не только самое большое человеческое сердце, у него еще и поэтическая, романтическая душа!..

* * *

Зима 1947/48 года была суровой и тяжелой. Особенно тяжело было жителям Софии да и всем тем, кто отапливался углем. Добыча угля резко упала. У снабженческой организации «Топливо» было много серьезных недочетов. На всю зиму «Топливо» отпускало всего лишь по полтонны угля на семью. Это вызвало острое недовольство среди населения. Особенно среди тех, у кого были маленькие дети. Положение не менялось, недовольство росло.

Однажды Георгий Димитров встретил меня очень сдержанно. В продолжение всего нашего разговора с лица его не сходило выражение озабоченности, между бровей залегла глубокая складка.

— Вы, вероятно, заметили, что я сегодня плохо настроен, — сказал товарищ Димитров, когда наш служебный разговор окончился. — Только, пожалуйста, не думайте, что вы тому причиной. — И, тяжело вздохнув, продолжал: — Недавно ко мне приходила моя сестра Магдалена. Она рассказала мне о недовольстве среди людей по поводу бесхозяйственности и безобразия с углем. Неужели это возможно сейчас, когда мы у власти, чтобы существовало такое безобразие, чтобы не было порядка! Недовольство населения справедливо, очень справедливо! Как может семья прожить всю зиму с полтонной угля? Куда делась забота о человеке? Неужели мы дадим людям, особенно тем, у кого грудные маленькие дети, мерзнуть, простуживаться, страдать от холода? Нет, здесь должна быть ответственность! Завтра я лично займусь этим вопросом, и в ближайшее время население получит уголь! Получит!

Георгий Димитров высказал эти слова с такой решительностью, что не могло быть никакого сомнения не только в том, что он выполнит поставленную перед собой задачу, но и в его искренности, в глубине его страдания. Да, страдание народа было и его личным страданием. Всегда. До последнего вздоха!

Мы называем и будем всегда называть Георгия Димитрова нашим учителем. Многие ограничивают это сердечное признание сферой революционно-политической деятельности, борьбы за общественно-политические преобразования, за строительство коммунистического общества. А ведь сколь многому мы могли бы поучиться и у Георгия Димитрова ЧЕЛОВЕКА, с его простыми человеческими качествами! Какой прекрасный пример личного поведения и отношения к людям в повседневной жизни был и всегда будет перед нами! Особенно для молодежи, для подрастающего поколения!..

...Школьники со всех сторон окружили Георгия Димитрова и плотно его обступили. Каждый из них хотел протиснуться к нему поближе.

— Ну, мне кажется, что нам уже пора расстаться, — улыбнулся товарищ Димитров. — Но, прежде чем уйти, я хочу вам задать один вопрос. Можно?

— Да, да, да-а-а! — ответили ребята в один голос.

— Только вот... вопрос мой трудный, очень трудный! Вам придется хорошо подумать, прежде чем отвечать!

— Ничего, ничего — спрашивайте!

— Хорошо... В таком случае ответьте мне: что является самым большим богатством у человека?

— Ну, разве это трудный вопрос? Кто не знает, что самым большим богатством для человека является знание, — хитро улыбнулся один паренек.

— Нет, — быстро возразила ему одна девочка, — здоровье!

А потом ребята, осмелев, наперегонки стали отвечать со всех сторон:

— Родина!

— Свобода!

— Труд!

— Сильная воля!

— Доброе сердце!

— Смелость!

— Ой-ой-ой какая бомбардировка! И все верные ответы! Сдаюсь! — поднял руки товарищ Димитров.

Ребята оживились. Они почувствовали себя победителями. Но тут они увидели, что товарищ Димитров не сдался, потому что через несколько секунд поднял указательный палец и совершенно неожиданно для них сказал:

— И все-таки есть еще одно большое, очень большое богатство у человека, о котором вы забыли.

Ребята переглянулись. Закусили губы — что это еще за богатство?

— Да, есть еще одно большое богатство...

И, чтоб не мучить больше детей, Георгий Димитров сказал:

— Это — товарищество, дружба! О нем я скажу вам несколько слов... Если бы у меня не было товарищей, друзей, меня не было бы сейчас среди вас, меня не было бы в живых. Мои товарищи, рабочие, много раз становились живой стеной впереди меня и грудью своей спасали меня от пуль полиции. Мои товарищи и друзья со всего мира оказывали мне неоценимую помощь во время Лейпцигского процесса и помогли мне выбраться из лап фашистских погромщиков. Я безгранично благодарен моим товарищам и друзьям. Я горжусь, что у меня много товарищей и друзей.

Георгий Димитров глубоко вздохнул, окинул взглядом ребят, примолкнувших и восхищенно смотрящих на него широко открытыми блестящими глазами. Затем, повысив голос, он еще добавил:

— Не тот богат, кто имеет много денег или имущества. По-настоящему богат тот, у кого много верных друзей! Но не забывайте, что настоящие, верные друзья приобретаются с трудом. Чтобы приобрести одного друга, иногда нужны месяцы, годы, а чтобы потерять его, достаточно одной секунды, одного необдуманного оскорбительного слова — и конец! Есть люди, которые любят насмехаться над другими, приклеивать им всякие оскорбительные прозвища.

Они стараются незаслуженно кого-нибудь унижить. Это плохая черта. Это нехорошо. Совсем нехорошо. Тот, кто насмехается над другими, — тот не ценит человеческого достоинства, у того нет и быть не может настоящих товарищей и друзей.

Вот об этом я и хотел вам сказать. Может быть, это вам в жизни пригодится — запомните. Ну, а сейчас — до свидания! Желаю вам от всего сердца разбогатеть, безмерно разбогатеть, чтобы были у вас все те прекрасные богатства, которые вы сами назвали, и... много, много настоящих, верных товарищей и друзей!

И вот подошла к концу книга о Георгии Михайловиче Димитрове, революционере ленинской закалки, человеке, вся жизнь которого была, есть и будет для нас примером.

2 июля 1949 года было опубликовано сообщение о кончине Георгия Михайловича Димитрова, выдающегося деятеля международного рабочего движения, председателя Совета министров Болгарской Народной Республики, Генерального секретаря Центрального комитета Болгарской коммунистической партии.

В центре Софии болгарский народ воздвиг мавзолей Г. М. Димитрову. Зимой и летом у мраморного подножия мавзолея лежат цветы — дань памяти великому революционеру.

Георгий Михайлович Димитров умер, но остались великие дела, свершенные им, остались его заветы, и один из этих заветов обращен к молодежи. Георгий Михайлович всегда повторял молодым: «Нельзя жить без идеала». А высшим идеалом для него был коммунизм, и смысл жизни он видел в борьбе за достижение этого идеала.

ФОТОИЛЛЮСТРАЦИИ

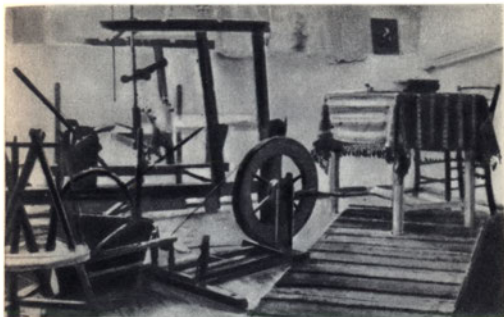
Дом, в котором родился Георгий Димитров.

Дом № 66 на ул. Ополченской в Софии, в котором Георгий Димитров жил вместе с родителями с 1888 по 1923 год (ныне Дом-музей Георгия Димитрова).

*Родители Георгия Димитрова вместе с детьми.
В центре Г. Димитров.*

*Комната в подвале дома № 66 на ул. Ополченской, где Георгий
Димитров занимался самообразованием.*

Георгий Димитров. 1902

Члены первого Общего рабочего совета, в который входили члены ЦК БРСДП и Синдикального комитета.

Собрание забастовщиков в городе Трявна, на котором выступил Г. Димитров. 1911.

Черная мечеть, тюрьма в Софии. В эту тюрьму в 1912 году был заключен Георгий Димитров.

Георгий Димитров с женой Любой Ивашевич. 1913.

Георгий Димитров. 1923.

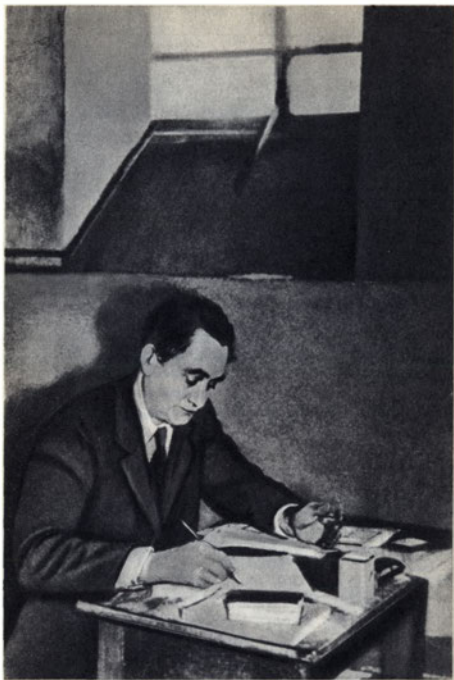
Горящий рейхстаг. 1933.

Снимки Георгия Димитрова, посланни гестапо българской полицией для установления его личности. 1933.

Камера в тюрьме Моабит, в которой Георгий Димитров находился в заключении. 1933.

Георгий Димитров в тюремной камере.

Статьи из «Правды»: «Димитров разоблачает полицейских свидетелей», «Удары по лжесвидетелям», «Димитров снова припирает к стене обвинения», «Иностранные юристы протестуют против удаления Димитрова», «Полицейские силой выводят тов. Димитрова из зала суда».

*Демонстрация протеста перед зданием немецкой миссии.
Нью-Йорк. 1933.*

*Заседание имперского суда в Лейпциге в дни процесса против
Георгия Димитрова и его товарищей. 1933.*

Георгий Димитров на суде. 1933.

Георгий Димитров задает вопросы свидетелям.

*Георгий Димитров, Благой Попов и Васил Танев в тюрьме
после вынесения оправдательного приговора.*

*Георгий Димитров встречает свою мать Парашкеву Димитрову
на вокзале в Москве 3 марта 1934 года.*

«Правда» посвятила целые полосы приезду Димитрова, Попова и Танева в Москву и их встрече с представителями советской и зарубежной печати.

Георгий Димитров и Максим Горький. 1 мая 1934 года.

Георгий Димитров на торжественном собрании в Обществе старых большевиков, посвященном 66-летию Н. К. Крупской.

Георгий Димитров, Морис Торез и Вильгельм Пик в Президиуме VII конгресса Коминтерна после окончания доклада Мануильского. Москва, 1935.

Георгий Димитров в своем рабочем кабинете, 1935.

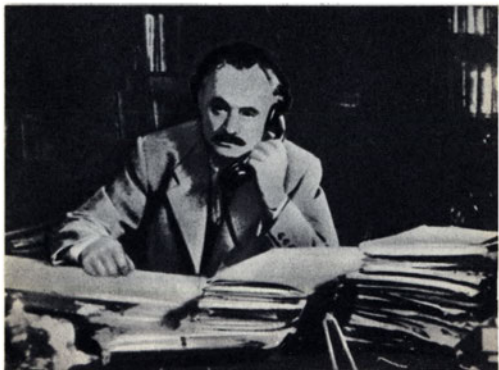
*Георгий Димитров с семьей на прогулке. Мащерино, под Москвой.
1942.*

Георгий Димитров с сыном Митко.

*Георгий Димитров и Герой Советского Союза Иван Папанин
в Барвихе, под Москвой. 1940.*

Георгий Димитров в своем рабочем кабинете, Москва. 1943.

Газеты Отечественного фронта, нелегально издававшиеся болгарскими патриотами в годы второй мировой войны.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин вручает Георгию Димитрову орден Ленина за выдающиеся заслуги в борьбе против фашизма. 1945.

*Георгий Димитров, маршал Ф. И. Толбухин и генерал-полковник
С. С. Бирюзов на софийском вокзале 22 февраля 1946 года.*

*Георгий Димитров и Тодор Живков на митинге 31 января 1946 года
на площади перед зданием Народного собрания.*

Георгий Димитров приветствует первомайскую демонстрацию трудящихся столицы Софии, 1 Мая 1946 года.

Георгий Димитров среди детей. 1947.

Георгий Димитров среди пионеров в бывшем дворце Враня, близ Софии. Июнь 1948 года.

Георгий Димитров на новогоднем вечере среди детей погибших партизан и политзаключенных, питомцев детского дома. София, 1 января 1949 года.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Дангулов. О преемственности мужества . . .	5

Детство и юность Георгия Димитрова

Здесь родился Димитров. Село Ковачевцы	23
Петра Раденкова. Родной дом Димитрова. <i>Перевод с болгарского А. Коренькова</i>	24
Камен Калчев. Ученик (рассказ). <i>Перевод с болгарского А. Стекольников</i>	25
Камен Калчев. Начало трудовой жизни (рассказ). <i>Перевод с болгарского А. Стекольников</i>	28
Камен Калчев. Редактор-разоблачитель (рассказ). <i>Перевод с болгарского А. Стекольников</i>	30
Профессор Илия Янулов. Таким он мне запомнился. <i>Перевод с болгарского А. Коренькова</i>	34
Ангел Каралийчев. С красным знаменем на Люлин (рассказ). <i>Перевод с болгарского Л. Христовой, Н. Кремневой, В. Сутулова</i>	35
Камен Калчев. В Самокове (рассказ). <i>Перевод с болгарского А. Стекольников</i>	43
Петр Димитров-Рудар. И они тоже социалисты... <i>Перевод с болгарского А. Коренькова</i>	48

Вступление в революцию

Стефан Продев. Один эпизод. <i>Перевод с болгарского А. Коренькова</i>	54
Стоян Ц. Даскалов. Поэт (рассказ). <i>Перевод с болгарского А. Коренькова</i>	59
Камен Калчев. Подруга (рассказ). <i>Перевод с болгарского А. Стекольников</i>	63
Стоян Ц. Даскалов. Чистота (рассказ). <i>Перевод с болгарского А. Таран</i>	65
Стоян Ц. Даскалов. Глашатай (рассказ). <i>Перевод с болгарского А. Таран</i>	74
Ангел Каралийчев. Защитник народа (рассказ). <i>Перевод с болгарского Л. Христовой, Н. Кремневой, В. Сутулова</i>	78

Ангел Каралийчев. Кафе «Варвара» (рассказ). <i>Перевод с болгарского Н. Звездиной</i>	82
Ангел Каралийчев. В Искырском ущелье (рассказ). <i>Перевод с болгарского Л. Христовой, Н. Кремневой, В. Сутулова</i>	87
Ангел Каралийчев. Ради такого человека (рассказ). <i>Перевод с болгарского Л. Христовой, Н. Кремневой, В. Сутулова</i>	93
Ангел Каралийчев. В дымном шахтерском городе (рассказ). <i>Перевод с болгарского Л. Христовой, Н. Кремневой, В. Сутулова</i>	100
Камен Калчев. Железнодорожная стачка (рассказ). <i>Перевод с болгарского А. Стекольников</i>	106
Димитр Пантелеев. Две встречи с Георгием Димитровым. <i>Перевод с болгарского Т. Елисеевой</i>	109
Камен Калчев. Неуловимый (рассказ). <i>Перевод с болгарского А. Стекольников</i>	113
Емил Коралов. Каштаны (быль). <i>Перевод с болгарского А. Коренькова</i>	116
Камен Калчев. Через Черное море (рассказ). <i>Перевод с болгарского А. Стекольников</i>	123
Б. Костюковский. Встреча с Лениным	130
Ангел Каралийчев. Из рассказа «Так началось восстание». <i>Перевод с болгарского Л. Христовой, Н. Кремневой, В. Сутулова</i>	137
Ангел Каралийчев. Поп Андрей (рассказ). <i>Перевод с болгарского Л. Христовой, Н. Кремневой, В. Сутулова</i>	140
Генерал-лейтенант Иван Винаров. Из книги «Бойцы невидимого фронта». <i>Перевод с болгарского А. Таран</i>	149
Из воспоминаний Розы Юльевны Димитровой. <i>Литературная запись М. Долинского и С. Чертока</i>	153
Петр Димитров-Рудар. Еврей из Салоник (рассказ). <i>Перевод с болгарского Л. Хлыновой</i>	155
Богдан Глогинский. «Прогулка» по Дунаю. <i>Перевод с болгарского А. Коренькова</i>	159
С. Болдырев. Из повести «Трижды приговоренный»	160

Лейпцигский процесс

А. Кореньков. Чудовищная провокация	169
Г. Димитров. Из конспекта первой речи перед судом	172
Г. Димитров. Из письма к Марселю Кашену	176
Г. Димитров. Из письма к Ромену Роллану	177
Петр Григоров. Из воспоминаний о Г. М. Димитрове. <i>Перевод с болгарского А. Коренькова</i>	—
М. Сукманджиева. «Коричневая книга». <i>Перевод с болгарского А. Коренькова</i>	179
Дэнис Ноэлл Притт. Контрпроцесс в Лондоне	180

Михаил Кольцов. Из цикла статей «Димитров обвиняет».	183
А. Курелла. Обвиняемый становится обвинителем (из книги «Димитров против Геринга»). <i>Перевод с немецкого Г. Я. Рудого</i>	190
Ю. Жуков. Георгий Димитров обвиняет преступника Геринга	195
Юлиус Фучик. Димитров и Геринг	200
А. Курелла. Перед судом — Геринг и Геббельс (из книги «Димитров против Геринга»). <i>Перевод с немецкого Г. Я. Рудого</i>	203
Г. Димитров. Из заключительной речи на Лейпцигском процессе, произнесенной 16-XII 1933 года	208
А. Кореньков. Как был совершен поджог рейхстага	211
А. Курелла. Под защитой советской звезды (из книги «Димитров против Геринга»). <i>Перевод с немецкого Г. Я. Рудого</i>	215
Михаил Кольцов. Этапным порядком по воздуху	223
Лев Кассиль. Товарищи, сограждане	227
С. Маршак. Окончательный приговор	229
Б. Полевой. От Лейпцига до Нюрнберга (из книги «В конце концов»)	234
Из письма Г. М. Димитрову инженера Н. Алмазова	240
Аркадий Чадратов. Встреча с Георгием Димитровым	—
Г. Димитров. Сохраняйте верность борьбе пролетариата. <i>Перевод с болгарского А. Коренькова</i>	241
Галина Серебрякова. Г. М. Димитров (из книги «О других и о себе»)	242

На новом пути

Маршал Советского Союза С. Бирюзов. Из книги «Суровые годы»	249
Петр Димитров-Рудар. Когда враг тебя хвалит (рассказ). <i>Перевод с болгарского Л. Хлыновой</i>	254
Петр Димитров-Рудар. А я не брошу тень? (рассказ). <i>Перевод с болгарского Л. Хлыновой</i>	257
Петр Димитров-Рудар. Я дал слово (рассказ). <i>Перевод с болгарского Л. Хлыновой</i>	260
Нушка Григорова. Встречи с Димитровым. <i>Перевод с болгарского А. Коренькова</i>	262
Елин Пелин. Из коротких бесед с Г. Димитровым. <i>Перевод с болгарского А. Коренькова</i>	266
Неделчо Ганчовский. Димитров вблизи (из записок секретаря). <i>Сокращенный перевод с болгарского А. Коренькова</i>	267
Дмитрий Полянов. Последняя встреча с Димитровым. <i>Перевод с болгарского А. Коренькова</i>	275
Петр Димитров-Рудар. Самое большое богатство. <i>Перевод с болгарского А. Таран</i>	278
Фотоиллюстрации	287

Для среднего и старшего возраста
РАССКАЗЫ О ГЕОРГИИ ДИМИТРОВЕ

Ответственные редакторы *Л. Е. Касюга* и *И. И. Прусаков*. Художественный редактор *Т. М. Токарева*. Технический редактор *Е. М. Захарова*. Корректоры *К. И. Каревская* и *Э. С. Ульянова*.

Сдано в набор 18/VI 1970 г. Подписано к печати 21/X 1970 г. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 16,8. (Уч.-изд. л. 14,98+16 вкл. = 16,3). Тираж 75 000. ТП 1970 № 105 Р. А10361. Цена 77 к. на бум. № 1. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сушевский вал, 49. Заказ 836.

